

ЭЛЕГИИ
И
ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1827.

ЭЛЕГИИ

И

ДРУГИЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭЛЕГИИ

И

ДРУГИЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Д Т

МОСКВА,

въ Типографіи Августа Селена

1827.

ЭЛЕГИИ

И

ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ДМИТРІЯ ГЛѢБОВА.

L'art, des transports de l'ame est un foible interprete,
L'art ne fait que des vers ; le coeur seul est poete.

A. СЕНЬЕР.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1827.

Печаташь дозволяешся съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, предсшавлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Депаршамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Сеншября 27 дня, 1826 года. Книгу сію разсмашриваль Магистръ

ИЗМАИЛЬ ЩЕДРИТСКІЙ.

ЭЛЕГИИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

НОЧНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ.

Свершивъ свой славный пушь, усалый царь денницы
 Нисходишь медленно съ блестящей колесницы ;
 Слѣды его еще въ прозрачныхъ обла хъ
 Пылають яркою, волнисшою браздою
 И съ цвѣшомъ пурпура льюшь золошо рѣкою
 Въ пошущихъ небесахъ.

Луна спыдливая чуть брежжеть изъ-за шучи ,
 Дрожащій лучь скользиль на холмъ и лѣсь дремучій ;
 Природа, кажешся , въ торжешественный сей часъ ,
 Между бѣгущимъ днемъ и падающей тѣню ,
 Склонясь къ глубокому , свяшому размышленью ,
 Небеснымъ облеклась.

Се общей жершвы даръ , Благому принесенный ,
 Ему вселенна — храмъ ; земля — олшаръ священный ;
 Сводъ храма — небеса ; а сонмы звѣздъ злапыхъ ,
 Полусокрышыхъ намъ и чупь для взора зримыхъ ,
 Тьмы шемъ свѣшильниковъ предъ Нимъ неугасимыхъ ,
 Въ преддверіяхъ свяшыхъ !

Сіе возшедшее , полночное свѣшило ,
 Какъ бы возженное швореніемъ кадло ,
 Возносптъ въ горній міръ вечерній ошміамъ ;
 Свиваясь облака ошъ шпихихъ дуновеній
 И шая въ воздухъ , какъ легкій дымъ куреній ,
 Плывущъ по небесамъ .

Но храмъ безмолвень сей ! Гдѣ вдохновенья лики ,
 Гремящіе хвалы , достшойныя Владыки ?
 Все шихо — сердца лишь я внемлю сильный гласъ :
 И умиленный духъ , съ природою сліянный ,
 Горішь , какъ жершвенникъ предъ Нимъ благоуханный ,
 Въ вечерній , шихій часъ .

Всесильнаго воззвашъ я съ шрепешомъ дерзаю ,
 Пустыни Именемъ безмершнымъ оглашаю : —

И Тощь , Кто съ вѣчнаго преспола Своего
 Къ гармоніи міровъ склоняешь Самъ вниманье ,
 И сердца слабое услышишь лепешанье ,
 Хваляще Его.

О шь , нѣсть Коему начала и кончины ,
 Извлекшій спройный міръ изъ хаосной пучины ,
 Душа вселенныя , Создатель , Богъ , Отець !
 Во всѣхъ сихъ именахъ Тебя я обожаю ;
 По чувству своему — Тебя я почишаю
 Властителемъ сердець.

Читаю въ небесахъ свой жребій знаменитой ;
 Въ пространствѣ семъ Твое величіе открыто ;
 Щедроты — на землѣ , а слава — въ пверди сей !
 Творенье рукъ Твоихъ исполнено Тобою ;
 Ты въ міръ всюду зришь , — а міръ своей чредою
 Весь зришь въ душѣ моей.

Ко благосхи ль Твоей всещедрой возвышаюсь ,
 Иль въ глубину души своей я обращаюсь :

Во всемъ я зрю Твои предвѣчныя чершы.
 Душа моя — любви и свѣта лучъ небесный,
 Повсюду безъ Тебя встрѣчаешь мракъ безвѣстный
 Ничтожной пустоты.

Сей лучъ, источника на время оплученный,
 Горитъ желаніемъ возврата, заключенный.
 Я мыслю, чувствую, люблю, живу Тобой;
 Ты мнѣ являешься вездѣ сквозь міръ прозрачный,
 Въ пущыни ли бѣгу, въ предѣлѣ Природы мрачный,
 Повсюду Ты со мной.

Проглянешь ли молодой денницы лучъ румяный,
 Росой окропишь блестящія поляны: —
 Мнѣ мнится, обращенъ божественный Твой взоръ
 На міръ, проснувшійся отъ сладкаго забвенья,
 И въ солнцѣ пламенномъ къ намъ льешь благошворенья,
 Возшедшемъ изъ-за горъ.

Слетишь ли ночь, разславъ таинственныя шѣни,
 Въ мерцающихъ огняхъ лазурь небесной сѣни: —

Безмолвемъ , шемношой и́спрахомъ окружень ,
 Тебя , Присутствешвенный , я ближе ощущаю
 И свѣшомъ внушрешнимъ духъ мрачешый озаряю ,
 Надеждой окриленъ .

Источешикъ благосши , щедросы неизчешном :
 Уже ли живешю , едвa для насъ примѣшной ,
 Дней нашихъ бышешю Ты положилъ предѣль ?
 Нѣшь! Всѣхъ сущешвъ Творецъ не будешъ разрушешель !
 Здѣсь смершешый , на земль , мишушешый посѣшешель :
 Безсмершешье нашъ удѣль .

Я вижу свѣшешый брегъ шраны обѣшешованной , —
 По шяжкомъ шрансешвеш прешюшь для насъ желанной .
 Се къ шрону Твоему послѣдешя шшупешь.....
 Когда душа моя ошь узъ земныхъ восшранешъ ,
 И въ возвѣшешенномъ ей ошечешствѣ насшанешъ
 Незаходешый день !

II.

ЧАСОВНЯ.

Нахмурясь облака, какъ мрачная завѣса,
 Сокрыли ошь очей лазурный небосклонъ;
 И будишь шишину въ глуши уснувшей лѣса
 Несущійся съ полянь осенней бури спонь.
 Часовня вешая въ сѣни уединенной
 Зовешь прохожаго на прагъ ошдохнуть;
 Межь чешырехъ пушей она споишь смиренно,
 И къ ней приводишь каждый пушь.

Здѣсь обишалъ Герой, чешь храбрыя дружины,
 Когда влачила дни свяшая Русь въ цѣпяхъ,
 И грозные враги, Моголы — власпелны,
 Съ мечемъ и пламенемъ несли повсюду спрахъ.
 Изъ града удалясь въ сей лѣсъ непроходимый
 Съ прелешной дѣвою и Пашыремъ свяшымъ,
 Онъ здѣсь изрекъ обѣшь, ошь сердца приносимый,
 Предъ внемлющимъ Ошцемъ благимъ.

Союза двухъ сердець свидѣтелями были
 Чуть взору зримыя надъ лѣсомъ небеса ,
 Предъ коими давно любовь свою открыли , —
 И съ пламенной слезой молилась имъ краса.
 Но , дѣва горести , возвращенная напастью ,
 Къ спряданью разцвѣла ты жизнью молодой :
 Вошце ты ввѣрилась обманчивому счастью ,
 Мелькнувшему передъ побой ! . . .

Твой другъ Пресвишера пріять благословенье
 И первый поцѣлуй любви запечатлѣвъ ,
 Въ минушу радости повергнулся въ смущенье ,
 Какъ бы услыша вдругъ Небесь правдивый гнѣвъ !
 Спящей родины всю тяжесть мукъ и плѣна
 Онъ съ счастьемъ своимъ , содрогнувшись , сравнилъ ,
 И обнаживъ чело , предъ Богомъ силъ колѣна
 Торжественно онъ преклонилъ .

« Да будешь , онъ вѣщалъ , любовь Тебѣ залогомъ
 Къ опчизнѣ спраждушей усердя моего !
 Клянусь глубокыхъ чувствъ симъ пламеннымъ во-
 споргомъ ,
 Чшо гласъ ея сынамъ священнѣ всего .

Иду, иду съ врагомъ за Твой ошпарь сразишься,
 Иль славно побѣдишь, иль славно умерешь :
 Сей долгъ свяшой веляшь съ подругою простишься,
 И счастья брачнаго не зрѣшь. »

Такъ храбрый сынъ сѣговъ клялся подъемля длани,
 И острый мечъ съ рукѣ могучаго сверкалъ ;
 И, яростный, мечшаль, что имъ въ священной брани
 Могологъ гордыхъ соняъ безшрашно поражалъ.
 Прощаясь Славянинъ съ рыдающей подругой,
 Душою всею былъ средь брачнаго огня ;
 Надѣвъ пернаый шлемъ и осынясь кольчугой,
 Садился гордо на коня.

Пресвишеръ возносилъ горѣ свои молишвы,
 Взывая къ помощи невидимой Небесъ ;
 И воинъ весело пустился въ поле битвы ;
 И слабыхъ двухъ спрощъ сокрылъ дремучій лѣсъ.
 Решиваго коня былъ долго слышенъ топотъ ;
 Супруга объ руку шла съ старцемъ со слезой ;
 Онъ вѣрою свяшой смирялъ спрданья ропотъ,
 Доколѣ смолкнулъ лѣсъ глухой.

Свершилось! понеслась, как грозный вихрь, дружины,
 Ошь бурныхъ ихъ коней содрогнулась земля ;
 Стсанія враговъ ошгрянули пучины ,
 И обагрила кровь цвѣшущія поля.
 Пришельцовъ гордый сокмъ сокрылся, пораженный,
 Останки смрадные оставя по слѣдамъ ;
 Низшелъ желанный миръ въ край родины священнѣй ,
 Неся блаженство двумъ сердцамъ !

И въ память горешной друзей своихъ разлуки ,
 Въ шамственной стѣни построилъ мужъ свяшой
 Часовню скромную , гдѣ скорбь ихъ тяжкой муки
 Подробно изразилъ онъ въ повѣсти прошой.
 Вѣка минувшіе съ дѣяньями забышы ;
 Селенья рушились , другія вознеслись ;
 Но древности слѣды не всѣ для насъ сокрышы :
 Усердемъ добрыхъ сбереглись.

Въ лѣсу дряхлющемъ, передъ часовой шюю,
 Со знаменемъ креста прохожіе идушь,
 И шарцы юношамъ съ сердечною слезою
 Собыше древнихъ дней въ завѣшь передаюшь ;

И шедши далѣ по сумрачной дубравѣ ,
Не престающъ они бесѣдовать мечтой
О храброси ощевъ , объ ихъ напастяхъ , славѣ
И къ родинѣ любви святой !

III.

МОНАСТЫРЬ.

Бьешь полночь! Сладкимъ сномъ почило все творенье;
 Восходишь медленно надъ озеромъ луна ;
 Все успокоилось — и грусть и наслажденье ;
 Въ дубравѣ сумрачной на стражѣ шшина.

Вблизи , передо мной , священная обитель ,
 Гдѣ Вѣра иноковъ дни мирные хранишь ,
 Гдѣ Покаяніе — ихъ съ Небомъ примиршешь
 Сънь шихой пристани за гробомъ имъ сулшъ.

Средь сихъ высокихъ стѣнъ , въ лѣсу сооруженныхъ ,
 Почіюшь праотцы сномъ мирнымъ , вѣковымъ ;
 Лучъ мѣсяца скользишь сквозь листья липъ сгущенныхъ ,
 И стѣни шелюшся по камнямъ гробовымъ.

Сюда , въ полночный часъ , влеченіемъ сердечнымъ
 Я къ размысленію невольно приведенъ .
 Здѣсь вижу я предѣль желаньямъ безконечнымъ ,
 Которыми нашъ духъ всечасно возмущенъ .

Здѣсь умолкаешь лесъ , величье исчезаетъ ,
 И царь и рабъ равно сокрыты подъ землей :
 Лишь истинна о нихъ прохожему вѣщаетъ ,
 Вѣщая добраго нельшивую хвалой .

Сюда , отъ сердца дань признательность свящая ,
 Въ священномъ сумракѣ , на милый прахъ несешь
 И съ берега свѣтлаго шайншвеннаго края
 Тѣнь благодѣтеля сшенаніемъ зовешь .

Огромный памятникъ и съ надписью злобою
 Не нужны , чшобъ его могилу указать ;
 Несчастные пдушъ къ ней съ пламенной слезою :
 Вошь ближнему урокъ , какъ жпшь и умирашь .

Все , все Смершь грозная въ семь мірѣ разрушаетъ ,
 И царства гордыя исчезнули въ вѣкахъ ;
 Но память добрыхъ дѣлъ и время ушомляетъ ,
 Блистая въ вѣчноши , какъ мѣсяцъ въ небесахъ .

Вошь дѣва юная , подѣ шрепетною ивой ,
 Въ слезахъ недвижима , на урну преклонясь ;
 Одна бесѣдуешь съ печалью молчаливой ,
 Встревожишь мирный сонъ любезнаго боясь .

Мечты прошекшихъ благъ въ душѣ возобновились ,
 И кляшвы , данныя невинности святой ;
 И къ другу нѣжному объашья устремились
 Но урну хладную объемлешь предѣ собой !

Изчезло все какъ тѣнь любви очарованья ,
 Какъ гощи милые , сокрылись навсегда ,
 Оставляя по себѣ лишь грусть воспоминанья ,
 Что не ворошатся въ семь мѣръ никогда .

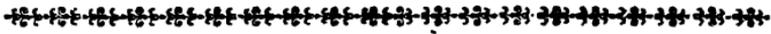
Ни съ тихимъ вечеромъ , ни съ утренняя зарею
 Съ привѣтомъ нѣжности любезный не придетъ !
 И годы пролетая нѣвидимо спрѣлоу ,
 И друга гласъ любви къ себѣ не призовешь !

Въ дни юныя весны , воскресшая природа
 Не пробудитъ его душистымъ вѣшеркомъ ;
 Ни мрачной осенью , свистъ бурь и непогода :
 Онъ спитъ—и мершвое молчаніе кругомъ !

И взоръ страдалицы, на небо обращенный,
Теряясь средь міровъ, разстѣянныхъ Творцемъ,
Спрямишся зарубежь, для смертныхъ положенный,
Туда, гдѣ горести награждены вѣнцемъ.

О благошворный другъ, надежда — ушѣшишь,
О Ангель благости! съ улыбкою для насъ
Ты отворяя дверь въ небесную обитель,
Велишь безшрепетно кончины встрѣишь часъ.

IV.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ.

Последній солнца лучь вершины дальнихъ горъ
 Румянымъ блескомъ озмлащаетъ ;
 Поляны спихнули ; молчишь угрюмый боръ ,
 И сумракъ вечера слезаешь .
 Я вижу сельскій храмъ надъ свѣтлою рѣкой ;
 Вблизи, на высотѣ, домъ древній, опустѣлой ;
 Вокругъ — развалины ограды обгорѣлой,
 Обросшей дикою травой .

Вошѣ'здѣсь, гдѣ я провелъ младенческіе дни ,
 На лонѣ ошческомъ, въ покоѣ ,
 Гдѣ я душой раздвѣль , ошѣ грозныхъ бурь въ снѣи ,
 Гдѣ зрѣлъ веселіе злшое , —
 Встрѣчаю я слѣды неистовыхъ враговъ :
 Взоръ всюду пораженъ наснліемъ, плъ жершвой ;

Средь запускѣнья, видъ природы полумертвой,
И прахъ встревоженный опцовъ!

Свершилось грозное событіе древнихъ дней!

Ошчизна обагрилась кровью!

Прощались жители щасливыхъ сихъ полей

Съ спокойствомъ, дружбой и любовью!

Вошь здѣсь, въ равнинѣ сей, среди зажженныхъ селъ,

На гордыхъ берегахъ спрующія Нары,

Послышались мечей звучащіе удары, —

И громъ опшщенья возгремѣлъ!

Но снова Сѣвера бессмертные сыны

Явились праотцевъ достовѣрцы.

Враги разсыяны, подруги спасены,

И грады, веси вновь спокойны.

Вы, вѣчный памятникъ, Тарушина поля!

Здѣсь первый, свѣтлый лучъ зашептался свободы,

Къ надеждѣ шомные воскреснули народы....

И обновилась вся земля!

Въ семъ размышленіи иду я въ темный боръ,

Гдѣ были вы, пишомцы славы,

И чѣмъ же пораженъ мой изумленный взоръ

Въ священномъ сумракѣ дубравы ?

Вглуши возношися уединенный крестъ ;

Въ тѣни шамившвенной пирамидальной ели ;

Надъ нимъ хранишеля незримые слезѣли, —

И все покоишся окрестъ.

Здѣсь спишь молодой герой, его священный прахъ

Чувствительность здѣсь положила :

Безвѣстенъ онъ — но памь , о немъ , на небесахъ

Святая вѣра возвѣстила.

Бышь можешь, въ люшый часъ кончины роковой,

Онъ смущною мечшой лешѣлъ къ подругѣ милой, —

И стонъ его исчезъ въ дубравѣ сей унылой ,

И не достигъ семьи родной !

Миръ праху швоему , ошчизны вѣрный другъ !

Ты палъ — но слава въ гробѣ дышешь

И памаяшъ подвиговъ, во мзду швоихъ заслугъ ,

Безмершя въ скрижалахъ пишешь.

Сюда, о воины, веселья изъ - за чашъ ,

Учишесь умирашъ въ вѣкъ юности шчастливымъ :

Въ забвеньи шлѣющій, сей прахъ краснорѣчивый

Въ нуши побѣдъ наставникъ вашъ !

V.

О С Е Н Ь.

Угрюмой осени безжалостной рукой
 Цвѣшны полей похищены съ долины ;
 Борей разносишь хладъ и будишь лѣсъ нагой ,
 Склоняющій смиренныя вершины !
 Пѣведь задумчивый умолкъ ; зашикнулъ боръ ;
 И рѣзкій звукъ пасшешеской свирѣли ;
 И рѣзвыхъ Нимфъ седа неушомимый хоръ :—
 Поля, луга безъ нихъ осирошѣли !
 Сстрадалица любви въ рѣдѣющихъ кустахъ ,
 Одна съ шоской , какъ привидѣнье, бродишь :
 Неоживленная улыбка на устахъ
 Унынія съ лица ея не сводишь .
 Возсѣвъ на мшистомъ пнѣ, подь иглицшой сосной ,
 Поникнула она главоу тяжелой ,
 И шускый взоръ ея , подернушый слезой ,
 Привѣшшвуешъ сѣнь роци опустѣлой .

From the book

Тревожншъ шолько въшрь безмолвія престолю ;
 Иль водопадъ однообразнымъ шумомъ ;
 Иль дикихъ врановъ крикъ , несущійся на долю ,
 Иль спонъ глухой въ убъжищѣ утрюмомъ !
 Все мрачно , жизни все на время лишено ,
 Окрестный видъ—какъ шлѣнія пущынности ,
 Гдѣ все опъ смершнаго какъ бы опчуждено....
 И шраха объяль скорбящую невинность !
 Но Вѣра крошкая , ээирною пропой ,
 Низходишь къ ней , какъ Ангель свѣшозарной ,
 И шихо гаснешъ лучъ надежды роковой ,
 И пламеникъ любви неблагодарной !
 Одишь глубокий вздохъ — краснорѣчивый гласъ
 Ушраченныхъ , младенческихъ желаній , —
 Какъ свѣжимъ щаспиемъ ласкалась въ первый разъ ,
 Безъ шрепеша губишельныхъ шраданий ;
 Когда душа ея , спокойшвіемъ полна ,
 Летѣла въ даль съ невѣдомой надеждой ;
 И жизнь еще цвѣла , какъ юная весна ,
 Гордясь красой и праздничной одеждой....
 Но мигъ — и жребій палъ : очаровашель—сонъ
 Сокрылся вдругъ—и съ нимъ увяла младость !
 Коварный сердца гощь ! какъ мшшишелень былъ онъ ,
 Безжалостно его похишилъ радость !

О другъ услужливый обманушой любви !

Гонимыхъ щипъ ! поварищъ угнешенныхъ !

Воспоминаніе ! нещасной оживи

Всю сладость дней, шобойо сохраненныхъ.

Пускай съ шобой она бесъдовашъ идешъ ,

Въ дни помные осеняго ненашья

И сънь забвенія минушнаго найдешъ

Въ развалинахъ разрушеннаго щасья!

VI.

КЪ МУЗАМЪ.

Les biens de l'âge d'or ne sont pas des chimères.

SAINT LAMBERT.

О вы, пущыницы долинь уединенныхъ ,
 Пещерь таинственныхъ и дремлющихъ лѣсовъ ,
 О Музы! бродите ль въ мечшаньяхъ сокровенныхъ ,
 Внимая ропошу лѣнивыхъ ручейковъ ,
 Иль рѣзвитесь въ лугу веселыми шолпами ,
 Когда лучъ мѣсяца поляны серебришь ,
 И злакъ уступчивый съ покорностью скользитъ ,
 Склонясь подь вашими воздушными спонами , —
 Явисьесь..... я зову васъ пламенной душой !
 Средь града шумнаго , на пыльной мостовой ,
 Вы мнѣ не встрѣшишесь , спокойшвія подруги !
 Вамъ звонкихъ колесницъ прошивень шумъ колесъ ,
 И вы скрываетесь , посланницы небесъ !
 Зову..... явисьесь мнѣ , гошовъ я къ вамъ въ услуги ,

Неиспощимые въ божественныхъ дарахъ !
 О ! будьте вы мои и Лары и Пенашы !
 Въ глухой безвѣстности, на оптическихъ поляхъ ,
 Вы дайте мнѣ въ удѣлъ пріюсть, хоть не богашый,
 Но гдѣ счастливыхъ дней незнаемый пѣвецъ ,
 Съ цѣвницею въ рукѣ я встрѣчу дней конецъ .
 Вы знаете , что я и юности во цвѣтѣ ,
 Желаній далѣ своихъ не простиралъ ,
 И счастье полей всему предпочиталъ .
 Да будешь у меня, и въ сердцѣ, и въ предметѣ ,
 Топь вѣкъ, блаженный вѣкъ, па смертныхъ колыбель,
 Гдѣ были всѣ ихъ дни невинностью хранимы ,
 И добродѣтели однѣ богошворимы ;
 Гдѣ чистая любовь была всей жизни цѣль .
 Насупишь ли сей вѣкъ безпечный и счастливый ?
 Дадите ль, Музы, мнѣ вы сей смиренный кровъ ,
 Близъ косяго, рѣзвясь по бархашу луговъ ,
 Лазоревымъ сребромъ сверкнешь ручей игривый ?
 Ошь зависши людской лѣсами огражденъ ,
 И чуждый знашности высокоумной скуки ,
 Не буду знать вглуши честолобивою муки .
 Подругой, милыми пшеницами окруженъ ,
 Я понесу въ поля глубокия мечшанья , —
 И лиру оживишь ихъ шворческій порывъ !

Пусть чашу радости безъ страха и желанья,
 Я выпью всю до дна, по капль испощивъ.
 О сумрачныхъ лѣсовъ присущственный хранишель,
 Опрада горестныхъ и злополучныхъ другъ,
 Задумчивость! шобой полей спокойный житель
 Волненьемъ сладостнымъ лелѣешь томный духъ,
 Когда въ часъ вечера, на берегъ осіянный
 Онъ медленной спопой невольно увлеченъ,
 И умолкаетъ долъ, и лѣсъ вдали шуманный
 Въ послѣдній разъ лучемъ бѣгущимъ озаренъ....
 Возсѣвъ въ безмолвіи; роскошшвуешь душою,
 И, полный думъ, склонивъ въ мечтаніи главу,
 Онъ смощришь, какъ ручей зеркальною спруею
 Живописуешь лѣсъ, цвѣшны и мураву,
 И древній храмъ и лугъ, песщрѣющій спадами,
 И небо вечера златишными грядами; —
 И незабвенный слѣдъ своихъ прошекщныхъ дней
 Съ былою радощью онъ чувщвуешь сильнѣй;
 И благъ ушраченныхъ лишь видя предъ собою
 Одну печальную, ничшожную щщещу,
 Сщремисщя въ памяти осущществивъ мечщущу, —
 И невозвращное еще дарисщщ слезою.

VII.

РАЗРУШЕННЫЙ ЛѢСЪ.

О сонмы Нимфъ ! спруише поки слезъ ,
 Лишился боръ гостепріимной пѣни !
 Амуровъ рой ! спольшній дубъ изчезъ !
 Не спало вамъ его прохладной сѣни !
 Не внемлю я пернашыхъ громкій хоръ ,
 Дубравы сей гостей всегда веселыхъ ;
 И странника напрасно ищешь взоръ
 Приспанища въ сихъ рощахъ опустѣлыхъ .
 Вошце сюда прекрасная спѣшишь ,
 На память дни ушѣхъ своихъ приводишь :
 Убѣжища привычнаго не зришь ;
 Безмолвствуешь , вздыхаешь и — проходишь !
 Пускай Зевесъ , ударивъ въ облакахъ ,
 Спрашитъ себя , жестокій разрушилель !
 Есть мощный Ларь , присущстввенный въ поляхъ ;
 Ему и садъ и огородъ обилель .

Онъ царшвуетъ , сѣдящій на горахъ ,
И пасырей всегдашній покровитель.
Велишь — и пчель покроешь шумный рой
И юный цвѣшь и стебель въ дубравѣ новый.
Когда жъ блеснешь лучъ мѣсяца злашой,
Не дремлешь онъ , благошворишь гошовый ;
Не престаешь Зефировъ преклоняшь ,
Чшобы , пшенцовъ гдѣ скрыты колыбели ,
Съ прохладой имъ сѣнь зыбкую качашь ;
Не любишь онъ , чшобъ листья пожелшѣли ,
Когда еще лугъ зеленью блещишь ,
И чшобъ цвѣшны пасшущки запошшали !
Сей самый Ларъ шебѣ да опомшшишь !
И спхъ лѣсовъ , убѣжища печали ,
Бывъ опчужденъ игривый въперокъ ,
Красы швоей любовь умчишь съ собою ,
Какъ прежде онъ срываль вглуши лшшокъ
Дубравы сей , поруганной шобою .

VIII.

НА ВОЗВРАТЬ ДРУГА.

Благодаренье вамъ, о Лары и Пенаты !
 Вошь снова другъ узрѣлъ
 Знакомыя поля — спокойствія предѣлъ
 И добрыхъ поселянъ наследственныхъ хапы.
 Давно онъ лирой не владѣлъ
 И дружбы и родства въ обители счастливой,
 Куда приема вовсе нѣтъ
 Ни роскоши златой, ни знашности спѣсивой,
 Ошь коихъ зараженъ блистательный нашъ свѣтъ.
 Тамъ мой пѣвецъ, въ часы покоя,
 Когда почиеть сномъ Природа вокругъ него,
 Вновь струны звучныя настроя,
 Лешаетъ на крилахъ мечтанья своего.
 То въ древность углубленный,

Съ Гораціемъ любовь и счастье поешь ;

То самъ восторгомъ вдохновенный ,
Движенья тайныя друзьямъ передаетъ :

Они ему, какъ Генію внимають ,
И горести и восторгъ равно съ нимъ разделяють .
Теперь , въ дни осени , когда послѣдній листь
Опорванъ бурей съ березы обнаженной ,

Въ дубравахъ слышенъ вѣтровъ свистъ ,
И надъ долиною лежишь шуманъ сгущенной , —
Прижавшись къ огоньку , пѣвецъ счастливый мой
Еще поешь любовь — и увлеченъ мечтами ,

Вънчаешь Делію цвѣтами ,

И ошь нея улыбки ждешь одной ;
Ничто не возмутишь безопасности счастливой ,
Которую хранишь ошь сердца въ простотѣ ,
Приносишь лиру въ дань любимой красотѣ ,
И сладостень ошзывъ любви краснорѣчивой .

Прекрасная его , среди своихъ подругъ ,
Послыша лирные, знакомые ей звуки ,

Забавъ бросаетъ шумный кругъ ,
Со вздохомъ тайной сердца муки . . .

Пошупя въ землю зорь , медлительно идешь

Въ уединеніе , къ покою ,
И все ей слышится — поешь

Пѣвецъ, ей преданный душою.

О прогашельный видъ! задумчива, грусна,
При свѣшъ шрепешномъ лампады,
Сидишь въ безмолвіи она,
И все ей говоришь: «безъ друга нѣтъ оправды!»
И щощъ же лирный гласъ
Склоняешь жилую къ любви въ сей шихій часъ.

IX.

ГРОБНИЦА БЕНАМАРА ,

ПЕРСИДСКАГО ПОЭТА,

« Заида ! свой голось ошрадиъ Зефира ,
 Ты чувствамъ небесный восторгъ пролила ;
 Повѣдай , какая искусная мпра
 Изящной сей пѣснн игру создала.
 Поэзи дивной цвѣтничкъ аромашный
 Изъ пышныхъ сокровищъ , въ Азійской странѣ ,
 Впервые разноситъ споль запахъ пріятный :
 Твои поцѣлуи не сладостиѣи мвѣ . » —

« Рабовъ повелитель ! сей гимнъ — Бенамара ,
 Любимаго славы безсмертной пѣвца .
 Но гдѣ же награда небеснаго дара ? . . .
 Тамъ , шамъ лишь ; гдѣ благамъ не будешь конца .

А здѣсь не внимали симъ пѣснямъ высокимъ ! —
 Несчастный блуждаешь, въ Иранскихъ пескахъ ,
 Съ любимую дщерью — и вихремъ жестокимъ
 Разносясь звуки на бурныхъ крилахъ.

« Эмиръ мнѣ усердный ! вошь конь мой ретивый ,
 Онъ пустился пицы быспрѣе съ шобой ;
 Лети ты въ пустыни, какъ вѣшеръ игривый ;
 Вручи Бенамару мой персень злашой.
 Клянусь шемношою ночной , повсемѣшной,
 Осыпашъ щедрошой пѣвца моего ;
 Несчетныя звѣзды всей шверди небесной
 Не будешь равняшься съ дарами его.

« Пустьъ въ слѣдъ за шобою—гласъ дщери невинной
 Составишь веселый съ родиселемъ хоръ ;
 Цвѣтущей во мракъ сей пальмы пустынной
 Какъ долго чуждался холодный мой взоръ ! » —
 Эмиръ, поспѣвая, пустился спрѣлою
 Чрезъ дебри и горы на борзомъ конѣ ,
 И къ ночи , онъ видишь , какъ призракъ , съ шоскою
 Бредешь незнакомка при блѣдной лунѣ.

« Почто , изнуренный ошь знойнаго жара ,
 Блуждаешь , мой спранникъ , въ глубокихъ пескахъ ?
 Кого ты здѣсь ищешь ? — « Пѣвца Бенамара ,
 Котораго слава пребудешь въ вѣкахъ ! » —
 « О спранникъ ! мученья пѣвца прекрашились ;
 Родитель мой кончилъ здѣсь славные дни :
 Вокругъ кипарисы надъ прахомъ склонились ,
 И я успокоюсь въ ихъ мирной сѣни . »

« Довольно помился въ пущынь унылой
 Цвѣшокъ мой прелесный ! омойся росой !
 Явись намъ — и славы блестящей свѣшило
 Взойдешь надъ швоею разцвѣтшей главой . » —
 « Ты зришь предъ собою сей гробъ зашворенный ,
 Подобно и сердце закрылось на вѣкъ !
 Ощца не замѣнишь даръ злаша презрѣнный !
 Чась близокъ кончины ! ты щещно пришекъ ! »

И въ грустномъ безмолвьи , на прахъ упадая ,
 Лобзаешь гробницу , желаній предметъ ,
 И вѣтръ кипарисы надъ нею качая ,
 На черныя кудри шѣнь мрачную льешь .

Щасливъ , въ объятіяхъ прекрасной ,
 Задога ждалъ любви своей ;
 Иль ты погибнулъ , сынъ несчастной ,
 Въ ушробѣ машери швоей ?

« Тебя , младенецъ мой безвѣстный ,
 Мнѣ въ колыбели не качашъ ;
 Плодовъ душистыхъ сокъ прелестный
 Не мнѣ въ уста швои вливашъ .
 Теперь тебѣ не научишься ,
 Какъ змія усыпляшь въ нескахъ ,
 Иль какъ ошъ шигровъ зацпишишься ,
 Иль плышь безпрестанно въ волнахъ .

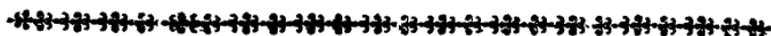
« Не буду шамъ , гдѣ дѣкъ покою
 Тросшникъ для Нельзи насадилъ ,
 Гдѣ , подѣ шумящею грозою ,
 Любви объшны ей швердилъ .
 Не буду ошдыхашъ въ ночлегѣ ,
 Близъ праха машери , ошца ;
 Ни упошока , гдѣ на брегѣ
 Я былъ свидѣтель ихъ конца .

« Подъ сѣнью разъ плодовъ созрѣлыхъ
 Забылся сномъ въ злашыхъ мечсахъ ;
 Вдругъ окружень былъ сонмомъ бѣлыхъ
 И пробудился я . въ цѣпяхъ !
 Врагамъ прошивлюсь : но ударомъ
 На землю я повержень спалъ ,
 И увлеченный , въ гнѣвъ яромъ ,
 Къ волнамъ всѣ бури призывалъ . »

Умолкъ — и пѣсень звукъ печальный ,
 Въ степяхъ пустынныхъ лишь исчезъ ,
 Корабль , пришедшій въ край сей дальный ,
 Къ нему товарища принесъ .
 « Гдѣ мать , дитя ? » вскричалъ несчастный . —
 Пришлецъ молчишь — взоръ въ небесахъ !
 « Погибли ! . . жребій ихъ прекрасный ! » —
 И радость Негра на очахъ !

Два дни онъ пищи не вкушая ,
 Подъ небомъ знойнымъ , чухъ дышалъ ;
 И потомъ землю орошая ,
 До ночи ошдыха не зналъ .

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

КЪ ДЕЛИИ.

О чемъ еще молишь Боговъ
 Тому, кто овладѣлъ швоею красою ?
 Кто жизнь дѣлишь съ шобою ,
 Дерзнешь ли шощъ желашь другихъ себѣ даровъ ?
 Пускай въ избыгкѣ кто, съ весельемъ пожинаешь
 Обиле съ нивъ злашыхъ ,
 Иль шелкъ серебряный снимашь
 Съ несчешныхъ шпадъ своихъ.
 Пускай другой безъ сожалѣнья
 На кровь домашній броса взглядъ ,
 Ни моря грознаго не уштрашась волненья ,
 Сносишь ошошно радъ
 Пески сыпучіе , Гиперборейскій хладъ ,
 На шо лишь , чшобы могъ онъ чашею злашою
 Токайское вино въ бесѣдахъ лишь рѣкою.

Я болѣ люблю хранишельную шть
 Простаго дерева , кошорымъ я владѣю.
 Погибни золошо , чѣмъ съ Деліей моею
 Разшавусь на единый день !
 Мнѣ много ль надобно ? коль шпхая дубрава ,
 Дерновый лугъ , цвѣшы ,
 И мнѣ подвласныя прелестной красомы . . .
 Я думашь не хочю , что естъ на свѣшѣ слава.
 Далеко шума бранныхъ спрѣль ,
 Во глубинѣ лѣсовъ гошовъ я жить съ шобою.
 Цереры наученъ рукою,
 Я шѣмъ не успыжусь , что шихій мой удѣль
 Пройду въ поляхъ съ шяжелымъ плугомъ ,
 Или съ момъ безцѣннымъ другомъ
 Я швану некшаръ пчель собирашь ,
 Прозрачные плоды считаешь.
 Съ шобой – въ прошивность рока ,
 Въ смиренной нищетѣ дни сладостно бѣ провель :
 Но безъ шебя – Боговъ жестокостью бы счель ,
 Когда бѣ мнѣ дали всѣ сокровища Востока.
 Не мнѣ шокъ Лидіи кашитъ песокъ златой !
 Бродя съ шобой въ шравѣ высокой и гусшой ,
 Иль въ класахъ , коими себя ты украшаешь ,
 Когда снопы съ полей собираешь ,

Ты все прелестнѣе — я болѣе влюбленъ ,
Могуль тогда мечтой богашства бышь плененъ ?

О другъ единственнѣй! въ тѣни лѣсовъ сгущенной,
Вошь шамъ, гдѣ съ вѣщеркомъ лобзаеця ручей ,
Прижавъ шебя къ груди препещущей своей,
Щасливѣй я Царей — Влассишелей вселенной ,
Щасливѣе Боговъ — Влассишелей Царей.

II.

ПРИЗЫВАНІЕ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

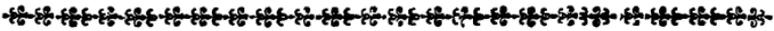

Пора оставишь намъ забавы городскія ,
 Когда желашьюшь на поляхъ ,
 Волнуясь , нивы золошья ;
 Свѣшило дневное пылаешь въ небесахъ ,
 И пасшырь , зноемъ ушомленный ,
 На посохъ свой склоненный ,
 Со спадомъ медленно въ шѣнисшый лѣсъ идешь ,
 Гдѣ вѣешь вѣшерокъ игривый ,
 И гдѣ шруи свои несешь
 Испочникъ говорливый .
 Пойдемъ мы къ хижинѣ моей :
 Пусть мраморъ съ бронзою ее не украшають ,
 Обширные пруды садовъ не орошають ,
 Какъ у Лукулловъ новыхъ дней ;

Но другъ чувствительный , другъ вѣчный ,
 Не изменишь тебѣ любовь моя —
 Тамъ будущъ дни пивои такъ ясны , такъ безпечны ,
 Какъ самая душа швоя .
 Могу еще тебѣ сулишь я , въ зной полдневный ,
 Гусныхъ березъ сплешенный сводъ ,
 Иль въ вечеръ — грошь уединенный ,
 И свѣжестъ райскую среди кристалльныхъ водъ ;
 Плодовъ любимыхъ нектаръ зрѣлый ,
 Кипящее всегда вино ,
 Цвѣшны , вокругъ коихъ вьюшся пчелы ;
 Или — когда ушомлено
 Усладой чувствъ швое вниманье —
 Вошь двадцати ключей согласное журчанье ,
 Кошорое тебя невольно усыпишь .
 Такъ лѣто пролешитъ
 Невидимо , ушѣхъ подь сѣнью .
 Сгущенныхъ шѣполей сидя подь зыбкой шѣнью ,
 Въ веселіи злапомъ ,
 Украшю я тебя душистыхъ розъ вѣнкомъ , —
 И даръ божественный приемля ошь прекрасной ,
 Кошорая свои уста
 Ко мнѣ приближишь въ нѣгѣ спраспной ,
 Съ шѣмъ вмѣшѣ не спрашась , чшобъ ночи шемноша

Была — съ подругой разлученье, —
Услышу арфы звукъ — и голосъ нѣжный швой
Мнѣ воспоешь покой;
Любовь и наслажденье.

III.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕРЪ.

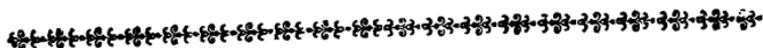
Въ долинь, снѣгомъ покровенной ,
 Вошь сумракъ вечера сгустилъ ;
 Борей въ снѣгъ роши обнаженнои
 На крыльяхъ вьюты полетѣлъ.
 Въ дуплахъ скрываются Дриады ;
 Сильваны , Нимфы не поющъ ,
 И въ ледяныхъ цѣпяхъ Наяды
 На брегъ журчаньемъ не зовущъ.
 Лишь вранъ , пѣвецъ отчужденья ,
 Гнѣздясь во сводахъ башни сей ,
 Какъ бы предвѣстникъ злоклоченья ,
 Тревожншь крикомъ сонъ полей.
 Окрѣспъ все мрачно , все уныло ,
 Друзья ! подъ кровъ мы посѣпшмъ ,
 Гдѣ щастіе себя сокрыло
 Съ малюшкой — спутникомъ слѣпымъ.

4*

Поспѣшите ! тамъ подъ горою ,
Вошь брежжешъ въ окна огонекъ ,
Тамъ призываетъ насъ къ покою
Съ горящимъ дубомъ камелекъ.
Тамъ Делія , сидя безмоленна ,
Въ задумчивосши , у огня ,
Съ волненьемъ сердца , безпокойна ,
Теперь съ ловишвы ждетъ меня.
Нейдешъ мой другъ , она мечтаетъ ,
Чась ночи сумрачной наспалъ ,
А буря грозно завываетъ ,
Мяшущій снѣгъ весь пушь заспалъ ! . . .
Но скоро слышишь шукъ — и радость
Струей по сердцу пролилась.
О часъ безцѣнный ! жизни сладость !
Стрѣлой ко мнѣ пы понеслась !
И пламенемъ горятъ ланишы ,
И взоръ полнъ радости живой :
Съ шобою Нимфы и Харишы
Спеклись подъ кровъ смиренный мой.
Друзья ! вошь споль накрышый ею ;
Вошь Вакховы дары на немъ ;
Но въ чешъ кого , просишь не смѣю ,
Пушь сердце скажешъ вамъ о шомъ .

Пусть каждый чашу ошкренно
Своей прекрасной посвяшишь ,
И шумъ бесѣды оживленной
Сшenanье бури заглушишь.

IV.

ПОБѢГЪ.

Не забуду я шой ночи ,
 Какъ Морфей, слеша въ швой домъ,
 Благодѣшельнымъ крыломъ
 Аргуса подернулъ очи ;
 Какъ я , дерзкою рукой
 Изломалъ замокъ ровнивый ,
 И увлекъ себя , щасшлавый ,
 За порогъ заповѣдной.
 Въ полѣ былъ морозъ прескучій ;
 Лунный свѣшь намъ измѣнялъ ;
 Подъ сипогами снѣгъ скрипучій
 Нашъ побѣгъ изобличалъ ;
 Но невидимая сила
 Всю опасность удалила.

Кони , молніи быстрѣй ,
Нась помчали по дорогѣ :
Ты въ заботливой шревогѣ
Мнѣ была еще милѣй.
Соболь зимняго наряда ,
Защищая красоты ,
Ихъ ушайвалъ цвѣщы .
Опѣ убивственнаго хлада ;
Лишь прокрадывадся взорѣ
Сквозь зависпливый уборѣ ;
И — въ веселости нескромной ,
Пылкой спраспи опѣ огня ,
Даже спрахъ швой для меня .
Былъ забавой въроломной , . . .
Но шеперь , какѣ Гименей ,
Воспаливъ свой факель вѣчный ,
Оправдалъ союзѣ сердечный
Предѣ судилищемѣ людей ,
Жребій свой цѣнишь умѣю ,
Зависпи смѣясь шайкомѣ ,
Сѣ гордостью и шоржешвомѣ
Я шбой , мой другѣ , владѣю .

V.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ.

Оставимъ , милый другъ !

Тщеславцевъ городскихъ на жершву сладострасшья ,
 Кошорымъ зараженъ безумцевъ свѣшскихъ кругъ ,
 Въ деревнѣ мы найдемъ снѣ истиннаго щасшья.

Тамъ взоръ безъ сожалѣнья зришь ,
 Какъ свѣшлый день въ поляхъ родится , умираешь ;
 Для добродѣтели ихъ безмятежный видъ ,

Приюшь оспрадный общаешь ,

Тамъ благородный умъ свободнѣй разсуждаешь

И сердце въ насъ сильнѣй любовію горшиъ .

Скажи , когда въ шѣни сгущенной

Сижу , обнявъ шебя рукойъ ,

Ударъ раздастся громовой ,

И градомъ дождь сопровождающей ,

Вошще низвергнешся надъ нашею главою ,
 Древь благодѣтельный покровъ шебя спасаетъ

И на челъ швоемъ сіяешь

Невинности покой.

Иль , какъ въ усшалости отъ зноя ;

Уйдя къ прохладѣ въ шемный грошъ ,

Куда шайншвенный Эрошъ

Тебя привель , сънь ошдыха устроа , —

Ты , съ нѣжной шомношью въ очахъ ,

Безъ сна забвенія свои зѣницы кроешъ ,

И нѣжась , на груди моеи шебя покоишь

О милый другъ ! какихъ ещѣ , въ цвѣшущихъ дняхъ ,

Желашъ миѣ роскоши сердечныхъ упоеній ,

И будемъ ли , мой крошкій Геній ,

О шумномъ городѣ вздыхашъ ,

Гдѣ въ пресыщеньи чувствъ осуждены скучашъ !

Щаспливъ , кто къ шихой съни

Съ подругой медленно идешь ,

Предашъся сладости дневныхъ ошдохновеній.

Щаспливъ , когда на брегѣ свѣшлыхъ водъ ,

Прекрасной указаѣ пушь въ рошцу незнакомый ,

Теряешся по немъ , любовію влекомый.

Иль за ручьемъ все далѣе идешь ,

И поперявъ его въ пуши безвѣстномъ ,
 Онъ зришь себя въ убѣжищѣ прелесномъ ,
 Гдѣ, дружески обнявшись съ дубомъ клень ,
 На лоно водъ склонень.

Въ часы шѣ , что еще ему имѣшь въ предметъ ?

Пусть смотришь : онъ одинъ на свѣтѣ.
 Все наслаждаешь , все спрашью говоришь ,
 Безмолвіе лѣсовъ , источника журчанье ,
 И нѣгой дышущій , полей спокойный видъ ,
 И Филомелы гласъ — лѣсовъ очарованье.

Все , все любовь воспламенишь !

О Боги ! шѣ часы вы чаще мнѣ дарише ,

За эту цѣну пусть велише

Сокровища земли дашь алчущимъ глупцамъ ,
 А бласки почестей зависпливымъ льщецамъ.

Но вопъ часъ вечера — работы прекрапились ,
 И съ пѣснями къ домамъ селяне возврапились.

О другъ ! ты видишь ли на скошенныхъ лугахъ

Скирдовъ сей рядъ огромный ,

Душлсый коихъ злакъ , на жаръ полудни знойный ,

Быль прижды выставленъ въ грядахъ ?

Ты зришь ли слухъ галовъ, Цереры даръ везущихъ ,

Въ гумно съ покорчосью идущихъ ,

Согбенныхъ пшякою наградою трудовъ?

Идемъ ! къ себѣ зовешъ насъ зелесь сихъ луговъ :

Споговъ верхъ гордый , величавый —

Веселья поприще для юности живою.

Вошь сумракъ — поспѣшимъ , невинныя забавы

Окончашъ день злапой.

Какъ весело всходишь на подвижныя горы

И рушишь въ рѣзвостяхъ гусныя нѣдра ихъ!

Какъ побѣдишеля склонишь лишь дому взоръ ,

И въ лугъ скашишься вмигъ! . .

О игры сельскія ! о сердца упоенье !

И вы , къмъ свѣшъ намъ мпль ,

Амуры , Граціи — доколь часъ не билъ —

Бы сѣише на пуши сей жизни наслажденье ;

Вамъ , намъ я посвящу послѣдней лиры звукъ .

Въ дни первой юности , мы можемъ жить мечшою ,

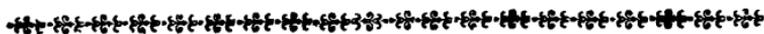
Но опышность , разсудка другъ ,

Уже выщаетъ мнѣ чорою

Спѣши , спѣши любить ,

Упращенныхъ часовъ — любовь не возвращишь .

VI.

ОТЧУЖДЕННЫЙ.

Надѣясь облегчить свой горестный удѣлъ,
 Бѣжалъ я милыхъ мѣсь, невѣрной украшенныхъ,
 Но въ вѣчномъ сумракѣ лѣсовъ уединенныхъ,
 Среди безмолвія — спокойствія не зрѣлъ.
 Безвѣсную спезей достигъ горы вершины,
 Разсѣкшей облаковъ молніеносный сводъ,
 Ошколь плѣняетъ видъ безбрежныхъ равнины
 Необозримыхъ водъ,
 Вдали сліянныхъ съ небосклономъ.
 Здѣсь царшвуешь зима — въ ущелья дикихъ горъ
 Свирѣпымъ дуешь Аквилонъ.
 Тамъ въ низовыхъ лугахъ встрѣчаешь лѣшо взоръ:
 Зефиръ играющій чуть зелень ихъ лобзаетъ;
 Ошъ зноя пажить засыхаешь,
 И дремлетъ тихій боръ.

Я вижу въ сихъ поляхъ слѣды опустошенья :
 Попокомъ пламеннымъ гора обнажена ;
 Томпшя дерево — не слышио пшичекъ пѣнья ;
 Повсюду мрачная въ пустынь шишина.
 Все мершво , все молчишь ; — и шы, воспоминаье,
 Изчезни съ образомъ измѣнницы моей.

Умря , мяшежное желанье !
 Иль будь непостояннымъ съ ней.
 Не кроешь мрачная дубрава
 Неблагодарной красошы :
 Повсюду милья чершы
 Для сердца моего ошрава !

И вздохи шомные волнуешь грудь мою !
 И слезы жаркія, уединенный , лью !
 Благія Небеса , спрадальцу дайше силы
 На вѣкъ изъ памяти изгладись образъ милый ,
 И пламень спрасши угасишь ,
 Владѣющей досель душою
 Ахъ ! должно бь сердцу разлюбись
 Съ измѣной друга роковою.

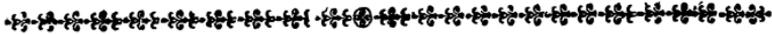
Подъ бременемъ шоски жестокой удручсь ,
 Излил я жалобы , разшерзанный спраданьемъ.
 Иду — и вновь очарованьемъ
 Ошь размишленья увлечень :

Сребристые ручьи, у ногъ моихъ раждаясь,
 Игриво рѣзвяся въ спруяхъ.
 Потомъ стремительно въ пошoki превращаясь,
 Въ свирѣпыхъ падаѣ волнахъ,
 Опущошеніе и страхъ несутъ въ долину;
 Разлившись наконецъ въ ошлогихъ берегахъ,
 Успливаютъ волнъ кипящую стремнину,
 И съ шумомъ ринувшись быстрой,
 Въ необозримости шеряюся морей.
 Ушесы гордые я вижу предъ собою,
 Которыхъ къ небесамъ возносятся чело,
 И время древностью сѣдоу, —
 Гдѣ ошшикъ зрима въковъ — границъ ихъ облекло.
 Обозрѣвая вокругъ величія каршину,
 Мой любопытный взоръ поспѣшно увлеченъ
 Съ пошока на пошокъ, съ пучины на пучину, —
 И вдругъ. . . . недвижимъ, пораженъ!
 Природа! влашь швою въ мѣстахъ сихъ постигаю;
 Пущынной дикостью швоею я плѣненъ;
 Величье въ смѣлосни шрудовъ швоихъ встрѣчаю;
 И въ ужасъ самомъ. . . . воспорженъ, пзумленъ!

 Вошь въ семь убѣжищъ, уединенъ ошь свѣша,
 Ошашокъ дней моихъ желалъ я провести;
 Здѣсь, думалъ, сладкое спокойшвіе найши

И образъ позабышь безцѣннаго предмета :
Но имя милое невольно я швердилъ ,
И эхо дальнее внимало за горою ;
Его жь на камнѣ семь я шрепешной рукою
Съ моимъ сплешя , изобразилъ .
Здѣсь спранникъ нѣкогда , еще подь свѣжимъ мохомъ ,
Увидишь имена испершыя , со вздохомъ ,
И скажешъ шакъ : онъ пламенно любилъ ,
И пѣлъ въ пущынѣ сей любви своей мученья ;
Я съ нимъ печаль его дѣлилъ
И повшорялъ . . его же вдохновенья .

VII.

КЪ ДРУЖБѢ.

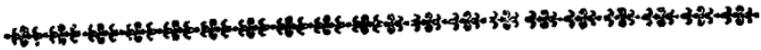

Не огорчай меня досаднымъ попеченьемъ,
 О дружба нѣжная! меня ль чѣмъ заманишь
 Свѣшь суешный, гдѣ я давно ошъ всѣхъ забышь,
 Разсудокъ навсегда проспился съ заблужденьемъ.
 И мнѣ искашь утѣхъ — жестокій пивой совѣшь!
 Нѣшь видовъ въ будущемъ! желаній въ сердцѣ нѣшь!
 Не утѣшай меня: печаль, мнѣ даръ безцѣнный!
 Пускай я въ шшинѣ шомлюсь, уединенный.

Твоей заботой ошягчимъ,
 Рошцу я въ шайномъ непертѣньѣ,
 Меня сражаетъ сожалѣнье:
 Ты разшправляешь только имъ
 Ошъ ранъ сердечныхъ пшцѣленье.
 Такъ бурешю ночной

Ошпоргнушая вѣшвъ ошь древа , погибаетъ ,
 Кошь сокъ живишельный въ ней силы не питаешъ ,
 И цвѣтъ не оживленъ росой ,
 Когда въ немъ корень изсыхаешъ .

Изгладилась нишь дней моихъ ;
 Увяла молодосъ ошь бурныя напасти !
 Я умеръ для ушѣхъ ! я умеръ и для спраси !
 Я исшощилъ любовь — и въ сердцѣ огонь зашихъ
 И чувство прежнее не вяжно....
 Нѣшь! нѣшь! изчезли вы въ прошекшемъ невозвратго ,
 Очарованіе небесное любви ,
 И первыя мечшы сердечныхъ заблужденій !
 О свѣжесъ чисшыхъ благъ ! о роскошь наслажденій !
 Восшоргъ , волненіе въ крови !
 Я зналъ васъ нѣкогда — и въ сладосши забвенья ,
 Мечталъ , что жребій смершнымъ данъ
 Бышь вѣчно щасплавнымъ любви ошь упоенья !
 Но щаспье шолько мигъ ; любовь — одинъ обманъ !
 Любви мнѣ нѣшь ! любви у жизни нѣшь въ предметъ !
 Въ слабѣющей душѣ мракъ грозный пустошы ,
 И мѣшо праздное ушраченной мечшы
 Ницшо не замѣнишь да свѣшь !

VIII.

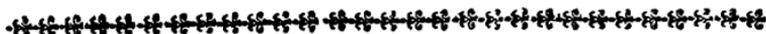
М Е Ч Т А.

О волшебница мечта!
 О мой Геній — ушѣшишь!
 Ты велишь — мою обидишь
 Посѣщаешь красота,
 (Хоть судьбою опниша!)
 Вижу взоровъ выраженье,
 Вижу локоновъ паденье
 Граціи моеи молодой;
 Поясъ свѣтло — голубой
 Сшанъ небрежно обнимаетъ;
 Черный бархатъ опшѣняешь
 Розъ и лилій вѣжнѣй цвѣтъ:
 Все воспорговъ въ ней предмети.
 Измѣняющія ткани
 Гдѣ на прелесняхъ лежатъ,

Тамъ угадывашъ велятъ
Тайну ихъ очарованій.
Сколь мечпа моя сильна,
Сколь живишь воображене!
На яву, на ложѣ сна,
Вижу милое видѣнье.
Въ жизни сей въ немъ Фарось мой,
На укорь судебъ удара,
И во обласпи Тенара
Унесу его съ собой.

IX.

ПАМЯТЬ ЛЮБВИ.

Въ часъ сумрака , въ сей часъ священный ,
 Когда прохладу льешь роса ,
 Спѣшу на холмъ уединенный
 Смодрѣшь ночныя небеса.
 Мечшаю , что съ высотъ эфирныхъ
 Ошшельники земной страны
 Слешаются при звукахъ лирныхъ ,
 Послыша пѣсни шарины . . .
 И волю давъ воспоминанью ,
 Я выражаю струнь игрой ,
 Какъ нѣжныхъ чувствъ къ очарованью
 Дѣлался жизнию съ тобой ,
 И слышу : изъ воздушной бездны
 (Столь силенъ въ насъ души порывъ)
 Упращенной привѣшь любезный
 И радости былой опзывъ .

X.

ОТЪ ЪЗДЪ.

Напрасно я искалъ на пиршествахъ въ винѣ
 Мучительной поски опраднаго забвенья :
 Мнѣ взоръ мой измѣнялъ среди увеселенья,
 Я ошъ забавъ спѣшилъ лишь слезы въ шипинѣ.

Напрасно, въ часъ полночи скучный ,
 На лиръ прославляя свободный свой удѣлъ ,
 Измѣнницу невольно пѣлъ ,
 Въ мечтаньи съ нею неразлучный.

Доколь съ невѣрною съ странѣ моихъ опцовъ
 Подъ шѣмъ же небомъ жишь я буду ,
 Дошоль ея не позабуду.

Но если, кто изъ васъ , друзья мои , гощовъ
 Спрадальца оживишь мечтательностью льспивой ,
 Мы поплывемъ къ подьямъ Италіи щастливой
 Отыскивашъ слѣды Герцовъ и Боговъ ,

И шакъ, прости, о брегъ родимый,
 Развѣйте рѣзвый флагъ! гоповыше корабли!
 Неситесь, спранники, чрезъ пушь необозримый,
 Въ далекій край земли.

Зефиръ услужливый вѣшрила надуваетъ,
 Тяжелый руль браздой пучину разсѣкаетъ,
 И — приближаемся къ желаннымъ берегамъ.
 Уже градъ Цесарей предспаль моимъ очамъ,
 Римъ древній, колыбель воспитанниковъ славы,
 Время оспашокъ величавый,
 Римъ, въ наши дни еще искусствъ изящныхъ храмъ
 Вошь Циціоновыхъ сыновъ я зрю кладбище,
 Пошомковъ Ромула роскошное гульбище;
 Вошь Капишолій, Пантеонъ,
 Гдѣ, мнишся, какъ сквозь сонъ,
 Еще блуждаешъ тѣнъ великаго народа,
 Кому хоругвь была опечества свобода.
 О, кто священныя мѣста мнѣ назовешъ
 И тѣ развалины, гдѣ памятникъ болѣ!
 Пойдемъ ли въ Вашиканъ? на Марсовое ль поле?
 Туда ль, гдѣ зримъ еще великолѣпный входъ
 Чершоговъ Августа, Помпея;
 Топъ садъ ли посѣшимъ, гдѣ Лезбій молодой
 Пѣлъ о любви Кашуль, воспоргомъ пламенья?..

Граждане! если вы чувствительной душой
 Воспоминанья съ мною раздѣлили,
 Скажите мнѣ, гдѣ жилъ Горацій и Виргилій.

Съ какимъ воспоргомъ буду шамъ
 Съ своею лирою, о сладосный Горацій,
 Бродишь по шѣмъ дубравамъ и холмамъ,
 Кошорые ты пѣлъ, любимецъ Музъ и Грацій!
 Пойду въ свои Сабинскія поля,
 Гдѣ грустныхъ тополей подъ шѣнію стущенной
 Развалины и мхомъ обросшшая земля

Напомнятъ мнѣ швой кровь смиренной.
 Я буду Анію спремлене созерцать,
 Внимать журчанью волнь, пущынь жизнь дающихъ,
 И пылью влажною дышашъ
 Водъ бурныхъ Тиволи, съ вершинъ утесовъ бьющихъ.

Щасливъ, когда бъ судилъ мнѣ рокъ
 На вѣки обиташъ пошъ брегъ уединенный.

Тамъ мирный уголокъ
 Предпочиталъ бы я вселенной.
 Цвѣтущихъ маслинъ лѣсъ шамъ привлекаешъ взглядъ
 Въшвъ гибкую златый лимонъ ошгощашъ,
 И на горахъ яшарный виноградъ
 За шрудъ обильную награду обшашъ.

Тамъ юная весна сокрылась не спѣшишь ,
Суровыя зимы жестокость не спрашишь .
Тамъ , можешь бышь , изящныя науки
И время , врачъ страховей , и дѣйствіе разлуки ,
Успѣли бѣ дни мои отъ Парки сохранишь ,
Которая грозить ихъ въ цвѣтѣ погубишь .

СТРАНСТВУЮЩІЙ ГОМЕРЪ.

ЭЛЕГІЯ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ВКУСѢ.

« О Кумы славныя ! Юнонѣ градъ безцѣнный ,
 Гдѣ шихо Гермуса журчитъ пошокъ священнѣй ,
 Гдѣ къ шучнымъ пажиямъ склоняся древнѣй лѣсь ,
 Скрываешъ лаяншва пророческихъ чудесь ,
 Привѣшшвую шебя . Во шмѣ глубокой ночи ,
 Трикрашы сладкѣй сонъ польстили шрадалца очи .
 Посланникъ Неба онъ—и въ мирнѣй швой предѣль
 Конечно самъ Зевесь нещаснаго привель .
 Дия изъ Самоса одно въ пупи со мною :
 Дванадешать деиниць съ нимъ , медленной шпоцою ,
 Брожу безъ помощи по дикимъ берегамъ .
 Плоды , прошивные и алчущимъ звѣрямъ ,

Или нечистый знак, изверженный спремнидой,
 Успалымъ спранникамъ былъ пищею единой.
 Уже ль поваришь мой, младенецъ нѣжный сей,
 Лишенный махѣри, увянешь въ цвѣтѣ дней?
 Уже ли, какъ корабль, вдругъ кормчаго лишенный,
 Съ ушеса на ушесь, помчусь я, увлеченный?
 Вошь къ прагу роскоши я приведенъ въ шокъ.
 Дрожащей вѣтвию въ слабѣющей рукѣ
 Васъ, мѣдныя враша, несчастный умоляешь,
 Пустьъ состраданіе зашворы отверзаетъ —
 И къ украшенію, въ долину луговой,
 Вамъ вязь цвѣшущую сплещь жогапый мой.»
 Такъ спарець говоришь, несчастьемъ удрученный,
 Такъ съшуешь слѣпецъ, съ денницей разлученный.
 Спрадалецъ сей—Гомеръ! Вблизи чершого споишь,
 Гдѣ вкусъ Дорическій Коринва блескъ мрачишь.
 Въ припворахъ мраморныхъ—Богамъ приличны входы;
 Колонны гордыя поддерживающъ своды.
 Спо дѣвъ изъ Индіи блестящей красомой
 Одушевляющъ пиръ щасливца дорогой,
 И Кипрское вино госпямъ, за круговую,
 Изъ злаша чиспаго въ сосуды льющъ рѣкою,
 Дополь, какъ ушомясь, при звукѣ шомныхъ лирь,
 Хозяпнь сладкимъ сномъ кончаешь шумный пиръ.

Ч. 10. 11. 1848

На прагъ, сонму слугъ, пришельцомъ недовольныхъ,
 Спрадалецъ вспомянулъ о Ларахъ благосклонныхъ
 Ко жребью спранника, лишеннаго очей.
 Ликуса, — чье чело угрюмостью своей
 Презрѣнье гордое къ несчастью знаменуетъ, —
 Слѣпецъ воскрыля ризъ, покоршвуя, цѣлуешь.
 « Сынъ щасья, онъ изрекъ, подобень ты Богамъ.
 Ты пайный ихъ глаголь безкровнымъ сиродамъ.
 Щасливъ, что я нашель чершого благопріемный:
 Ты знаешь, опъ Боговъ къ намъ шлещя чужеземный,
 Ты не опринь его. Люющая покъ слезъ,
 Печальная Мольба естъ дочь благихъ Небесъ.
 Ахъ! не опринь слѣпца. . . и лирой вдохновенной
 Съ тобою заплачусь — передъ лицомъ вселенной.
 Я зрѣлъ, какъ свѣшлый Ниль долины упучивалъ,
 Я земли преходилъ, пучины преплывалъ,
 Народовъ слышалъ плескъ: воспорги ихъ свяшые
 Несли мнѣ часо въ даръ шреножники злашые.
 Пѣвцы Меоніи, при звукъ струнь моихъ,
 Мечшали, что самъ Фебъ плѣняетъ чувшва ихъ,
 И спарцевъ сонмъ я зрѣлъ, всающій предо мною.
 Я пѣлъ Боговъ — себя превознесу хвалою.
 Пускай мой громкій гласъ проникнешъ сводъ небесъ,
 И милосердіемъ подвигнушый Зевесъ

Велишь — да жпзнь швоя безъ горесшей прядешся.
 На пиршествахъ швоихъ пусшь амбры запахъ лешся,
 И сонмы Игръ, Ушѣхъ, одушевивъ швой кровь,
 Попщашся ускорить небѣ полешъ часовъ.
 Пускай воловъ швоихъ гнешешъ богатштво нивы;
 Да въшъви гибкія многораспущей ивы
 Несчетное число кошницъ шебѣ даряшь,
 Кошорыя чрезъ край наполнишь виноградъ. . . .
 А я — я возвращусь подь сѣнь любви и мира,
 Подобно ласпочкѣ, съ дыханіемъ Зефира,
 Привѣтшвовать тебя, веселья звучный храмъ,
 И гимны посвяшишь опеческимъ Богомъ. »

« Пришлецъ, вѣщаль Ликусъ, прерви свое шы пѣнье;
 Плущону обреки свой даръ и вдохновенье.
 Онъ ждешъ шебя. Сердецъ не шронешъ здѣсь, сшеня,
 Сшраданья зрѣлище прошивно для меня. »
 Пѣвецъ божесшвенный, виявъ съ горесшью укору,
 Къ незримымъ небесамъ возвелъ въ мечшаньи взору,
 И рекъ онъ, опходя, съ разгнѣваннымъ челомъ:
 « Пусшь Бога, въ праведномъ ошмщеніи своемъ,
 Ликусъ, шебѣ сберушь въ грядущемъ наказанья,
 И на главу швою низвергнушь всѣ сшраданья.

Пустьъ счастья швоего злашые дни прервуть ;
 Пускай, въ швой смертный часъ, наслѣдники придуть,
 Сокровища швоя заравъ пожирая ;
 Вручашъ Харону дань , шебъ въ ней упрекая.
 А ты — не внемлющій несчастнаго судьбъ ,
 Неблагодарный градъ ! я смолкну о шебъ.
 Да мать самихъ Боговъ къ шебъ сурова будешь,
 И прахъ швой на землѣ и съ именемъ забудешь.» —
 Пошомъ , предавшись онъ младенческимъ рукамъ ,
 Пошелъ на брегъ крушой , къ пѣнящимся волнамъ ,
 И внемля , какъ вдали ихъ ропощъ замираетъ ,
 Такъ пѣснь послѣднюю онъ тихо начинаетъ :

« Прости , о Мелеса родимый берегъ мой ,
 Гдѣ я близъ машери цвѣлъ жизнью молодой ,
 Когда Юпитера всемоцною десницею
 Отверзшь мнѣ былъ весь мѣръ съ блестящею денницею.
 Поля цвѣшущія ! сѣнисшые лѣса !
 Увянешъ вашихъ Нимфъ въ сценаніяхъ краса ,
 И Эхо повторишь ихъ жалобы спокрашно ,
 Чшо изгнанъ вашъ пѣвецъ въ чужбину невозвратно !

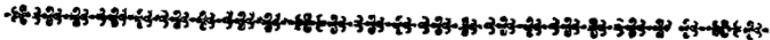
А вы, ошь копхъ я былъ лавромъ осяненъ,
 Къмь оный грозныхъ бурь былъ въ жершву обреченъ,
 О Музы! вы пѣвца внемлите гласъ прощанья.
 Героевъ и Боговъ не мнѣ ужь пѣшь дѣянья;
 Ни осаждаемый ошь Грековъ Илліонъ,
 Ни Гекшора молодой сунруги щещный спонъ,
 Ни духъ возвышенный Ахилла предъ врагами,
 Ни всѣ Улиссовы напасти за морями;
 Теперь лишь слухъ помяшь унылый голосъ мой,
 Какъ наѣкомаго осенню порою.
 Изчезли для меня всѣ чувспивъ очарованья,
 О Музы! вы пѣвца внемлите гласъ прощанья!»

Такъ пѣлъ Гомеръ. Какъ вдругъ могущій Аполлонъ
 Тенара въ области изрекъ судебъ законъ:
 « Всесильный Богъ Боговъ для славнаго примѣра
 Ошь Парковъ врешена похишилъ дни Гомера. »—
 Изрекъ — п съ нимъ изчезъ въ прозрачныхъ облакахъ,
 Младенца — спутника оставя на брегахъ.
 Сирены въ шоржестеѣ струями восплескали,
 И въ лоно водъ пѣвца Юпшера пріяли.
 Когда жь, любимцу Музь, пучины въ глубинѣ,
 Все царшво влажное внимаешь въ шшинѣ,

Пловцамъ не пагубны въ пути Ахелюиды.
Въ пѣннѣйшѣй пропасти плѣнень и слухъ Фетида,
Коль подвиги Гомеръ Ахилловы звучишь, —
И къ сыну милому вздохъ матери лещишь.

БАЛЛАДЫ.

I.

ОСКАРЪ АЛЬВСКІЙ.

На сводъ лазоревыхъ небесъ
 Взошло полночное свѣшало ,
 И мрачный доль и спящій лтъсъ
 Сіяньемъ тихимъ озарило ;
 Шумящей Лоры на берегахъ ,
 Вкругъ замка Альвы волны плещуть ,
 И башни древнія , въ водахъ
 Сморясь , въ ихъ зеркаль препещуть .

Не разъ спокійный лучъ луны
 Скользиль по шлемамъ грозныхъ воевъ ,
 Когда , подь сѣнью швишны ,
 Изъ замка шли въ пыль грозныхъ боевъ ;

6*

Не разъ на гордыхъ висопахъ
 Ушесовъ, Лорой орошенныхъ ,
 Луна сребрила на поляхъ
 Останки воевъ пораженныхъ.

Но мѣсяца печальныйъ ликъ
 Теперь пустыню освѣщаетъ ,
 Могущихъ Альвы нѣшь владыкъ :
 Ихъ прахъ въ семь замкѣ почиваетъ.
 Еще огромныхъ башенъ рядъ
 Рука время досель щадила
 Но воиновъ угаснулъ взглядъ
 И ушомилась храбрыхъ сила.

Вопще въ разрушенныхъ спѣнахъ
 Несетъ бурь ночныхъ спенанье ,
 И вѣшрь , играя въ знаменахъ,
 Тревожишь древнее молчанье.
 Оскара празденъ мечъ и щидъ ,
 Геройъ почюющій не внемлетъ ;
 И шлемъ поверженный лежишь ,
 И все забвеніе объемлетъ.

Вошь здѣсь, какъ свѣшь узрѣль Оскаръ —
 Съ живою радостью родилель
 Пріяль его , какъ Неба даръ ,
 Отцевъ въ завѣшную обилель.
 Вассаламъ Ангъ успроилъ пиръ ,
 И старъ и младъ бѣжалъ къ обѣду ,
 И рогъ звучащій , вмѣсто лиръ ,
 Живиль воишелей бесѣду.

Едва другой сокрылся годъ —
 Родилель вновь на пиръ гонцами
 Созваль усердный свой народъ —
 Вновь сынъ былъ посланъ Небесамп.
 Съ шѣхъ поръ заболпвой рукой
 Лелѣяль Ангъ пишомцевъ милыхъ ,
 И съ ихъ любовію свяшой
 Не зрѣль дней спаросши унылыхъ.

За легкой серной по горамъ
 Оскаръ съ Алланомъ бышро мчались ;
 Бродя по холмамъ и лѣсамъ ,
 Съ добычей шяжкой возвращались.

Но лишь съ младенчествомъ злашымъ
 Просясь, всшупили въ возрастъ зрѣлый,
 Копье и мечъ знакомы имъ
 И битвъ губительныя шстрѣлы.

Оскаръ въ себѣ соединилъ
 Съ веселымъ правомъ умъ глубокой ;
 Алланъ былъ врачень и уныль ,
 Скишался часпо , одинокій.
 Оскаръ былъ истинный герой ,
 Съ опкрытымъ взоромъ, вѣренъ чесши;
 Алланъ, съ пришворною душой ,
 Ошъ раннихъ лѣшъ языкъ зналъ лесши.

Изъ ошдаленныхъ обласшей
 Красавица прибывъ въ ихъ горы ,
 Предмешомъ спала всѣхъ рѣчей :
 И всѣхъ плѣнила прелесшъ Моры.
 Оскаръ , воспорженный душой ,
 Къ прелесшной спрасшю пылаешъ ,
 И вскорѣ съ радосшной слезой
 Родишель бракъ благословляешъ.

Я внемлю звукъ роговъ элашыхъ ,
 И пѣсенъ брачныхъ шумъ, и клѣпъ;
 Герои въ панцыряхъ спальныхъ
 Сшояшь вокругъ Альвскаго владыки.
 И вошь пиръ свадебный гошовъ ,
 Ликуюшь храбрые средь стана ,
 И полнь гостей веселыхъ кровь ,
 Лишь нѣшь Оскара и Аллана.

Алланъ двился наконецъ ;
 Возсѣлъ — приблизился къ невѣстѣ ;
 Въ смущеннн болѣе ошець ,
 Сыновъ своихъ не видя вмѣстѣ .
 « Почшо , Оскаръ , въ сей часъ злопой ,
 Замедлил въ полѣ ? » вопрошаешь .
 « Безвѣстно мнѣ , родишель мой ! »
 Алланъ печально отвѣчаешь .

« Но, можешь бышь, онъ вдалекѣ
 Бѣжинъ за серной молодою ,
 Или, на легкомъ челнокѣ
 Заспигнушь бурною волною? » —

« О нѣшь ! за серной не бѣжишь,
 И не волной засшигнушь Лоры !
 Уже ль въ день брака оскорбишь
 Онь сердце обрученной Моры ? » —

« Гдѣ шы , о воевь храбрый сонмъ ,
 Ощевъ завѣшная дружина !
 Пройди дремучій лѣсъ кругомъ
 И возвраши надежду — сына ».
 И все въ смяшенъи — на коняхъ
 Пустился воевь сонмъ печальный ,
 « Оскаръ ! » опозвалось въ лѣсахъ.
 « Оскаръ ! » ошкликнула берегъ дальный.

И ночи грозной пала шѣнь !
 И по дубравамъ шѣжь ошзвывы !
 Сомнишельно желькаешъ день ,
 Но роши шакже молчаливы !
 Злашишь заря небесный кровь ;
 Проснулась шихая долина ,
 И хоръ гремитъ среди лѣсовъ —
 Но все ошець не видишь сына !

Трикрашы свѣшлый день блиспаль ,
 Трикрашы ночи шѣнь сходила ,
 Но воевь кликъ не умолкаль,
 Дружина шщешно вкругъ бродила ;
 Надежды въ спарцѣ лучь угась ;
 Онъ рвешъ съ главы своей сѣдины ,
 И съ жалобой , въ послѣдній разъ ,
 Излилъ всю скорбь своей кручины :

« Оскаръ ! услада дней моихъ !
 Лишенъ шебя , лишенъ опоры !
 Но если на поляхъ чужихъ
 Твои на вѣкъ угасли взоры ,
 Ты палъ убійцы подь рукой ! . . .
 О Небеса ! молю о мщеньи !
 Пусшь дней конецъ прешупникъ злой
 Узришь въ ужаснѣйшемъ мученьи !

« Бышь можешъ , сына моего
 Ошавленъ прахъ безъ погребенья !
 Въ печали жду лишь одного :
 Съ нимъ вѣчнаго соединенья.

О благоспѣ крошкяя Небесъ !
 Прости пресшупное желанье :
 Его изшоргло съ шокомъ слезъ
 Души ужасное спраданье.»

Такъ въ скорби съшоваль ошець ,
 И Промысль зваль непосшижимый :
 Но время горешныхъ сердець
 Всегда былъ врачъ неушомимый.
 Какой-шо шайный гласъ вѣщаль :
 « Оскаръ увидишся съ шобою. »
 И годъ незримо пробѣжалъ :
 Спокойный шарець шаль душою.

Но сынъ другой усладой былъ :
 Ошца имъ оживлялись взоры. ,
 Алланъ въ свою чреду склонилъ
 Томившееся сердце Моры.
 « Мой жребій палъ ! Оскара нѣшь !
 Такъ мнишь красавица порою ;
 Но если онъ и видишь свѣшь ,
 То жизнью дѣлишся съ другою ».

« Но пусть еще проходишь годъ —
 Въщаешь спарець со слезами ;
 Коль медленный его исходъ
 Оскара не заспанешъ съ нами :
 Тогда прискорбнаго ошца
 Умолкнешъ голосъ сожалѣнья ,
 И будешь нѣжныя сердца
 Достойны узъ соединенья .

И наступилъ желанный день :
 Свѣшляюшь взоры обрученной ,
 Изчезли горести , какъ тѣнь ,
 Въ одеждѣ Моры драгоценной ;
 И близокъ наслажденій часъ ;
 Гошовишся обрядъ вѣнчальный ;
 И спарець дряхлый , въ первый разъ ,
 Отрясь съ чела шуманъ печальный .

Я виемлю звукъ роговъ злашыхъ ,
 И пѣсенъ брачныхъ шумъ , и клики ,
 Герои въ панцыряхъ стальныхъ
 Сстоятъ вокругъ Альвскаго владыки .

И вошь пирь свадебный гоповь ;
 Ликуюшь храбрые средь спана ;
 И полнь гостей веселыхъ кровь ,
 И прославляюшь всѣ Аллана.

Но кто, безвѣстный сей пришлецъ ,
 Склоняешъ взоръ къ сѣдящимъ мрачный,
 Веселье оправиль сердцеъ
 Незванный гость на пирь сей брачный ?
 Воскрилемъ черной ризы онъ ,
 Свой шлемъ надвинувши , покрылся ,
 И въ думу , какъ въ глубокий сонъ ,
 Возсѣвшій Рыцарь погрузился.

Недвижный и шуманный взоръ
 Мелькаль украдкой сквозь забрало ;
 Грозу шайншвенныхъ укорь
 Его молчанье предвѣщало ;
 И страхъ невольный пробѣждалъ ,
 Въ кругу красавиць изумленныхъ ,
 Пришлецъ невѣдомый молчалъ ,
 Одинъ, средь кликовъ изшупленныхъ.

Бьешь полночь — шумный кругъ зашихъ,
 Суровость гостя примѣчая —
 И вошь за здравье молодыхъ
 Несешь чаша круговая.
 Тушь всталъ съ поспѣшностью пришлецъ,
 И всѣ помяся въ ожиданьи ;
 Вспревоженъ жениховъ отецъ,
 И сердце Моры въ содроганьи !

« Внимай, вскричалъ онъ, спарець, мнѣ :
 Сей кубокъ поданъ въ честь Аллану ,
 И я , въ покорной шипинѣ ,
 Пить съ прочими гостями спану .
 Но ешь еще намъ долгъ свяшой...
 Въ пошь часъ , какъ все въ увеселеньи ,
 Аллана заняшо судьбой ,
 Почшо Оскаръ, швой сынъ, въ забвеньи? » —

И Ангъ опшѣшшвовалъ съ слезой :
 « Трикрашы свѣшля денница
 Свершаешь пушь годичный свой ,
 Какъ мнѣ безъ сына свѣшь шемница! » —

« Но еслибъ , продолжалъ пришлецъ —
 Ему дарилъ воспоминанье ,
 То знай , поскующій ошець ,
 Ты зрѣлъ еще бы съ нимъ свиданье .

« Подымемъ кубокъ въ честь его —
 Торжественно встѣмъ возглашаю . » —
 « Гошовъ ! въ честь сына моего ,
 Фіаль заздравный подымаю . » —
 « Но кубокъ сей почто Алланъ
 Берешь шрепещущей рукою ,
 Нль браша , средь родныхъ спранъ ,
 Почпшишь не хочешь чesью шою? . . »

И до минуты роковой
 Аллана рдѣвшія ланипы ,
 Пришельца съ рѣчью гробовой ,
 Внезапно блѣдностью покрышы .
 Трикрашы чашу онъ къ устамъ
 Подноситъ , сердца скривъ укору ,
 Трикрашы — спрахъ его очамъ —
 Предъ нимъ невѣдомаго взору !

Его усмѣшкой присыженъ ,
 Алмацъ вѣщаетъ, испугленный :
 « Опцу да будешь возвращень
 Оскаръ , столь долго отчужденный ! »
 Умолкъ — и въ душу смершный хладъ
 Съ сей рѣчью грозною пролился.
 Роняешь кубокъ, . . . шукнешь взглядъ ,
 Небесной казни часъ сверчился !

« Онъ , онъ убійца ! » слышенъ гласъ.
 « Убійца ! » госши повторили.
 И яркій блескъ свѣчей погасъ !
 И бури грозныя завыли !
 И замка сводъ разсѣкъ ударъ !
 И озаренный молній блескомъ ,
 Предсхаль . . . израненный Оскаръ !
 И все исчезло съ спрашнымъ шрескомъ !

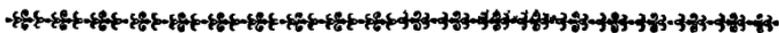
Кто жь былъ шаинственнй пришлецъ,
 Сей призракъ грознаго видѣнья ?
 Никто не вѣдалъ ! но отецъ
 Позналъ весь ужась преступленья.

Алланъ раскаяньемъ сраженъ ,
 Узрѣвъ безвременно кончину ,
 И старецъ , Небомъ извъщенъ ,
 Ошшелъ къ погибнувшему сыну.

Вы видите ль на сихъ холмахъ
 Убийцы гробъ уединенный ?
 Опцевъ — его опверженъ прахъ ,
 Трофеевъ Альвы ошлученный !
 Они на вѣкъ обагрены
 Брашоубійственнoй рукою ,
 Но въ замкѣ семь сохранены ,
 И съ спрашнoй повѣстiю шою.

И прахъ убійцы не почшущъ
 Сыны могущихъ вдохновенiй ,
 И подвиговъ не ошдадушъ
 Въ завѣшь грядущихъ поколѣнiй.
 Какъ громъ , прокляшiе ошца
 Надъ гробомъ эхо повторяешъ ,
 И ужасъ грознаго конца
 Душамъ прешупнымъ возвъщашъ.

II.

ДУБОВЫЙ ЛИСТЪ.

Изъ спранъ далекихъ пушникъ шель
 Одишь, чрезъ лѣсъ дремучій;
 Вошь сумракъ вечера слешъль,
 И набѣжали шу чи,
 И ночь близка. — Вкругъ лисъевъ шумъ
 Спрахъ пушнику наводишь;
 Объяшый скорбью мрачныхъ думъ,
 Подъ древній дубъ подходишь;
 Чернѣешь боръ — сокрылся пушь —
 Онъ болѣ спрашишь;
 И вздохъ его спѣсняешь грудь,
 Слеза съ очей кашишь.

Вдругъ слышенъ шорохъ — изъ кустовъ
 Убійца выбѣгаешь,
 И ночи темныя покровъ
 Злодѣйство осѣняешь.

Одинъ свидѣтель мрачный лѣсъ
 Былъ жершвы неповинной ,
 И стоишь убишаго изчезъ
 Въ окрестности пущынной.
 Но шрепещи , убійца злой !
 Не дремлешь Провидѣнье :
 Сей дубъ , шумящій надъ шобой ,
 Сокрыль , бышь можешь , мщенье.

И алчный хищникъ , ошобравъ
 Погибшаго все злашо ,
 Себѣ построилъ домъ забавъ
 И зажилъ въ немъ богашо.
 Чшо день — шо пиръ и сонмъ гостей ;
 Ихъ роскошь угощаетъ ,
 И время , молніи быспрѣй ,
 Въ забавахъ пролешаетъ.
 Но шолько спранникъ все въ очахъ ,
 И дубъ окровавленный :
 Убійца часто на пирахъ
 Безмолвствуешъ , смущенный....

Проходишь годъ — и въ бракъ вступишь
 Съ красавицей младою ;
 Онъ прелести ея купишь
 Богашою цѣною.
 Но долго ль, скорби сквозь шуманъ
 Блишная наслажденье ,
 Несчастному для пляжкихъ ранъ
 Сулило облегченье ?
 Какъ мѣсяцъ блѣдный въ облакахъ ,
 Оно опять сокрылось ,
 И шопъ же спранникъ все въ очахъ !
 Унынье возврашилось !

Вошце въ долину луговой
 Заря засвѣшишь холмы ,
 Въ дали проглянушь голубой
 Селеній мирныхъ дома ,
 Ручей, блестящій какъ стекло,
 Въ полянахъ заспруишься ,
 И дуба гордое чело
 Денницей озлаишься : —

Веселья въ немъ не оживишь
Природы пробужденіе ;
Все , кажется ему , грозишь
Бѣдой за преслушеніе.

Но въ часть, какъ сосны вокругъ полей
Сгущаютъ сумракъ тѣни ,
Тмы шемъ мерцающихъ огней
Блеская въ небесной сѣни ,
Онъ бродишь робкою стопой
Близъ темныя дубравы ,
И зришь съ опчаянной шоской
Дубъ грозный , величавый.
Угрюмый боръ спрадальца сонъ
Ужасно повпоряешь ,
Встревоженъ дикихъ врановъ сонъ ,
И филинъ завываешь.

И радость хищнику чужда
Невинности безпечной ,
Не видишь счастья слѣда
Въ дарахъ любви сердечной ;

Надежды лучь на вѣкъ угасъ ,
Желанье улещѣло ,
Томишься скорбью каждый часъ ,
Въ душѣ осирошѣлой ,
Весь свѣтлый мѣръ съ своей красой —
Пусшныи видѣ печальный ,
И всюду видишь Смерть съ косою ,
И факель погребальный !

И близко мщение Небесъ !
Убійца , разъ съ друзьями
Пришедъ къ ручью , гдѣ шемный лѣсъ
И дубъ передъ очами , —
Возсѣлъ въ бесѣдѣ круговой ,
И пиръ гошовъ богашый :
Несешся кубокъ золошой ,
За здравіе подъяшый ,
И въ честь его поющихъ хоръ ,
Въ веселіи подруга :
Но сумраченъ злодѣя взоръ ,
Пирующихъ средѣ круга.

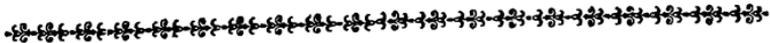
И въ очередь фіальъ златой
 Взялъ въ препенную руку ,
 И мыслишь , удрученъ щоской ,
 Запишь на сердцеъ муку.
 Какъ вдругъ раздался вътра свистъ ,
 По воздуху кружишься ,
 Къ нему несясь , дубовый листъ . .
 И въ кубокъ онъ валится !
 О шайный судъ ! о грозный день !
 Убийца цѣпенѣшь !
 Невинной жершвы видишь пѣнь ,
 Трепещешь и блѣднѣешь !

Склоняешь взоръ — и зришь : ручей
 Несетъ щонокъ кровавый!
 И обагрися злакъ полей ,
 И холмы и дубравы !
 И волю давь своимъ слезамъ ,
 Въ ужасномъ изщупленни ,
 Онъ всѣмъ рассказываетъ самъ
 О гнусномъ престщупленни ;

И скоро взять несчастный въ судъ :
 Злодѣйству въ воздаянъе
 Въ шюремномъ мракъ цѣпи ждуть
 И смерти наказанъе.

И странникъ успокоенъ былъ :
 Подъ дубомъ молчаливымъ ,
 На вѣкъ въ могилѣ онъ почилъ
 Сномъ мирнымъ и счастливымъ.
 Проникнувъ сосенъ мракъ густой ,
 Святое сосраданъе ,
 Воздвигло памятникъ простой
 И крестъ въ воспоминанъе.
 Пресступникъ, брося взоръ на холмъ ,
 Спрашится дней кончины ,
 И дубъ , колышась вѣшперкомъ ,
 Роняешь листь съ вершины.

III.

ЛУИЗА И ЛИНДОРЪ.

Линдоръ , опъязая въ турниръ , говорилъ
 Луизъ въ слезахъ , огорченной :
 « Коль жребій побѣду въ бою мнѣ судилъ ,
 Побѣда швола , другъ безцѣнной ! » —

И Рыцарь въ доспѣхахъ блестящихъ береть
 Оружье съ насѣчкой спальной ;
 Луиза же другу въ залогъ отдаешъ
 Шарфъ бѣлый , кольцо золотое.

И весель онъ ѣдешъ лѣсовъ въ глубинѣ !
 Дорогой къ турниру одною
 Стремится Изора на бѣломъ конѣ ,
 Гремѣвшая всюду красою.

И Рыцарь , сдержавъ передъ нею коня ,
 Съ волненіемъ сердца вѣщаетъ :
 « Пушь добрый ! но скоро свѣшь скроешь днѣ ,
 А шуча дождемъ угрожаешь .

« Позволь мнѣ , я буду конюшимъ швоимъ :
 Хошь чесши шакой недостоинъ ,
 Но нѣжною спраспью внезапно палимъ ,
 Съ шобой повспрѣчавшійся воинъ .

« И раны смершельныя сердца его
 Въ шебъ лишь одной изцѣленье ;
 И будешь предметомъ блаженства всего ;
 И къ чесши возбудишь спремление ! »

Тушь , скромно пошупивъ красавица взглядъ ,
 Хошьла казашься спыдливой .
 Тяжелые вздохи обоихъ шѣсняшь —
 И въ думѣ они молчаливой .

Ужъ ночью въ шо мѣсто они прибрели ,
 Гдѣ славный турнирь былъ устроень ;
 Разспались . — У Рыцаря слезы шекли
 И сонъ его былъ безпокоень !

На завтра , какъ Рыцарей храбрыхъ зовешъ
 Риспалнице къ спорному бою ,
 Изора на первое мѣсто идешъ ,
 Блистая одеждой златою.

И слава вѣнчала Линдора въ бою ;
 Судьями другимъ предпочтенной ,
 При кликахъ народа награду свою
 Повергнулъ у ногъ несравненной.

И тихо Изорѣ вѣщаетъ Линдоръ :
 « Ахъ! _то ль для меня награжденье ?
 На рану смертельную , нѣжный швой взоръ
 Прольешь ли когда изцѣленье ? »

« Ты скоро узнаешь » — ея быль отвѣтъ ,
 И въ замокъ пустилась обратно.
 И видишь : къ ней юноша смѣло идешъ
 Съ улыбкой невинной , пріятной.

И рѣчь обращаетъ онъ къ ней съ простотой :
 « Красавица ! сердцемъ желаю
 Ошнынѣ швоимъ бытъ усерднымъ слугой
 И въ вѣрности я присягаю ! » —

« Согласна принять я себя для услугъ ! »

Изора ему ошвѣчаетъ ;

И въ замокъ прѣхавъ, безъ вѣдома слугъ ,
Для шайны его призываетъ.

« Надѣешься ль, Пажъ мой , вѣщаетъ она —

Всегда мнѣ бышь преданъ сердечно ? » —

Въ помъ клятва священная мною дана ,
И вѣрнѣ ей буду конечно ! » —

« Спиши же исполнишь ты волю мою :

Есть Рыцарь , зовомый Линдоромъ ;

Пусть , въ полночь , прѣдешь онъ въ башню сію
За нѣжнымъ любви приговоромъ.

« Скажи ты еще , чтобы скромень онъ былъ ,

Что будемъ мы только съ нимъ двое. . . .

Еще жъ , чтобы спроси въ залогъ подарилъ
Шарфъ бѣлый , кольцо золотое. »

И Пажъ шоропливо исполнилъ приказъ

Изоры шоль нѣжной и спрастной ;

Назначенъ желанный свиданія часъ —

И даръ онъ несетъ для прекрасной.

Лишь полночь пробило — пустился Линдоръ
 Къ прекрасной на зовъ съ восхищеньемъ ;
 И ѣдепъ близъ замка , сквозь дремлющій боръ ,
 Съ пріяннымъ любви неперпънемъ .

Свѣтъ мѣсяца блѣдный лежалъ на холмахъ ,
 И пѣни дубравы чернѣли :
 Вошъ конь вспрепенулся , и ржешъ на дыбахъ ,
 Близъ темной , развѣсистой ели .

И Рыцарь находишь Изоры слугу ,
 Лежащаго въ мертвомъ покоѣ ;
 Въ рукѣ , распросшершой на мягкомъ лугу ,
 Шарфъ бѣлый , кольцо золотое .

И сердце спѣснилось — слугу онъ зовешъ ;
 Но сномъ онъ покоишся вѣчнымъ
 И въ Пажѣ Луизу Линдоръ узнаешъ ,
 Къ спраданьямъ души безконечнымъ .

IV.

К Л Я Т В А.

« Милый другъ мой ! шы судьбою
 Разлучаешься со мной ;
 Все свершилось ! — грудью къ бою
 За меня и край родной.
 Вошь шебѣ нарядъ швой рашный:
 Свъшлый шлемъ и мечь булашный ;
 Пышетъ конь швой , землю рветъ ,
 Въшь победы подаешь.

« Если жь шы въ кровавомъ полѣ
 Осужденъ оставишь свѣшь ,
 Или я — въ несчастной долѣ
 Сокрушусь , какъ ранній цвѣшь :

Кляшву мы дадимъ свяшую ,
 Въ шужь минушу роковую ,
 Къ другу призракомъ предспашь ,
 О кончинѣ дней сказашь. »

Такъ Людмила разпростилась
 Съ другомъ сердца своего ,
 Имъ на кляшва подтвердилась ,
 Борзый конь умчалъ его.
 Нѣтъ Услава ! нѣтъ веселій;
 Холмы , доли опустѣли ,
 Теремъ мраченъ и уныль ,
 Свѣтъ безъ милаго поспыль.

И о кляшвѣ помнишь данной : —
 Часто грустной дѣвы взглядъ
 Обнималъ въ дали шуманной
 Златоглавый Кіевъ градъ ;
 И молилась со слезою ,
 Да Незримаго рукою
 Мимо война бѣ стрѣла
 Смершь въ дружинахъ пронесла.

Но съ любезнымъ въ дни разлуки
 Слышишь сердца робкій гласъ :
 Страхъ невѣдомыя муки
 Духъ превожитъ каждый часъ.
 Шорохъ лисъевъ, врана крики ,
 Ошголосокъ въпра дикій ,
 Звонъ въ обихели свяшой ,
 Все ей вѣсникъ роковой.

Осень съ хладомъ наступила ,
 Обнажился шемный лѣсъ ;
 Буря въ немъ сильнѣй завыла ;
 Гнѣвень въ шучахъ сводъ небесъ.
 Нѣтъ ошрады ! нѣтъ свиданья !
 Тщешны друга ожиданья !
 И надежда вянепъ въ ней
 Съ цвѣшомъ — радосшью полей.

Снѣгъ нушисшый на долинь ;
 Пушь завѣянъ спалъ опъ вьюгъ ;
 И Людмила все въ кручинѣ !
 И чужда самихъ подругъ !

Тщешно дубъ въ печи пылаешъ ,
 Сердца въ ней не согрѣваешъ ;
 Въ долгіе часы ночей
 Не смыкаешъ сонъ очей.

Время льется — обратился
 На оси разлуки день ;
 Къ верху жаворонокъ взвился ,
 Проводивъ ночную тѣнь.
 Тихо лучъ зари румяной
 Улыбнулся надъ поляной ;
 Озапился струй пошокъ ;
 Дышетъ свѣжій вѣшерокъ.

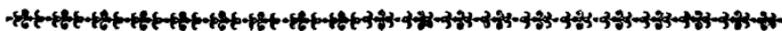
И невольно вопрошаешъ :
 « Чшо ведешъ мнѣ , день , съ собой ?
 Сердце — вѣшникъ замираешъ ,
 Живъ , иль нѣшъ мой дорогой ? »
 Гаснешъ въ пурпурѣ денница ,
 Въ полѣ блѣдная зарница ;
 Сумракъ доль и лѣсъ одѣлъ ,
 Тихій Ангелъ пролешѣлъ.

И Людмила въ страхъ болѣ !
 Изъ окна чуть виденъ пушь ;
 На чернѣющее поле
 Начинаешь вѣшеръ душъ. . . .
 Вошь рѣдѣешь мракъ свѣтлицы ,
 Возвратился ль лучъ денницы ?
 Вспрепенулась. . . . глядь назадъ :
 Въ свѣпломъ призракъ. . . . Усладь !

Блѣденъ ликъ — и взоръ закрышый
 Не блесшилъ любви огнемъ ;
 Шлемъ и панцыри пробины ;
 Кровь изъ раны бьетъ ручьемъ. . . .
 И Людмила кляшву слышишь ;
 И ошь шрепеша чуть дышишь ;
 Тѣнь блѣднѣешь ! гаснешъ свѣшь ;
 Слышенъ вздохъ. . . . Людмилы вѣшь !

ПОСЛАНИЯ.

I.

КЪ НОРОВУ ВЪ ПАРИЖЪ.

Ты живь. . . . благоговѣй душой !
 Тебя опъ смерши роковой
 Спасло святое Провидѣнье.
 Вошце опъ гнѣва ярыхъ волнь
 Вздымались грозныя вершины ,
 И съ нихъ свергался ушлый чолнь
 Въ зіяющія вкругъ пучины ;
 Вошце густая ночи мгла
 Покрыла страха ликъ полмершвый ,
 И Смершь, объемя взоромъ жершвы ,
 Имъ приговоръ свой изрекла :
 Съ побой хранишель невидимый
 Опасность бури раздѣляль ,
 И факель свой неугасимый
 Надеждъ робкой подаваль.

О Вѣра ! о небесный Геній !
 Твой сладоспный , могущій гласъ
 Не вяшенъ намъ средь наслажденій ,
 Но гибели въ грозящій часъ.

Исполнились судьбы рукою
 Твои любимыя мечшы ;
 Ты ищешь пламенной душою
 Топь міръ изящной красоты ,
 Тѣ области воображенья ,
 Гдѣ сильный Геній вдохновенья
 Посредникъ неба и земли :
 Мечшы сіи тебя вели
 Изъ спранъ родимыхъ въ край далекій ,
 Оспавиль ты для цѣли сей
 И ближнихъ кровь и кругъ друзей ,
 И въ путь помчался , одинокій.
 Дерзнувъ въ небесныя поля ,
 Ты ждалъ божественныхъ явленій,
 И звѣзды безпредѣльной сѣни ,
 И въ ней бродящая земля
 Явились , сквозь шуманъ сгущенный ,
 Въ существенномъ величьи ихъ ,

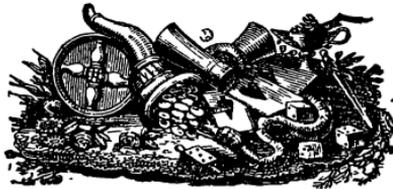
И пы, въ воспоргѣ чувствъ свяшыхъ ,
 Ударилъ въ струны , вдохновенный.
 Сей пламенной души порывъ ,
 Сіе высокое спремлене ,
 Безмершнаго въ душѣ опзывъ ,
 И чувствъ безгласныхъ выражене —
 Тебѣ сопущспвующъ вездѣ ,
 Въ спокойствѣ ль, щасшы иль бѣдѣ.
 На оспровѣ ли Нордернея ,
 Иль на зіяющихъ волнахъ ,
 Равно изящнымъ пламенѣя ,
 Объемлешъ въ шворческихъ мечшахъ
 Предвѣчнаго чершежъ вселенны,
 Согласный въ цѣломъ , неизмѣнный.
 Вездѣ Уранія съ побой ,
 И вкругъ себя вращая сферы ,
 Кошорымъ нѣшъ числа и мѣры ,
 Велишь на лирѣ золошой
 Воспѣшь Творца въ своемъ шворены ,
 Причину вѣчную всего ,
 И всѣхъ часшей въ соединены
 Изобразишь намъ Одного. . . .
 О другъ мой ! въ бурномъ изліяньи
 Порывиспой души швоей ,

Не дивно , что среди морей
 На дикомъ островѣ , въ мечшани ,
 Съ пустынныхъ и песчаныхъ горъ
 Бросалъ ты сожалѣнья взоръ
 На обиташелей холодныхъ
 Европы многолюдныхъ странъ ,
 Гдѣ въ заблужденіяхъ народныхъ
 Другой мы видимъ Океанъ ;
 Гдѣ шоржешвуюють часто спраспи ,
 Куришся злашу еиміамъ ,
 И щасья изъ развалинъ храмъ
 Порокамъ зиждушь для напасши
 Единой благосью свяшой ,
 Тебя спасавщею незримо ,
 И міръ досель непосшижимо
 Спасень ошъ бездны роковой .

Мой другъ ! какъ спранникъ отчужденный
 Далеко ошъ береговъ родныхъ ,
 Оспрадной вѣспи ждешъ ты съ нихъ ,
 Какъ даръ Небесъ благословенный .
 По прежнему щвой мирный кровь
 Храняшь домашніе Пенашы ,

Поля воздѣланы, богашы
Плодомъ Церериныхъ даровъ.
Но съ кѣмъ Богинь благошворной
Принесшь намъ первенцы полей ?
Не рѣдко сонмъ швоихъ друзей
Смущенъ печалью непришворной.
Кому сплешушь вѣнокъ изъ розъ
За пѣсни пламенныя страсщи,
Волненіе сердечныхъ грозъ
Кому спокоишь въ дни напасши ?
По прежнему красавиць кругъ
Одушевляешь Терпсихора,
И Юность, для улыбки, взора,
Лепишь на поприще заслугъ.
Но кто воспоргъ и сердца дани
Со мной повергнешъ къ ихъ ногамъ,
Кто робкимъ дасъ моимъ струнамъ
Таинсшвенность очарованій ?
Щасливъ Пѣвецъ, когда не зрѣлъ
Съ привычнымъ другомъ разлученъ ;
Но мнѣ противный данъ удѣлъ :
Тебя сокрыли опдаленъя.
Теперь съ весельемъ ты узришь
Столицу роскоши и моды,

И настоящимъ уладишь
Грозы протекшей непогоды ;
А я — спокойный домохозяинъ ,
И баловень любви коварной ,
Чуждаясь славы и побѣдъ ,
Невольникомъ неблагодарной ,
Безпечно дни свои веду , —
И ободренный Провидѣньемъ ,
Съ надеждою и восхищеньемъ
Возврата твоего я жду.

II.

КЪ ВОИНУ - ДРУГУ.

Давно ли, другъ, ты былъ со мною ?
 Давно ли въ зиму вечера
 Мы сокращали круговую ,
 Забывъ, что въ каршы есть игра ,
 Но гдѣ за дѣдовскою чашей
 Мы съ опкровенностью злою
 Бесѣдовали межъ собой
 О крапкихъ благахъ жизни нашей ,
 И объявивъ на вѣкъ вражду
 Всѣмъ суешамъ приличій свѣтскихъ ,
 Всѣмъ глупостямъ желаній дѣтскихъ ,
 Мы нѣжились въ свою чреду ,
 Въ объяшьяхъ радости и дружбы ?
 Но подчиненный долгу службы ,

Ошорванъ ею ошъ друзей ,
 Теперь съ дружиною своей
 Ты на брегахъ Невы широкой .

Лечу къ собышьямъ прошлыхъ дней :
 Ты былъ, мой другъ, въ сшранѣ далекой;
 Ты ошъ Тарушинскихъ холмовъ ,
 Подъ грознымъ заревомъ столицы ,
 Летѣлъ съ побѣдой за границы ,
 И всюду зрѣлъ позоръ враговъ .
 Ты былъ подъ Кульмомъ незабвеннымъ,
 Гдѣ вождь безспрашный Осшерманъ ,
 Кипя усердіемъ священнымъ ,
 Забылъ и смерть и шяжестъ ранъ ,
 Гдѣ Галловъ дерзосшныя силы ,
 Геройскою храбросшью дружинъ ,
 Узнали, кшо Полночи сынъ
 И Кульмъ — сшадъ Рускихъ Фермопилы!
 И шы, въ пылающемъ огнѣ ,
 Лешая съ быспрыми спрѣлками ,
 Въ травѣ гусшой , между кусшами ,
 И ровъ въ сокрышой глубинѣ ,
 Сраженъ былъ пулей роковою ;

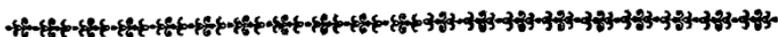
И чувствъ лишенный , опъ мечей
 Изшоргнушъ съ дымныхъ былъ полей
 Дружины ревностью свяшою .
 Ты долго въ чуждой споронъ ,
 Подъ бременемъ помился муки ,
 Сносивши бодро въ шишинъ
 Болѣзни тяжесшъ , мрачносшъ скуки ,
 И горесшъ съ милыми разлуки !
 Но часъ оспрадный пвой приспѣлъ :
 Ты къ нимъ на коспыляхъ прибрелъ ,
 И кровь завидя свой родимый ,
 Съ волненьемъ сердца , со слезой ,
 Позналъ шы живо надъ собой
 Благаго Промыслъ невидимый .
 Мой другъ ! люблю воспоминашъ
 Былое сладкою мечшою ,
 Иль грусшъ разлуки усладанъ ,
 Заочно въ мысляхъ бывъ съ шобою .

Воображеньемъ пренесенъ
 Въ казармы шумныя — опселъ
 Я вижу , какъ шы углубленъ
 Весь въ книгу , лежа на постелъ ,

Вокругъ ошь шрубки дымъ сполбомъ ,
 Доспѣхи близъ шебя кругомъ ,
 И праздный мечъ и шлемъ пернашый .
 Или веселіемъ обяшый ,
 Съ сподвижниками ты сидишь ,
 И нектаръ въ чаши ихъ цѣдишь ;
 И вспыхнушь шушки , разговоры ,
 И жаркіе за ними споры . . .
 Сравнился ль съ чѣмъ сей сладкій часъ ,
 Прямымъ весельемъ оживленный ?
 Минушы радости мгновенны :
 Лови , доколь ласкаюшь насъ .
 Хвалю швой вкусъ я справедливой :
 Не шерпишь шумныхъ шѣхъ пировъ ,
 Гдѣ часто глупости спѣсивой
 Курится оиміамъ льспецовъ ;
 Гдѣ сплетни шарыхъ забавляюшь ,
 Насмѣшки шѣшашъ молодыхъ ,
 И госши гдѣ не примѣчаюшь ,
 Чшо скука на плечахъ у нихъ .
 Ты правъ , мой другъ , передъ Богами ,
 Ты дней на вѣшеръ не соришь :
 Или въ бою враговъ разишь ,
 Или проводишь жизньъ съ друзьями .

Теперь Пѣвецъ въ награду ждешь ,
Оконча длинное посланье ,
Чшо другъ , прочтя его , прервешь
Сшоль долгое свое молчанье.

III.

КЪ НОРОВУ МЛАДШЕМУ.

Не скроешься, пусшынникъ мой ,
 Нигдѣ Поэшовъ отъ болшанья;
 Миролубиваго молчанья
 Не вѣдаешь ихъ шумный рой ;
 И , признаюсь нелицемѣрно ,
 Не бывъ нимало вдохновень ,
 И самъ шеперь я увлечень
 Ихъ ревностію безпримѣрной.
 Неушомимое перо
 Чершишь покорную бумагу ,
 И , какъ иссточника сребро
 Бѣжишь спремисельно къ оврагу,
 Такъ мысли быспрыя шекушь ,
 И въ шворческой своей шревогѣ ,
 Преграды руша на дорогѣ ,
 Все въ пропасть грозную влекушь.

Цвѣты , ошторгнушы ль осьь берега ?
 Блеснувь , увеселяюшь взорь ;
 Но , ахъ ! низвергнушы съ горь ,
 Всѣ жершвою пошожовъ бѣга.
 Заняшь шворенья красому
 Безъ вдохновенія и жара ,
 Чшобъ послѣ собственнаго дара
 Вполнѣ представишь нагошу , —
 Не ближнюю ль спезю къ пучинѣ
 Забвенья грознаго искашь ,
 И въ колыбели обрекашь
 Свое швореніе кончинъ ?

Щасшавъ Пѣвецъ , въ младае дни ,
 Когда не ввѣрясь пылкой спрасши ,
 Покоршвуешь разсудка власти.
 Такъ шы , мой другъ , во слѣдъ Парни ,
 Насстроивалъ смиренно спруны.
 До сей поры воспоргъ швой юный
 И возрождающійся даръ
 Его разборчивость пугала :
 Ты ею прохлаждалъ свой жаръ ,
 И Муза — болѣе молчала.

Но опыты швои.клейма
 Не скрыли Бога цѣсноцѣнья.
 Дерзай во области ума,
 Дерзай въ предѣлы вдохновенья.
 Пуши различны для Пѣвца,
 Когда онъ съ думою глубокой
 Дерзаетъ къ цѣли сей высокой,
 Для славы, плесковъ и вѣнца.
 Явленья дивныя Природы
 Онъ ловишь жадною душой;
 Поешь на лиръъ золошой, —
 И внемяюшь вѣки и народы.
 О другъ! завиденъ сей удѣлъ
 Не обольстительною славою,
 Но будущностью величавой,
 Гдѣ зримъ награду нашихъ дѣлъ.

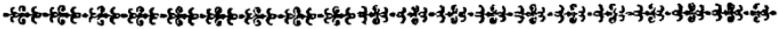
Но щещно къ храму Мнемозины
 Идуцій, гордый сонмъ пѣвцовъ,
 По милости друзей — льщещовъ,
 Мечтаетъ Пинда зрѣшь вершины.
 Присшрасхья громкая хвала
 Не возвышаетъ дарованья,

И если дерзость изрекла ,
 Бышь можешь хуже порицанья.
 Пусть время освяшишь шруды ,
 Въ кошорыхъ скрышь парящій Геній , —
 И зрѣлые его плоды
 Пребудушь пищей вдохновеній.
 Расинь намъ славный образецъ.
 Вошце Прадонъ , ошъ всѣхъ вѣнчанный ,
 Мечсаль похишишь лавръ желанный :
 Расинь — въ попомспвѣ взялъ вѣнецъ.

Повѣрь, мой другъ, въ нашъ вѣкъ обильный
 Пѣвцами славы и любви ,
 Аплеты многіе безсильны.
 Цѣвницу ты одушеви
 Надеждой , смершному оспрадной,
 На зло угрозъ безошадной
 Зависпниковъ лукавыхъ шѣхъ ,
 Кошорые , себѣ на смѣхъ ,
 Надушы дерзосшью досадной.
 Никто не внемлеть ихъ игрѣ
 На лирахъ , маками увишыхъ ;

Хоша въ Парнасскомъ Словарѣ
Тѣсняшъ Поэшовъ знаменимыхъ.
Предашель ихъ, печашный листъ,
Ихъ возвѣстивъ высокопарность ,
Заслужишъ внуковъ громкій свистъ ;
А дарованье — благодарность.

IV.

КЪ М. Н. МАКАРОВУ,

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ.

Донскаго поддиговъ ревнишель !
 Ученыхъ обществъ скромный членъ !
 Тобой за лнь я осуждень , —
 И въ эшомъ правъ ты , другъ — гошитель;
 Но мысль — что въ шумѣ городскомъ
 Забыль я вѣрности обѣщанья ,
 Родилась въ призракъ пустошь.
 Для дружбы — пѣшь грозящей Лсы.

Люблю , мой другъ , тебѣ внимашь ,
 Какъ ты , мечтою окриленный ,
 Стремись въ прахъ оживлять
 Героевъ сонмъ давно забвенный ;

Какъ наблюдашельный свой взоръ
 Простря на древнія могилы ,
 Угадывасшь , гдѣ позоръ
 Посшигнуль вражескія силы. . . .
 И въ древность увлеченъ шобой ,
 Обозрѣваю край родимый ,
 Гдѣ каждый холмъ для насъ свяшой —
 Испочникъ думъ неисшощимый.
 Вездѣ краснорѣчивый слѣдъ
 Дѣяній дивныхъ и высокихъ ,
 Въ развалинахъ — опзывъ побѣдъ
 На вѣчный спрахъ враговъ жестокихъ.
 Не щещно тяжкое ярмо
 Любовь къ опчизнѣ низложила :
 Презрѣвъ невѣрное письмо ,
 Въ сердцахъ собышья сохранила.
 Съ соупиницею зоркой сей ,
 Дерзай ты къ шапнствамъ полей ;
 Обозрѣвай всѣ городища ,
 Отыскивай всѣ пепелшца ,
 И древній прахъ спряся съ нихъ ,
 Спроси , въ восторгахъ вдохновенныхъ ,
 У памяшниковъ сокрушенныхъ ,
 О славъ подвиговъ былыхъ. . . .

Иди , мой другъ , иди опважно
На избранномъ тобой пуши ,
И углубясь въ заботѣ важной ,
Забудь вину мою : прости.

V.

КЪ КНЯЗЮ КУГУШЕВУ ,

ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕМУ МОИХЪ ЭЛЕГІЙ.

Товарищъ неизмѣнный
 Ошь юношескихъ лѣтъ !
 Прими сей даръ смиренный
 Ты дружества въ завѣсть.
 Увидишь съ восхищеньемъ
 Пропекшаго чершы ,
 Знакомыя мечшы
 Съ ихъ сладкимъ заблужденъемъ.
 Увидишь повѣсть въ нихъ
 Воспорговъ безконечныхъ ,
 И пламень чувствъ живыхъ
 И радость благъ сердечныхъ ,

И переходъ опъ сна
Къ узрапамъ невозвратнымъ. . . .
Какъ лугъ живишь весна
Дыханьемъ ароматнымъ ,
Такъ снова освѣжишь
Былаго ошзываетъ — чувства
И другу замѣнишь
Холодный даръ искусства.

VI.

КЪ В. Л. ПУШКИНУ,

ПОЛУЧИВЪ ОТЪ НЕГО БАЙРОНОВЫ СОЧИНЕНІЯ.

Пѣвецъ любви и шихихъ наслажденій ,
 Кто строгій вкусъ и даръ соединилъ ,
 Ты Байрона присылкою швореній
 Мечты мои внезапно пробудилъ.
 Я по слѣдамъ Британскаго Поэша
 Лечу въ шохъ край , гдѣ Фебовыхъ жрецовъ
 Съ младенчества пишая медъ Гимеша ,
 Поилъ воспоргъ божешвенный пѣвцовъ ;
 Гдѣ Маравонъ , Аѣины , Оермопилы
 Лишь имена Героевъ сберегли ,
 Конь шопчешъ ихъ забвенныя могилы ,
 И славный прахъ развѣялся въ пыли.

Лишь красота Природы сохранила
 Величіе протекшихъ, славныхъ дней :
 Природа шажъ ; но слава измѣнила ,
 Эллады сынъ подъ бременемъ цѣпей .
 Или въ спранѣ Пешарки и Лауры
 Ношусь мечшой съ Гарольдовымъ пѣвцемъ ,
 Въ спранѣ любви , гдѣ Граціи , Амуры
 Торквато гробъ украсили вѣнцемъ ;
 Въ спранѣ , гдѣ пѣнь пѣвца Ерусалима
 Пишомецъ Музъ привѣтствуетъ слезой ,
 Гдѣ наконецъ.... воспоминанье Рима ,
 Который палъ , подавленный собой .
 Иль Юліи всю прелестъ заблужденій
 Дѣлю душой съ мечшашелемъ моимъ ;
 Съ нимъ зрю мѣста коварныхъ наслажденій ,
 Изчезнувшихъ съ желаньемъ роковымъ ;
 Тамъ виноградъ подъ сѣнію кашшана
 Гелвешъ рукой усердной насадилъ ,
 И тихій берегъ лазурнаго Лемана
 Онъ памяши любившихъ посвяшилъ .
 Иль внемлю стонъ несчастной Зюлпки ,
 Последній вздохъ божественной души ,
 Въ ошщненіе шираншву скорби клики ,
 И шщстный плачь надменнаго Паши .

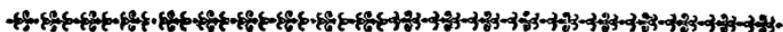
Опважныхъ силъ съ послѣднимъ пораженьемъ
 Пробилъ сердца́мъ разлуки вѣчный часъ :
 Имъ факель дней минушнымъ наслажденьемъ
 Едва блеснулъ — и въ вѣчности угасъ.
 Иль шамъ Гяуръ измѣнницу — Ленлу
 Склонивъ къ любви... на казнь приговорилъ:
 Вотще въ бою Гассана свергъ въ могилу ,
 Красавицы изъ волнъ не возвратилъ.
 Лишень всѣхъ благъ , въ тоскъ изнемогая ,
 Какъ тѣнь бродилъ близъ бездны роковой ,
 И ропощъ волнъ на брегѣ издыхая ,
 Какъ бы вѣщаль : погибла я побой.
 Иль, наконецъ мечшою увлекаюсь ,
 Къ злымъ звѣздамъ — Поэзіи Небесъ ,
 Величіемъ вселенны изумляюсь
 И вѣчною гармоніей чудесь.
 Ношусь съ пѣвцемъ среди пучинъ шворенья
 (Какъ ночи мракъ торжественно слетпшъ)
 И, мнитсѣ мнѣ, все полно размышленья ,
 Все пѣснь хвалы Сотворшему гремишь....
 И, словомъ , даръ могущій чародѣя
 Влечешь меня въ предѣлъ безбрежный сей ,
 Гдѣ надъ душой духъ шворческій владѣя ,
 Святой восторгъ воспламеняетъ въ ней ;

Гдѣ онъ , спремьясь изобразишь земное ,
 Небснаго заимствувешъ языкъ :
 Такъ , чувствиво давъ къ изящному свяное ,
 Волшебный огонь Поэзіи возникъ .

Но мнѣ ль дерзашъ въ шайнствєнныя стѣни?
 То поприще открыто лишь пѣвцамъ ,
 Которыхъ вождь — неушомимый Геній ,
 Несущій ихъ къ божєспєвнымъ холмамъ .
 Тебѣ знакомъ пупь скользкій къ Геликону ;
 Ты въ немъ пруды опважно побѣдилъ ,
 И лирой спалъ досшупенъ къ Аполлону
 Того опъ Музь я въ даръ не получилъ .
 Друзей моихъ при вѣроломномъ плєскѣ ,
 Вошще игралъ всечасно на спрунахъ
 Съ надеждою сіяшь безсмершья въ блєскѣ ,
 Увѣнчаннымъ въ грядущихъ племенахъ .
 Злашыє дни исчезли заблужденій ;
 Мнѣ Истинна свой факель подада ,
 И гордыє восшорги вдохновеній
 Безвѣсшности смиренной обрєкла .

РОМАНСЫ И ПѢСНИ.

I.

ПОЖАРЪ МОСКВЫ.

Все небо въ зрѣвахъ пылало
 Съ пожаромъ древнїя Москвы ,
 Багровою лучей осыняло
 Церквей поруганныхъ главы ;
 Бѣгущихъ громкое шенанье,
 Полночной бури на крылахъ ,
 Будило шомное молчанье
 Въ почившихъ долахъ и лѣсахъ.

На жертвы сей судьбы жестокой ,
 Безмолвствуя, съ горы крушой ,
 Раида въ горести глубокой
 Склоняла взоръ унылый свой ;

Но сердце бѣдной замирало
 Не ошъ грозы ужасныхъ бѣдъ :
 Оно о родинѣ страдало ,
 Летѣло къ бившамъ , другу въ слѣдъ.

« О воинъ милый ! говорила —
 Когда на бранныя поля
 Тебя любовь вооружила ,
 Опимши — плѣнь гордаго Кремля.
 Меня ты въ сердцѣ , другъ безцѣнный !
 Въ часъ люшый боя призови ,
 И шествуи бодро , ошненнй
 Щишомъ всеильныя любви.

« Въ Москвѣ враги ! Москва пылаешъ !
 Кому ее спаси въ сей часъ ?
 Она къ сынамъ своимъ взываетъ ,
 Услышь ея молебный гласъ.
 Здѣсь спарець блѣдный , изнуреннй ,
 Бредешъ , склонившись надъ клюкой ;
 Тушь мать испоргла вопль смяшеннй ,
 Поамершвыхъ чадъ кропя слезой.

« Со свиспомъ бури, съ крикомъ врановъ,
 Къ тебѣ сей спонъ ихъ долеппиъ ,
 Покой встревожишь рапныхъ становъ,
 И факель мщенья воспалишь.
 Мечи во длани ! въ шучи громы !
 Спѣшите , Сѣвера сыны ,
 Спасая отеческіе дома
 И честь родимыя страны !

« И ты , о другъ ! любимецъ славы ,
 Въ сей страшный часъ услышь меня ;
 Спѣши на поле въ бой кровавый ,
 Возсѣвъ на борзаго коня ;
 Лети , какъ вихрь — губи , какъ пламя ;
 Какъ громъ , противниковъ рази ,
 И первый ты — побѣды знамя
 Въ сѣнахъ Кремлевскихъ водрузи. »

Въ щала — зарево блѣднѣло ,
 Выходилъ день свѣшлый надъ горой ;
 Но все въ поляхъ осирошѣло ,
 И омрачилось все поской.

Впервые ушла золошлага
Дыханье съ розовыхъ холмовъ,
Въ сердцахъ веселья дорогаго
Не пробудило послѣ сновъ.

И слышимъ были шѣжь сшенанья :
И снова къ пламеннымъ боямъ
Раида ушремивъ мечшанья,
Вручала друга Небесамъ.
Пошомъ, проспясь съ безцѣннымъ градомъ,
Вздохнувъ о радоспяхъ былыхъ,
Далеко проводила взглядомъ
Знакомый видъ полей родныхъ.

II.

ДУНЯ.

Попухла денница
Въ злапыхъ облакахъ ,
На полднѣ , въ поляхъ
Сверкаешъ зарница —

И тихо въ долинѣ , и мрачно въ лѣсахъ ,
И плещешъ лѣниво ручей въ берегахъ .

« Ахъ ! пляжко въ разлукѣ
Безъ милаго живишь ,
Всѣ дни проводишь
Въ помлени и скукѣ ! » —

Такъ жалобы Дуни спѣшила излишь ,
Чтобъ пламенной спрасши тоску облегчишь .

И спавъ у березы
Надъ тихимъ прудомъ ,
Ввѣряешъ пайкомъ
Окрестностямъ слезы;

Ихъ вѣшерь уносишь съ увядшимъ листомъ :
Никто не повѣдалъ въ пустынѣ о томъ.

Вдругъ черныя пучи
Насупясь, идушь ,
И шрепешъ несущъ ,
Прахъ взвѣя лешучій !

« Ахъ ! скоро ль — вѣщаетъ — тѣ грозы пройдушь ,
Что къ сердцу безъ друга печали влекушь ? » —

III.

Н О В О Б Р А Ч Н А Я .

Вечеръ сумрачный долины
 Черной ризой покрываль ;
 Въ опдаленности , съ вершины
 Звонъ ко всеобщей сзываль .
 Я бродилъ одинъ , мечшою
 Въ глушь дубравы заведенъ ;
 Всюду чащею густою
 Пушь казался загражденъ .

Вдругъ красавицу встрѣчаю ,
 И обрадованъ душой :
 « Гдѣ , скажи мнѣ — вопрошаю —
 Къ полю пушь лежишь прямой ? » —

« Вѣво , все иди кустами »
 Быль красавицы ошвѣшь —
 И въ ланишахъ за словами
 Заигралъ румяный цвѣшь.

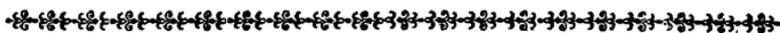
« Чшожъ , красавица , шакъ поздно
 И одна, въ глуши лѣсной ?
 Время сумрачно и грозно :
 Ты помедли здѣсь со мной ;
 Клена древняго подъ сѣнью
 Вихорь бурный переждемъ ;
 Громъ ушихнешь — и къ селеню
 Вмѣспѣ мы съ шобой пойдемъ. » —

« Нѣшь! домой спѣшу! въ подруги
 Жениху обручена ;
 Черезъ мѣсяць — мы супруги ! »
 И , склонивъ главу , она
 Испустила вздохъ тяжелый.
 « Такъ позволь мнѣ — говорилъ —
 « Чшобъ супруговъ домъ веселый
 « Я чрезъ мѣсяць посѣпиль ! » —

« Приходи ! но ты сердечно
 Пожалѣешь обо мнѣ ! » —
 « Ошь чегожь ? » — « Лишь будущь вѣчно
 Слезы горькія однѣ !
 Быль мнѣ другъ. . . его родитель
 Разлучилъ насъ. . . » — И шропой
 Я пошелъ въ свою обитель
 Подъ шумящую грозой.

И найши жилище милой
 Я чрезъ мѣсяцъ полешѣлъ ;
 Вижу , въ полѣ сшарецъ хилой
 Пригорюнившись , сидѣлъ.
 Поражень его шоскою ,
 « Гдѣ красавица ? » спросилъ.
 Онъ въ ошвѣшь мнѣ « подъ землею !
 Ты на прахъ ея спушилъ ! »

IV.

СТРАННИКЪ.

Вокруг почныя небеса
 Зіяли пламенной пучиной ;
 Шумѣли мрачныя лѣса ;
 Гроза сбиралась надъ долиной , —
 Когда невѣрною сщочой
 Шель странникъ , пушаясь дорогой ,
 И огонекъ передъ собой
 Увидѣлъ въ хижинѣ убогой .

« Добро пожаловашъ » вѣщала
 Пришельцу старецъ сановишой —
 Межъ стѣмъ , какъ вѣсперь потрясала
 Сшекло оконницы разбишой .

Передъ лампадой , у иконъ ,
 Въ углу красавица молилась ;
 И громъ гремятъ со всѣхъ споронъ ,
 И съ градомъ буря разразилась .

« Куда , отколѣ , странникъ мой ? —
 Хозяинъ гостя вопрошаешь —
 Кто ближніе , гдѣ край родной..... » —
 Но шопъ рѣчь шарца прерываешь :
 « Не зналъ я машери , ошца ,
 Опець мой — общій всѣхъ Хранитель ,
 Ошрада — добрыя сердца ,
 Пришанище — шволя обижель . »

И съ той поры молодой пришлецъ
 Оспался въ хижинѣ смиренной :
 Союзъ щасшливыхъ двухъ сердець
 Примѣромъ былъ любви священной ;
 И часто дочери вѣщаль
 Съ слезою крошкій благодѣтель :
 « Щасшливъ , кто сираго разыскалъ ,
 Ему награда — добродѣтель . »

V.

ЧАСОВОЙ.

Спанъ Рускихъ силъ вкушалъ покой ,
 Лучемъ луны осеребранный ,
 Вблизи пѣлъ воинъ молодой ,
 Къ булашному копыю склоненный :
 « Леши къ родимой споронъ !
 Леши , о въсперь легкокрылой !
 Скажи скорѣе обо мнѣ ,
 Что живъ для славы и для милой.»

Безмолвень ходить часовой
 Враговъ огнями освѣщенный ;
 Но воинъ въ долгошѣ ночной
 Поешъ , на копіе склоненный :

« Лети къ родимой споронъ !
 Лети , о вѣшеръ легкокрылой !
 Скажи скорѣ обо мнѣ ,
 Чшо живъ для славы и для милой. »

« Съ восходомъ солнечнымъ пойду
 Въ кровавый бой за край священный ;
 Но если въ полѣ мершвъ паду ,
 Къ булашному копыю склоненный :
 Лети къ родимой споронъ !
 Лети , о вѣшеръ легкокрылой !
 Скажи скорѣ обо мнѣ ,
 Чшо палъ для славы и для милой. »

VI.

П Ъ В Е Ц Ъ .

« Кого ты ждешь , пѣвецъ молодой ,
 Славь жершвой грозныя измѣны ?
 На вѣкъ — невѣрной красошой
 Ославлены родныя спѣны .
 Увяль швоей надежды цвѣшь ;
 Для лиры — кипарисъ унылой ,
 И пѣснямъ слезы лишь предметъ .
 Пѣвецъ молодой ! швоей нѣшь милой ! » —

« Когда нѣшь милой для меня ,
 Къ кому прибѣгну въ грустной долѣ ?
 Пускай средь браннаго огня
 Окончу жизнь въ кровавомъ полѣ !

Ахъ ! легче зрѣшь намъ дней конецъ ,
 Чѣмъ жишь съ надеждою посыллою ;
 Пусть скажутъ всѣ : молодой пѣвецъ
 Окончилъ дни , покинулъ милою .

Услышь , о другъ , въ послѣдній разъ
 На лиръ скорбной звукъ прощальный:
 Пусть вшорѣшь жалобный мой гласъ
 И темный боръ , и берегъ дальный !
 Изъ сердца лира издаешъ
 Сей звукъ гармоніи унылой :
 Несчастный грусть одну поешъ ,
 Когда на вѣкъ оставленъ милою .

Цвѣшокъ , порывомъ бурь склоненъ ,
 Теряешъ блескъ и украшенъ ,
 Сстрадашъ кшо сердцемъ осужденъ
 Съ Природой всей дѣлишь мученье .
 Сей цвѣшь — любви подобье намъ ;
 Но оживясь чудесной силой
 Весною блескъ ошдаешъ подямя ,
 А я — не оживу безъ милою . »

VII.

М А Л Ь В И Н А .

« Тихо ночь спустилась въ сумракахъ печальныхъ ,
 Медленно восходишь мѣсяць молодой ;
 Лучь его препещешь на пригоркахъ дальныхъ ;
 Дышешь свѣжій въшеръ сладосной весной .

« Все вокругъ забылось сладкою мечшою ,
 Съ упромъ все воскреснешъ къ радостямъ злашымъ ,
 Сердце лишь помишся — друга нѣтъ со мною ,
 Я одна скишаюсь призракомъ ночнымъ .

« Трачу дни напрасно жизни невозвращной ,
 Безъ утѣхъ сердечныхъ , грустной сиршой ,
 Тѣмъ лишь , кто любили — горе шо понятно ;
 Кшо любимы были — внемлюшь мнѣ душой .

« Тучи пробѣгаешъ мѣсяць шоропливо ;
Вошь печальный образъ горести моей :
Сердцу льстившъ надежда съ другомъ жившъ счастливо,
Но блеснешъ. . . . и снова мракъ въ душѣ моей. »

Такъ Мальвина пѣла ; — слезы покашились —
Томная услада горестныхъ сердець ;
И вокругъ долины пшпцы пробудились ,
И запѣлъ въ дубравѣ спонущій пѣвецъ.

П Ъ С Н И.

I.

Тебѣ ль о спрасши мнѣ пвердишь
 И кляшвы повшоряшь напрасно ?
 Могу ли чувешва ушаишь ,
 Когда ты видишь ихъ всечасно ?
 Тебѣ алтарь въ душѣ моей :
 Во мнѣ спрасъ вѣчная пылаешъ ,
 И сердце каждый мигъ о ней
 Своимъ биснемъ повшорлешъ .

Тѣмъ мнѣ пріашенъ жизни пушь ,
 Чшо я къ тебѣ идиши мечшаю ,
 Въ швоихъ обьяшьяхъ опдохнушь —
 Вошь цѣль , съ копорой я спрадаю !

Спрананье по священно мнѣ ,
 Дань слабая по сильной спраси ,
 И я съ шерпѣньемъ , въ шипинѣ ,
 Награды жду за всѣ напасши. . . .

Вошь памъ , гдѣ вижу шихій свѣшь
 Селеня райскихъ наслажденій ,
 Найду убѣжище ошь бѣдъ ,
 Ошь тяжкихъ сердцу огорченій.
 Тамъ ошь земнаго опкажусь ,
 И въ новомъ жребіи. . . душою
 Превыше смершныхъ вознесусь !
 Но гдѣ же буду я ? — съ шобою.

Просши воспоргу чувспвѣ моихъ ,
 Просши сердечному желанью !
 Пушей ешь много для другихъ
 Сокровищъ жизни къ обладанью ;
 Но ты одна въ душѣ моей ,
 Тобой надеждѣ , щаспью вѣрю ;
 Съ пошереею любви швоей
 Вселенной вижу я потерю.

II.

О грусть ! о шяжкое мученье !
 Но долгъ велишь послушнымъ быть :
 Элиза сердцу въ искушенье
 Съ ушра велишь себя забыть.
 Но ушра часъ , сей часъ блаженный,
 Мы любимъ шрасти посвящашъ.
 Тебя ль забуду, другъ безцѣнный !
 Вели хошь дня мнѣ подождашъ !

За ушромъ полдень нашрупаешъ ,
 А я все въ горешш, въ слезахъ ;
 Младую розу взоръ встрѣчаешъ . . .
 И шощасъ шы въ моихъ глазахъ.
 Но лугъ цвѣшами пспешренный
 Зовешъ вездѣ шебя искашь.
 Тебя ль забуду, другъ безцѣнный !
 Вели до вечера мнѣ ждашь.

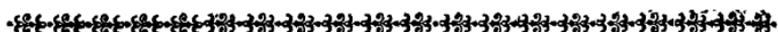
Наспалъ часъ вечера унылой ,
 Иду въ долину я съ поскокой,
 Невольно сердце имя милой
 Твердишь и вздохомъ и слезой.
 Ея и голосъ несравненный
 Мнѣ любить эхо повшоряшь :
 Тебя ль забуду , другъ безцѣнный !
 Вели мнѣ ночи подождать.

Вошъ ночь меня ведетъ къ покою ;
 Ищу его въ пріятномъ снѣ ,
 И шопчасъ сладкою мечшою
 Являешься ты снова мнѣ.
 И шакъ могу ль , шобой плѣненный ,
 Законъ жестокой исполнять ?
 Тебя ль забуду , другъ безцѣнный !
 Вели еще до ушра ждать.

Но завшра вновь слетишь Аврора
 И пышно роза разцвѣшешъ ,
 Небесный образъ твой для взора
 И въ розѣ и въ зарѣ блеснешъ.

Когда дни наши такъ мгновенны ,
Могу ли щастье оплагашь ?
Тебя ль забуду, другъ безцѣнный!
Вели, вели мнѣ вѣчно ждашь.]

III.

Dis-moi, ce que j'éprouve etc.

Скажи, что чувствую, увидѣвшись съ побой ?
 Какихъ виной ты невѣдомыхъ движеній !
 Краснѣю, препенещу, блаженствую душой,
 Хочу я говорить — но нѣтъ и выраженій.

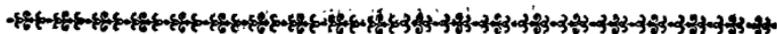
Въ присущствіи швоемъ перьяюсь, виѣ себя,
 Взоръ ищешь швоего, но вспрѣшивъ, убѣгаешь ;
 Случайно ли когда дошронусь до себя,
 Я въ шайномъ пламени — и сердце замираешь.

Въ разлукѣ ли съ побой — ты все въ душѣ моей,
 Я имя милое всечасно повшоряю :
 Его при свѣшѣ дня и въ мрачнѣсти ночей,
 Равно, вездѣ во всемъ я вижу и чишаю.

То спрахъ волнуешь духъ , по вдругъ — надеждой
льщусь ,
Прелестный образъ твой люблю — и ненавижу ,
Клянусь бѣжашъ тебя , но все къ тебѣ спремлюсь ,
И слезы лишь гошовъ , когда тебя увижу .

Но полно ! коль тебѣ любви не ынятенъ гласъ ,
Угаснешъ жизнь моя , сраженная шоскою ,
Желаю одного : приди мечпаній въ часъ ,
И окропи мой прахъ сердечною слезою .

IV.

Какъ съ шобою разшавался
Въ часъ для сердца роковой ,
Я въ любви не изъяснялся
На кольняхъ предъ шобой .
Но , исторгнушый печалью ,
Вздохъ мой все шебъ сказалъ :
Я съ шобой , за синей далью
Всѣ надежды пошерялъ .

Радость жизни , ушѣшенье ,
Цѣль желаній и покой ,
И восшоргъ и наслажденье
Все изчезнуло съ шобой .
Коль осшавлень сиропою ,
Кшо мнѣ друга замѣнишь ?
Кшо сердечную слезою
Тяжестъ грусти облегчишь ?

Упра шихаго дыханье,
Въспникъ радоснаго дня,
Тщешно льеть очарованье —
Нѣшь разсвѣша для меня.
Царство ночи молчаливой !
Сѣнь для сердца моего !
Въ шипинѣ швоей щасливой
Услаждаю грусть его.

РУССКІЯ ПѢСНИ.

I.

Увянешь безъ солнышка
 Душистый цвѣшь на полѣ ,
 Поблекнешь и молодость
 Безъ друга любезнаго.
 Не ты ль мое солнышко ?
 Не я ли цвѣшь во полѣ ?
 Тобою пишаюсь я
 Тобою и вижу свѣшь !

Не скроешься , милая !
 Въ высокомъ ты перемѣ ,
 И злша сокровища
 Не будешь преградой мнѣ.

Вездѣ я найду себя ,
 И слово привѣстное
 Скажу въ утѣшеніе ,
 Чшо я лишь побой живу.

И въпры осенніе ,
 И въ зпму мятелицы ,
 Одни лишь свидѣтели
 Пролишыхъ слезъ горесши.
 Уже ль средь веселія ,
 Средь игръ, хороводовъ шы
 Не слышала голоса
 Сшрадальца нещаснаго ?

Нѣшь! сердце въ насъ вѣспъ даетъ,
 И часто средь плясковъ шы
 Бывала задумчива ,
 Въ насмѣшку подругамъ всѣмъ.
 О если кручна ша
 Была бы любовь ко мнѣ ,
 То красное солнышко
 Блеснуло бы радостью ?

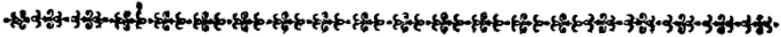
II.

Скучно, машушка, мнѣ сердцемъ жить одной,
Скучно, скучно, что не ѣдешь дорогой.
Гдѣ сокрою я кручинушку свою?
Лучше выйду на крылечкѣ постою.
Посмотрю, кто вдоль по улицѣ прошолъ,
Посмотрю, не пролетишь ли мой соколъ.
Вдоль по улицѣ мяселица мясешъ,
А съ мяслицей и милый мой идешъ.
Машешъ издали мнѣ аленькимъ плашкомъ,
Подошедши, говоришь онъ мнѣ шайкомъ:
Ахъ, постой, постой, любезная моя!
Дай мнѣ, радость! наглядѣться на тебя.
Съ той поры, какъ разлучились мы съ шобой,
Пошерялъ я и здоровье и покой.
Другъ сердечный! ошвѣчала я ему,
Или ты смѣешься горю моему?

Такова ли я до сей поры была ,
Таковою ли красавицей слыла ?
На лицѣ поблекли алые цвѣшы ;
Безъ себя , мой другъ , лишилась красоты.

П О Э М Ы.

I.

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

О лира ! согласиь съ воспорженной душой ,
 Безь принуужденія играй сама собой !
 Тебѣ дѣша и машь — предметомъ пѣснопѣнья :
 Заимствуй въ ихъ чершахъ свои изображенья.
 Пускай машь нѣжная , въ задумчивости часть ,
 Надъ колыбелію читаешь мой разсказъ ,
 И взоръ покоя свой на взорахъ дорогова ,
 То бросишь чшеніе — то имъ займешя снова.

О нѣжность машери ! ты сладостью своей
 Во глубинѣ лѣсовъ смягчаешь и звѣрей :
 Подъ хищной дикостью шигрицы и гіены
 Одушевляешь ихъ швой пламень сокровенный.

Въ поскѣ свирѣлая , не видя чадъ своихъ ,
 Мать — львица у пустынь испрашиваешь ихъ .
 Въ дни радосной весны , когда ея дыханьемъ
 Природа пробудясь , дарить очарованьемъ ,
 Объ играхъ позабывъ , летающій народъ
 Спѣшишь въ густую сѣнь , подъ темный дѣшевь
 сводъ ,
 И мать внимательна , свивая , округляешь
 Гнѣздо для шѣхъ пшеновъ , кошорыхъ ожидаешь .
 Въ дубравѣ ль сумрачной умолкъ пѣвицы гласъ ,
 Лучъ розовой зари , вечерній , тихій часъ
 Пѣшь звукомъ сладоснымъ въ расказахъ пере-
 сшала ?
 Молчаньемъ говоришь , что машерію спала .
 Но сихъ небесныхъ чувствъ , сей должности свя-
 шой ,
 Кто чувствуетъ сильнѣйшій вліянье надъ душой ?
 Не ты ль — бывъ создана Власшишелемъ вселен-
 ной ,
 Для радостей любви , во вѣки неизмѣнной ?
 Болѣзни на одрѣ , въ спраданияхъ самихъ ,
 Хранишь пертѣніе превыше силъ своихъ :
 Мать нѣжная шакихъ не испылавъ мученій ,
 Не зрѣла бы себѣ столь милыхъ утѣшеній .

Нещасливъ смертный шопъ, кто сердцемъ оди-
ночь ,

Кто сына милого прижать къ нему не могъ !
Вошше въ слезахъ , его бродящiе вокругъ взоры ,
Для силъ слабѣющихъ хошашъ искашь опоры ,
Подъ свой печальный кровъ онъ скуку поселилъ ,
Доспигнулъ спароспи — но въ мiръ семъ не жилъ .

Какъ восхищаюсь я каршиною безцѣнной,
Стоя предъ матерью , пшпенцами окруженной :
Одинъ ее шайкомъ вдругъ за руку схватилъ ,
Другой ея власы съ усмѣшкой распустилъ ,
А младшiй — невзначай , какъ будшо бы ошибкой ,
Порхнулъ украдкою за нѣжною улыбкой.
Но вопъ съ поспѣшностью родилель нѣжный ихъ
Къ нимъ возвращается влеченьемъ чувствъ своихъ....
Какое зрѣлище ! въ какомъ онъ удивленiи !
Безмолвспвуя , споишь на прагѣ въ восхищенiи.
Онъ наслаждается. . . . Родилеля чело
Ошъ умиленiя внезапно разцвѣло ;
И радосшъ на очахъ какъ въ зеркалѣ сiяешъ ,
И онъ семью свою въ душѣ благословляешъ !

Однакоже ошець , внявъ строгости подь часъ ,
 Умѣешь укропишь привязанности гласъ ,
 И къ щастію дѣшей онъ не щадишь спараній :
 Машь шолько любить ихъ — вошь верхъ ея познаній!
 Ту истинну могу примѣромъ доказашь .
 Младенца милаго лишась младая машь ,
 Внимала паспыря святое поученье ,
 Врачующее въ ней жестокое мученье :
 « На помощь , онъ вѣщаль , шы Вѣру призывай
 « И Аврааму въ шомъ смиренно подражай .
 « Богъ рекъ : — и сынъ гошовъ рукой ошца пасшь
 мершвыи . »
 — « Но Богъ ошъ машери не шребоваль сей жершвы ! »
 О гласъ глубокихъ чувствъ ! звучите лиры шы !
 И кто изобразишь прелестныя мечшы ;
 Кошорыя въ душѣ машь нѣжностью пишашь ?
 Она не зря пшенца его ужъ обожаешь .
 Когда жъ любви залогъ — желаній всѣхъ предметъ ,
 Съ усиьемъ шягостнымъ изшоргнешся на свѣшь ,
 Младенца первый крикъ съ какимъ восторгомъ слы-
 шипшь ,
 Ей возвѣщающій , 'что онъ въ семь мірѣ дышишь !
 Въ мученьи щастлива , смяшенныхъ чувствъ полна ,
 Сшраданьемъ , нѣжностью волнуешся она ,

Не давь наемницѣ , сама его ищашь ,
 И дважды маперю для милаго бываешь .
 Въ ночь тихій сонъ его , безмолвная предъ нимъ ;
 Спрашишь возмушишь дыханіемъ самими ;
 Какъ бренное его хранишь существованье !
 Въ немъ жизни новое для ней очарованье ;
 Желанья всѣ его гонима , упредишь ;
 И приходѣ каждую въ ушѣху обратишь .

Когда жь разсудокъ въ немъ льба предупредѣ-
 даетъ ,
 Мать первая его даръ слова очищаетъ ;
 Дишяши въ памяти , безъ пятгоспныхъ наукъ ;
 Словъ новыхъ для него зашверживаешь звукъ .
 Вниманье милое ! святое попеченье !
 За ними слѣдуешь одно лишь восхищенье .
 Невинный разговоръ съ малюпкою ль ведешь ?
 Съ шептѣніемъ на все опивши ему даешь .
 Займешь ли вечеромъ его повѣствованьемъ ?
 Съ какимъ онъ слушаетъ ее очарованьемъ !
 Въ объявляхъ мапери , на грудь ея склонень ,
 Изъ славныхъ подвиговъ , онъ каждымъ изумлень .

Иль музы Геснера пасшущее пѣнье
 Преподаешь ему морали..наспавденье;,
 Играя , учишься ; въ веселіи злпшомъ
 Онъ просвѣщается и сѣрдцемъ и умомъ.

Открышо поприще : упорныя Науки
 Невидимо влекутъ съ любезнымъ дни разлуки.
 О машери нѣжная ! шрудовъ его успѣхъ ,
 Виною для себя плѣнишельныхъ ушѣхъ.
 Свершилось — день наспавль ! внимательный учишель,
 Народа шумнаго спокойный повелишель ,
 Оспавя важности на время гордый видъ ,
 Ашлеша юнаго наградою дарилъ.
 Чувствительности взоръ къ дышпши всѣ склоняющъ ;
 Въ немъ дарованія заслугу обѣщающъ.
 Дышп сіе — швое ! Раздался кликъ. . . Герой
 Къ объпшіямъ швоимъ сопровожденъ шолпой ;
 Ты раздѣляешь съ нимъ вѣнецъ его лавровый, —
 И слезы машери омышъ его гошповы.

Проходишь дѣтство онъ — и увлеченъ судьбой ,
 Далекo улешпшь отъ шпороны родной.

Твой духъ перзаеиша при мысли разлученя ,
 Но дочь еще тебѣ усладой огорченя.¹
 Дочь нѣжная , къ слѣдамъ прикована швоимъ ,
 Какъ бы клянеша шѣмъ не слѣдовашь за нимъ ;
 Спокойнѣй средь забавъ и въ склонноспяхъ вѣрнѣе ,
 Послушиѣ умомъ и чувспшвами нѣжиѣе .
 Какъ свѣшная заря приводишь день злаяшой ,
 Такъ дѣшшество въ ней влечешъ разсудокъ за собой :
 Ей зришса въ будущемъ обязанность свяшая ,
 И машерью сама мечшаешъ бышь , играя !
 О какъ гордишьса шы , что въ цвѣшшѣ юныхъ дней
 Дочь скоро омрачишь слѣды красы швоей !
 Когда жъ въ ней новыхъ чувспшвъ пріятное волнение
 Съ пшнадцатой весной родишь любви шомление ,
 Всѣ шайны шы ея угадываешъ вдругъ
 Ихъ внемлешъ ошъ души , какъ искреннѣйшій другъ .

Но нѣжности швоей сколь горешшная сладость ,
 Когда супругу шы ея ввѣряя младость ,
 Надъ дѣвспшвеннымъ челомъ вѣнокъ изъ розъ сплешшшь
 И въ ризы брачныя невинности облечешъ !
 Вошще нарядовъ сихъ тебѣ пригошшвление :
 Блаженштво дочери — тебѣ все украсение . .

Сквозь шумный сей народъ, собравшійся толпой,
 Идешь — и радостью весь взоръ исполненъ твой.
 Ты видишь древній храмъ, въ кошоромъ умиленно
 Сама клялась въ любви къ супругу неизмѣнной,
 И свящось алшаря, и громкій въ сводахъ клиръ,
 И дымный еиміамъ, лешащій въ горній шіръ,
 Несущій ошь земли обѣщовъ изліянье
 И впечатляющій ихъ въ небѣ начертанье,
 И свѣшь паникадилъ, и Кресшь — задогъ свяшой,
 Чшо смершный искупленъ грѣха ошь муки злой,
 И двухъ супруговъ видъ, усердіемъ горящихъ,
 И пышный блескъ вѣнцовъ алмазами блестящихъ.
 Все сердце шрогаешь — все умиляешь духъ.
 Въ слезахъ безмолвья мать, склоняя робкій слухъ,
 То слово дочери шоржешшвенное внемлешь,
 Кошорымъ другъ во власшь судьбу ея приємлешь, —
 И сердца въ глубинѣ ея невольный страхъ
 Пріяшной жершвою Всевышняго въ очахъ.

О нѣжношь мапери! о даръ сердець прелесшной!
 Ты образъ на земля намъ крошоспи небссной;
 Въ шебѣ сокровище вѣковъ и всѣхъ племень,
 Ничшоженъ предъ шобой и самой смерщи шлѣнь.

Канадцевъ древнiя люблю обыкновеня :

На брегѣ шихихъ водъ , въ глуши уединеня ,

Пишая скорбный духъ унылою мечшой ,

Могилы оросишь они идушь слезой.

Въ дни юныя весны любви воспоминае

Къ кладбищу мрачному велишь имъ несешь спрдаанье :

Тоскующiй отецъ на камень сей склонень ,

Бышь съ сыномъ , думаешь , еще соединень !

На небо усремивъ взоръ маперъ умиленно ,

Подходишь медленно къ могилѣ незабвенной ,

И съ воплемъ горести почившаго зовешь ,

И , безошрадная , млеко надъ прахомъ льешь !

Вошь маперъ въ Индiя со снономъ въшру внем-
лешь ,

Кошорый въ воздухѣ гробъ милаго колеблешь ,

Но въ день , когда дыши-преходишь въ вѣчный сонъ ,

Склоненная надъ нимъ , все мнишь : восстанешь онъ !

Какъ прижды солнца лучъ выиграешь надъ холмами ,

Его украсишь одръ душистыми цвѣтами ;

Качая клена въшвь , на коей милый прахъ ,

Спарается забышь , что гробъ въ ея очать.

Но если къ древности мы обратимъ вниманье ,
 Картины живостью плѣня дарованье ,
 Сколь много къ вымысламъ воспламенятъ пѣвцовъ !
 Тамъ Клиземнеспра дочь опъемлеть у боговъ .
 Тушь Трои въ пламени , среди опчизны праха ,
 Въ шокѣ , опчаяни , спрадаеть Андромаха ;
 Опъ вражескихъ мечей скривъ сына своего ,
 Гробницѣ Гекшора вручаешь дни его .
 Гекуба грозная , съ опважностью Алкида ,
 Лешишь во Оракію , какъ въ гнѣвъ Евменида :
 Спрашисъ , Полимнеспоръ ! сыновней шѣни машь
 На жертву чадъ швоихъ гошовишся предашь .

Но удалимъ сіи ужасныя мечшанья ,
 И днесъ Израидя пре йдемъ бышописанья ;
 Да кшшью вѣрною изображу чершы ,
 Кошорыхъ въ прошопѣ сіяюшь красомы .

Въ безмолвіи полей , среди уединенья ,
 Несеться тяжкій вопль любви и огорченья !
 Рахиль шо сѣшуетъ . . . вошце въ шокѣ своей
 Лешь шокъ горючихъ слезъ . . . нѣшь , нѣшь ея дѣшей !

Агарь, среди песковъ , въ пустынь обнаженной,
 Прохладныя воды и зелени лишенной ,
 Съ ошчаящемъ въ душѣ едва могла взиратьъ ,
 Какъ съѣдъ послѣднюю спремился сынъ пожрать !
 Но тщетно Исмаиль горящими ушами
 Исохшей чаши сей склонился надъ краями . .
 Агари ищешь взоръ . . . Трикрашъ она зовешь
 И степь безбрежная безмолвствуешь въ ошвъшь !
 « Воды, плодовъ ! или смерть ! » — даша ей восклицаетъ —
 И отвращаясь , Агарь инокъ слезный проливаешь !
 И молишь Небеса : « Всевидящій Творецъ !
 « Одинъ близъ сердца сынъ и дней онъ зришь конецъ !
 « Не прохладжу ль его я горькими слезами ! »
 О машери ! вездѣ хранишеть — Богъ надъ вами !
 Ошь съни горнія вдругъ Ангель низлешеть ,
 И жизнь неся въ струяхъ , источникъ возшуметь ;
 И щасьемъ насладысь Агарь въ пустынь знойной,
 Мнишь Авраама бышь въ обители спокойной.

Но мы изъ древности пренесены мечшой ,
 Событье новыхъ дней увидимъ предъ собой ,

Какъ смѣлость матери, душевная ша сила ,
 Чудовище лѣсовъ во гнѣвъ укропила ;
 И , если эшу былъ намъ кисъ животворить ,
 Пусть лира звуками се же повшорить .

Близъ спѣнь Флоренци , изъ древности обычно
 Годъ каждый праздновашъ забавою приличной .
 Селеній жители , собравшись на поляхъ ,
 Весну привѣшствуютъ въ забавахъ и цирахъ ;
 Повсюду шумные въ весельи хороводы
 И пляшущъ и поющъ средь полныя свободы
 Какъ разъ . . . о ужась ! лѣсъ ошгрянулъ страшный
 ревъ !

Внезапно изъ кустовъ изходишь грозный левъ !
 Во взорѣ пламенномъ одно ожесточенье !
 И все бѣжишь . . . въ сіе ужасное мгновенье
 Спѣшишь сокрышься мать съ младенцемъ на рукахъ ;
 Но бремя милое — о сердцу люшый спрахъ ! —
 Сронцла . . . тяжкій спонъ невольню испускаешъ . —
 И челюсть львиная надъ жершвою зідесть !
 Блѣдна , недвижима . . . она лишилась силъ !
 Но шопъ же спрахъ ей выигъ ихъ снова возвратилъ !

О поржештво любви ! о верьхъ вьсѣхъ изступленій !

Она вѣщаешъ лѣву, склоняясь на колѣни :

« Ошдай мнѣ сына шы , ошдай ошраду мнѣ! . . . »

Свирѣпый левъ на машь взираешъ въ шишинѣ ,

Надъ ней какъ сжалась бы . . . попомъ еще взи-
раешъ ,

И чувштво машери какъ будшо понимаешъ !

И , укрошась , дитя подносишь шихо къ ней ,

Ея сокровище — ея блаженство дней !

Святой невинности съ улыбки глазъ не сводишь ,

И въ глубину лѣсовъ онѣ медленно уходишь .

О сколь , возря на мѣръ чувствительный пѣвецъ

Найдешъ еще каршинѣ , прелестныхъ для сердець !

Но мнѣ ли къ вымысламъ лешѣль воображеньемъ ?

Я машери своей обязанъ приношеньемъ .

Когда бы пѣсней даръ ошъ Феба я имѣлъ ,

Достойно бы ея благошворенье пѣлъ .

Имѣлъ я и ошца . . . и друга въ немъ нрямаго ,

Увы ! въ дни первые младенчества злашаго ,

Въ дни свѣшлой радости , на гробѣ я его ,

Позналъ , что ешть печаль для сердца моего .

Мы мигъ остановишь и времени теченье ;
 Съ нимъ памятныхъ намъ дней мы зримъ соединенье, —

И сожалѣнїя объ крашкостн ихъ нѣшь.

Воззримъ на старца мы , согбеннаго ошь лѣтъ :

Съ забвенїемъ всего — гласъ слабый и дрожащїй ,

Опягошѣвшїй взоръ и слѣдъ его скользящїй

Лишь смерти бѣ грозныя являли блѣдный зракъ ;

Но гроба близкаго разсѣвая мракъ ,

Къ прошекшему его влечетъ воспоминанье ,

И благъ ушраченныхъ съ нимъ вновь очарованье.

Знакомой радостью онъ снова окружень ,

Къ веснѣ щасливыхъ дней мечпаньемъ увлечетъ ,

И, въ восхищенїи которымъ очарованъ ,

Онъ забываетъ смерть , бывъ къ жизни сей прикованъ.

Но старца ль одного дней память усладить ?

Воспоминанїе несчастнаго живишь.

Сынь щастья , испытавъ Форшуны измѣненье ,

Падешь ли съ вышши величья въ униженье ?

Когда чесшей его не льстила суеша ,

И щедростью его былъ взысканъ сирота ,

Достоинству онъ далъ къ шуду соревнованье ,
 Пусть взглянешъ на свое щасливое созданье , —
 О ! всѣ сокровища онъ зришь въ своихъ дѣлахъ ,
 Роскошествуешь душой въ гоненьяхъ и бѣдахъ .
 Подернешъ ли чей взоръ стуженная завѣса ?
 И свѣтлые луга , и шѣнь гусшая лѣса ,
 И утра тихій лучъ , и вечера краса ,
 И безпредѣльные для зора небеса , —
 Все скроешь во мракъ навѣки безразсвѣтный ?
 Съ нимъ память . . . и еще онъ зришь весь міръ при-
вѣтный .

Воспоминаніе усладу въ сердце льешь
 Тому , кто далеко отъ друга дни ведешь .
 Съ безцѣнной Юліей Сен-Прё , въ часы разлуки ,
 Спѣшилъ разсѣять грусть тяжелой сердца муки
 Въ пустынь дремлющей , въ ушесискихъ горахъ ,
 Чело кошорыхъ взоръ шеряешь въ облакахъ .
 Ушесы дикіе , пхъ гордыя вершины ,
 Ошверзшихъ пропащей , ревушихъ водъ спремнины ,
 Въ подземныхъ сводахъ гуль прощяжный и глухой ,
 И тишь задумчивый , склоненный надъ сосной ,

И съ крикомъ хищные лешя станицей враны ,
 И пмы ужаснѣе разлишы шуманы ,
 И льдовъ дряхляющихъ однообразный видъ , —
 Все вокругъ согласно съ нимъ , все грусти гово-
 рить ;

И взоръ опчаянный съ нависнушой вершины
 Спрадалецъ погрузилъ въ подземныя пучины,
 Гошовъ въ нихъ ринуться. . . наскуча слезы лишь :
 Но вспомнилъ Юлію — и радъ на свѣтѣ жить.
 Онъ друга милаго въ пустыняхъ призываетъ ,
 И въ памяти — она его сопровождаетъ.
 Она спремится съ нимъ къ надоблачнымъ скаламъ ,
 Она жъ нисходитъ съ нимъ къ плѣншельнымъ лу-
 гамъ.

Пріюшной рощи ли сводъ видишь наклоненный ?
 Въ Кларансѣ поцѣлуй оиъ поминиъ незабвенный.
 Соломенный ли кровь очамъ его предсталъ ?
 Онъ видишь хижину , гдѣ счастья ожидалъ.
 Во всемъ зришь Юлію онъ образъ предъ очами.
 Луга душистые , блестящіе цвѣтами ,
 И легкій вѣтерокъ , струящій лоно водъ ,
 И просвѣтъ ушренийъ , и мѣсяца восходъ , —
 Все мысль его влечетъ къ подругѣ разлученой ;
 Пустыни дикія всѣ полны незабвенной.

Зѣницы смершнаго смежаешь ли Морфей ?
 Воспоминаніе чудесностью своей
 Сей жизни пустошу собою наполняешь ;
 Въ обманчивой мечтѣ услужливо являешь
 Привычекъ сладосныхъ знакомую намъ цѣль.
 Въ рукахъ у паспуха уснувшаго свирѣль ;
 Поэшь — съ цѣвницею , художникъ — съ кнѣською смѣ-
 лою ;
 Природы другъ идешь къ красть луговъ веселой ;
 Ловець бѣжишь въ лѣса за серной молдой ;
 Герой съ отважносью летишь въ кровавый бой ;
 Любовникъ пламенный за долгое спраданье
 Опъ милой выслушавъ сердечное признание ,
 Уже надежды полнь блаженство по вкушашъ ,
 О коемъ онъ дерзаль досель лишь мечшашъ
 И дружба , наконецъ , кропящая слезою
 Разлуку вѣчную , въ шомленьи , сиросою ,
 Въ безцѣнномъ призракъ ушраченнаго зришь .
 О ты , къ кому мой духъ поспѣющій летишь ,
 Кто въ грустный мнѣ залогъ оставилъ прахъ лишь
 хладный ,
 Родитель мой , не разъ мнѣ призракъ швой опрад-
 ный
 Представляя , обращалъ свой дружескій привѣтъ !
 Я слышалъ , зрѣлъ себя ; но ахъ ! себя ужь нѣтъ .

И ты, кто дружества примѣромъ драгоценнымъ ,
 Кто соединенъ со мной былъ чувствомъ неизмѣн-
 нымъ ,

И ты являешься, въ полночной тишинѣ ,
 Все пошь же вѣрный другъ , знакомый чувствомъ
 мнѣ ;

И грусть и радости другу другу повѣряемъ ,
 Забавы и шуты съ нимъ вмѣстѣ раздѣляемъ .
 О сладкія мечты ! почто шеряемъ васъ ,
 Когда денницы лучъ ошь сна пробудить насъ ?
 Сшоль сильно надъ душой всѣхъ чувствъ очарованье ;
 Что мнимъ съ почившими дѣлцы существованье .
 Такъ мысли бодрствують , когда спешають сны ,
 Лелѣя шомный духъ на лонѣ тишины —
 Ушраченныхъ часовъ ничтожность замѣляютъ ,
 И радостью былой насъ снова услаждають .

Воспоминаніе всечасно служишь намъ ,
 Даришь признашельность чувствительнымъ серд-
 цамъ .

Мы ищемъ смершнаго , кто былъ намъ покровишель ,
 Присущствіе его — вшорый благошворишель .

Такъ , память прошлыхъ дней виною чувствъ свя-
 пыхъ .

Отколѣ двухъ друзей покойство дней злыхъ ?

Отъ мысли сладостной , что нѣжною душою

И скорбь и радости дѣлили межъ собою .

А сынъ чувствительный , почто же каждый разъ

При видѣ машери , внимаешь сердца гласъ ?

Онъ не забудешь дней , какъ слабое созданье ,

Пріянь съ маекомъ ея свое существованье .

Но ктѣ изобразишь любовника удѣль ,

Коль ошь прекрасныя награды впайнѣ зрѣль ?

Онъ помнишь ихъ — при ней въ восшоргахъ упо-
 паешь ,

Вчерашимъ щаспиемъ блаженство умножаешь .

Начало всѣхъ искусствъ не въ памяти ли зримъ ?

Когда художники , кошорыхъ славный Римъ

Былъ колыбелю , изящностью каршины ,

Живописали намъ гнѣвъ бурныя пучины ,

Жерло Везувія , кипящій въ полѣ бой ,

Пожаровъ зарево , разлишее рѣкой ;

И въ шухахъ молній блескъ , сверкающій браздою , —

Уже ль каршины шѣ имѣли предъ собою ?

Нѣшь ! были въ мысли всѣ онѣ заключены ;
 И Эврипидовы безсмертные сыны ,
 Которыхъ имена. увѣковѣчилъ Геній
 И область завладѣлъ грядущихъ поколѣній ,
 Коль кистью вѣрною и шворческой своей
 Изобразили намъ всѣ дѣйствія сшрасшей , —
 Ихъ вдохновеніе — одно лишь было чувство.
 Сей огонь зжидипельный живошворитъ искусство :
 Чшобъ сшрасшь изображашъ , намъ надобно любить.
 Расинъ чувствипельный возмогъ ли бѣ намъ лвишь
 Чарующимъ перомъ мученья Герміоны ,
 До глубины сердець доведшь несчастной споны ,
 Когда бы къ Шан-меле любовью не пылалъ ?
 Въ Орештѣ , Пиррѣ онъ себя изображалъ ;
 И вдохновенный сшпхъ , являя ихъ собою ,
 Пылалъ его огнемъ , сражалъ . . . его слезою ;
 И Федру изразивъ , помимую щоской ,
 Самъ жершвы новыя принесъ любви душой.
 Такъ кисть , или перо живишь воспоминаше.

Имъ озаряется всѣхъ дѣлъ бышописанье.
 Доколь Исторія , скрывая факель свой ,
 Не проникла съ нимъ забвенья въ мракъ густой ;

Народы , времени пожрашые пучиной ,
 Влеклись во слѣдъ его къ безвѣстности единой ;
 Героевъ славныхъ дѣлъ никшо не возвѣщала
 И прахъ великаго въ забвеньи исплѣвала . . .
 Но память изрекла — сокрылись смерти тѣни ,
 Изъ мрачности гробницъ возсталъ уснувшій Геній ,
 Увѣковѣчились великихъ имена ;
 Ихъ славнымъ образцемъ чпшпш каждая страна .
 О свѣшъ ученія ! цѣль подвиговъ высокихъ !
 Какой воспоргъ горипш въ мечшаніяхъ глубокихъ ,
 Когда въ полночный часъ мудрецъ , передъ огнемъ ,
 Въ воображеніи зиждипельномъ своемъ
 Проходишъ подвиги и Греціи и Рима !
 Здѣсь имъ великая побѣда обозрима .
 Тамъ Консулъ царшвенный , похишившій вѣнецъ ,
 Является предъ нимъ , или боговъ пѣвецъ ,
 Иль Сципіоновъ зришъ , плъ смѣлыхъ Анниба-
 ловъ ,
 Иль , наконецъ , на Римъ нашешствіе Вандаловъ ,
 Какъ Царштво гордое огромностью своей ,
 За преступленія неистовыхъ Царей ,
 Въ величїи своемъ нашло свое паденье .

Чувствительной душѣ сіе ужасно чшенье.
 Пусть Кліо возгремишь военною трубой, —
 И ужась бишвъ и кровь, пролишую рѣкой,
 Пусть вѣчноюный лавръ профеемъ украшаешь :
 Но если бѣдспвія земли изображаешь,
 Опустошеніе разлившихся морей,
 Иль кровожадущихъ сихъ въ древности Царей,
 Кошорые во всѣ пороки погрѣжались,
 И міра цѣлаго слезами упивались;
 Когда доспоинства забвенью преданы,
 Забыты доблести, пороки почтены,
 И суевѣріе, возсавши повсемѣстно,
 Во имя благости и кропосши небесной,
 Льетъ кровь невинности и въ селахъ и градахъ....
 Тогда, зря бѣдспвія въ ужаснѣйшихъ чертахъ,
 Желаемъ, чшобы ихъ забвенью поглотило.
 Надежда щещная! мечшою сей унылой
 И самая мечта о щасіи милѣй;
 И духъ усалый нашъ каршиною спраспей
 На щасіи смершнаго покоишся безпечно.
 Коль ужасаетъ насъ Неронъ безчеловѣчной,
 Сколь добродѣшельный плѣняетъ сердце Тишь :
 Сравненьемъ болѣе величіе блещишь;
 И коль Везувія подъ огненною лавой

Навѣкъ исчезнулъ блескъ Помпеи величавой ,
 Сколь усладительно для зришеля очей ,
 Среди глубокихъ бласть , вблизи морскихъ зыбей ,
 Петрополь гордый зрѣшь , въ сполѣтїе созданный ,
 И шрудъ Великаго, безсмершьемъ увѣнчанный !
 Такъ изумленный взоръ объемлешь жизни цѣль ,
 Близъ гроба мрачнаго зрѣшь снова колыбель.

Но горешный примѣръ ужасныхъ преступленій
 Источникомъ для насъ глубокихъ поученій.
 Порочный не' сокрытъ п смертію самой.
 Есть мстишель : онъ его безжалостной рукой
 Изъ гроба мрачнаго на грозный свѣшь изводишь
 И для пресупника въ потомствѣ судъ находишь.
 Онъ памяшью во всѣхъ злодѣйствахъ обличень ,
 И прахъ мучишеля прокляшью обречень.
 Сколь праведно Небесъ злодѣямъ воздаянье !
 Безсмертіе ему — даруешь въ наказанье :
 Преслѣдую его и день и ночь собой ,
 Грозить ему , какъ мечъ , висящій надъ глабой.

О мысль ошрадна для жершвъ судьбы нещасп-
 ныхъ !

Въ дни испышанія , въ дни горестей ужасныхъ ,

Когда мучшелемъ весь колебался міръ ,
 Вошце нечестію воздвигнушъ былъ кумиръ ;
 Невинные въ слезахъ всечасно повшоряли :
 « Прешупникамъ всегда дѣла ихъ ошомшали
 « И кровь невинныхъ жершвъ и шоки горькихъ слезъ.»
 Они рекли — онъ палъ ! Сшершился судъ Небесъ !

Но Кліи ли одной, ревнивой къ поученью ,
 Дашъ пищу памяши , уму и размышленью ?
 Пльняешъ цѣлый міръ насъ повѣстью живой.
 Мудрецъ , ошъ милыхъ Ларъ опоранный мечшой ,
 Съ ней всюду спранспвуетъ въ протекшемъ углуб-
 ленный.

Брега Авзоніи , о край одушевленный !
 Гдѣ вѣчная лазуръ красуетъ небеса ,
 Гдѣ набожный пародъ , ошечесшва краса ,
 Спѣшишъ подъ знамена и вѣры и любви ,
 И чесши и спрасшямъ сдаешся безъ условій , —
 Ишалия . . . швою мы древность пробудимъ :
 Въ развалинахъ швое сущесшвованье зримъ.
 Чшо возвѣщаюшъ намъ и Требія и Канны ?
 Тамъ гордый Аннибаль , побѣдой увѣнчанный ,
 Вперые обрашилъ въ бѣгъ Рима знамена.

Здѣсь Марій поразила Тевтоновъ племена ,
 Супруговъ коихъ смерть спасла лишь оныя неволн.
 Вошь сей крупной утѣсь , пошь гордый Капп-
 толій ,

Гдѣ всеобъемлющій соорудился пронъ ,
 Который подавалъ вселенной всей законъ !
 Вошь брегъ , гдѣ Сцевола на подвигъ чрезвычайный
 Рѣшился , чтобъ сокрышь святой опчизны тайны !
 Вошь Кесаря чертогъ ; памъ обихалъ Помпей ;
 А въ семь убъжищъ наследственныхъ полей
 Герои-Консулы , свергая багряницы ,
 Мѣняли на соху шриумфовъ колесницы.
 Горацій здѣсь бряцалъ на творческихъ струпахъ ;
 А вошь Virgilia покоишся гдѣ прахъ !
 Virgilia ! предъ нимъ пѣвецъ благоговѣшь ,
 При имени его восшоргъ въ немъ пламенѣшь ;
 И роши мирныя и злачный шукъ полей ,
 И море , гордое обширностью выбей ,
 И неба яснаго съ ихъ зеркаломъ слянье ,
 Все , изумляя взоръ , даритъ очарованье !
 И пушникъ въ сихъ мѣстахъ великимъ вдохновень ,
 Ошходитъ горесшно , какъ съ другомъ разлучень .
 Спошь сильно въ шраншвиакъ надъ сердцемъ влс-
 чашлѣнье !

Но Греціи въ поляхъ намъ шже восхищенье,
 Вошце въ развалинахъ объемлемъ пустошу;
 Воображеніе питаешь шамъ мечшу.
 Черноговъ колъ идемъ въ разрушенныя сѣни,
 Насъ знаменшья сопровождаютъ шѣни.
 Аены, пробудясь, изъ пепла говорятъ:
 Обломки поршиковъ величіемъ блестятъ.
 Вошь сцена сбереглась, гдѣ Геній величавый
 Цѣвницею злашой похишилъ лавры славы.
 Вошь къ Мараѳону я мечшой своей влекомъ:
 О Милліадѣ шамъ вѣщаешь каждый холмъ.
 Иду ль въ Трезену я? досель еще не скрыша
 Тамъ память грозная кончины Ипполиша.
 Среди звонкихъ камышей — спруишься гдѣ Ладонь —
 Сокрытой Нимфы въ нихъ я слышу скорбный шонъ.
 Въ Элѣдѣ ль я? тамъ шумъ внимаю игръ Пелійскихъ,
 Иль въ клкахъ торжество респалищъ Олимпійскихъ,
 Спукъ быспрыхъ колесницъ, ашешовъ спорный бой,
 И ржаніе коней, пустившихся спрѣлой.
 Плыву съ Леандромъ я на берегъ Абидоса;
 И плачу съ Сафою на высотѣ Лезбоса.
 Но сколь достоинъ слезъ погибшій Иллионъ!
 Тамъ вспоминаю я, мечшой окрпленъ,
 Таинственную страсть Киприды и Анхиза;

Энону въ сиротствѣ измѣною Париса ;
 Могущимъ Гекшоромъ сраженные полки ,
 И у Троянскихъ вращъ, въ стenaniяxъ тоски ,
 Супруги горестной съ Героемъ разлученье ,
 И града славнаго огнемъ опустошенье :
 Всѣ шѣ событія я вижу предъ собой , —
 И древность ожгла крылашою мечшой.

Нашъ вѣкъ, исполненнѣй великими дѣлами ,
 Блескъ новыхъ подвиговъ являетъ предъ очами.
 Съ какимъ воспоргомъ зришь Героя свѣтлый взоръ,
 Обширныя поля и цѣпи дальнихъ горъ ,
 Гдѣ бились храбрые подъ знаменами славы.
 Чшо шагъ; но памятникъ побѣды величавый.
 Вошь замокъ древнѣй пошь , кошорый храбрыхъ
 сшрой
 Взялъ смѣлымъ приступомъ съ отважной быстро-
 шой ;
 Вошь лѣсъ , гдѣ скрышься мнилъ сраженныхъ сонмъ
 бѣгущій,
 Вошь поглотившій ихъ , пошокъ вдали ревуцій ;
 А на безмолвныхъ сихъ, возвышенныхъ холмахъ,
 Сподвижниковъ своихъ онъ посѣщаешь прахъ.

Не меньше услаждень, кто зришь свой кровь ро-
 димый,
 Гдѣ дни младенчества для насъ невозвратимы.
 Опъ свѣша шумнаго бѣгу въ мечпѣ своей
 Обишелъ постыпнѣ моихъ щасливыхъ дней,
 Гдѣ каждый мнѣ предметъ упѣхъ напоминае,
 И шѣхъ невинныхъ игрѣ, — какъ сердца все желанье
 Стремилось въ радости къ свободѣ золошой;
 Когда спокойною, безпечною душой,
 И въ усыпленьи чувствѣ не зналъ спрасней вол-
 ненья,
 Ни блеска почестей, ни свѣша обольщенья;
 Когда вся жизнь шекла, какъ тихая струя,
 И смертные равно всѣ были мнѣ друзья.
 Мѣша родимыя! васъ видя предъ собою,
 Какъ бы къ младенчеству я возвращень мечшою,
 И вновь забудешся спокойствіемъ злапымъ!
 Такъ сладость нѣжныхъ чувствѣ въ воспоминаньи
 зримъ.

Покинемъ ли когда опечесшва предѣлы
 Съ воспоминаніемъ нашъ духъ опирошѣлый
 Лепнѣ къ оставленнымъ, опеческимъ брегамъ.
 Вотще Полночи сынъ, предавшійся волнамъ,
 14

Спаль чуждыя сшраны залѣтшый поспшпшель ;
 То дивные сады , по роскоши обшпшель ,
 То чудо зодчештва , искусствва видпшпш храмъ .
 Онъ изумляется — но чувспшвами онъ шамъ ,
 Гдѣ хладъ свирѣпшвуешъ и бурный мешели ,
 И мысль за мыслию на Сѣверъ полешѣлап .
 То ими пренесенъ на гордый брегъ Невы ;
 То къ башнямъ и спѣнамъ священныя Москвы ;
 То мшишь , передъ огнемъ , при завываншп выюги ,
 Сидѣшь близъ машери , близъ нѣжныя подруги :
 И въ сшхъ мечшашпяхъ ошчизнѣ возвращенъ ,
 Изгнанникъ горешпный надеждой усладенъ .

Но если насъ самшхъ споль льспшпшъ воспомина-
 нанье ,
 Не меньше сладосшно для сердца упованье
 Жшшь въ будущшхъ вѣкахъ и памяши людей .
 Съ сей мыслию Герой лешпшъ сорвашъ шрофей ,
 И презираешъ смершь , грозящую косою ,
 Предъ спашю роковой и мѣдью громовой .
 Въ сшхъ мысляхъ Демосеенъ ошъ мудрецовъ Аешпъ
 Ходилъ бесѣдовашъ съ прибрежныхъ луговнш ,
 При свисшѣ грозныхъ буръ , съ шумящими волнами .
 Гражданами гонимъ и презрѣнный друзьями ,

Руссо , разшерзанный , искалъ среди полей
 Забышь жестокою безчувственностью людей :
 Тамъ , углубляясь онъ въ дубравѣ молчаливой ,
 Вглуши воспишывалъ свой даръ краснорѣчивой ;
 И полнь участія чувствительныхъ сердець ,
 Въ грядущемъ соплелалъ безсмертія вѣнецъ .
 Но что въ насъ самую пишаешь добродѣшель ?
 Сокрашь , сей славный мужъ , безпрепешный свп-
дѣшель

Тоски друзей своихъ , гонимый клеветой ,
 Безспрашный мученикъ сей мудрости свяшой ,
 Уже ли бѣ смерти ждалъ въ темницѣ столь спокойно ,
 Когда въ грядущемъ онъ не зрѣлъ бы мзды доспойной ?
 Природу самую великій побѣдивъ ,
 Близъ казни чувствуваетъ къ безсмертію порывъ .
 Уже онъ слышишь гласъ грядущихъ поколѣній ,
 Вселенна — мнилъ — полна его изображеній .
 Но славы сей не ждетъ смиренный другъ полей :
 Онъ хочешь вѣчно жить лишь въ памяти друзей ;
 И кто же не швердитъ , міръ свѣшлый покидая :
 « Вошще мнѣ смерть грозить , нишь жизни пре-
рываая ,

« Любовь мой хладный прахъ слезою оросишь ,
 « А дружба нѣжная залогомъ сохранишь ;

« Я буду жить съ сердцахъ и въ ихъ воспоминань. » —

Не страшень вѣчный сонъ въ семъ сладкомъ упо-
ваньи ,

И ша увѣренность , сопровождающая насъ ,

Последнимъ щастіемъ въ послѣдній жизни часъ.

Безсмертныхъ шѣней сонмъ къ тебѣ спремипшъ по-
лешъ ,

И на швоемъ челѣ ихъ вдохповешья слѣдъ.

Ты зришь ихъ предъ собой , имъ днемъ и ночью впе-
млешъ ,

Ихъ лавры , поржештво , величіе объемлешъ ,

Ты съ мыслью о трудѣ вчерашнемъ усыплешъ ,

И славы кликами поспѣшно пробужденъ.

Поэшь вѣщаль — и всѣ народы съ ихъ Царями
Толпою предъ его представилпсь очамц.
Иль онъ безславипшъ ихъ , пш богошворипшъ ,
И доблешямъ самимъ безсмертіе дарипшъ ;
Порочныхъ онъ ведешъ къ судилпщу вселенной ,
Обрекшп ихъ на стыдъ въ вѣкъ поздній , опдаленной ;
Въ священномъ ужасѣ со гнѣвомъ ихъ казнипшъ ,
Проводипшъ шѣни ихъ съ Харономъ за Коцишъ ,
И мшшешельнымъ сппхомъ гремя имъ въ наказанье ,
Тирановъ будущпхъ приводипшъ въ содроганье .

Все возбуждаешъ духъ Пѣвца въ природѣ всей :
Ревущій Аквилонъ и ропщущій ручей ,

Гласъ ушромъ пасшыря , и колоколь вечерній ,
 И нивы шумныя , и дубъ въ полянѣ древній ,
 И въ ночь осеннюю о прошлыхъ дняхъ разскажь ,
 Все вдохновенія Пѣшу сильный гласъ .

Онъ новый свѣшъ пворить мечпаньемъ легкокры-
 лымъ

Плѣнишь ли соловей слухъ пѣньемъ унылымъ —
 Онъ Филомелы въ немъ внимаешь жалкій спонъ ;
 Узришь ли кипарисъ печальный , — внемлешь онъ
 Въ немъ скрышаго навѣкъ несчастнаго спенанье ,
 Сей шелковицы плодъ — ему воспоминанье ,
 Какъ кончили дни Пирамъ , обманушый мечшой ,
 И милою увлекъ въ гробъ мрачный за собой ;
 На небѣ ль солнца лучъ въ семи цвѣшахъ играеть , —
 Ириса поясомъ Поэша изумляетъ ;
 Когда же значный лугъ , въ часъ ушра золошой ,
 Вдругъ оживляется прохладною росой , —
 Онъ мишь Тифоновой супруги видѣшь слёзы ,
 Опъ конхъ разцвѣли и лиліи и розы .

Но ешь часы , гдѣ онъ трудами упомянь ,
 Мечпаній бременемъ на время удрученъ ;
 Гдѣ самъ себѣ дивясь , его усталый геній
 Привычнаго не зреть воспорга вдохновеній ;

Изякнуль пымысль въ немъ, его безмолвень гласъ ,
 И огонь поэзіи въ душѣ его угасъ
 Сложенный стихъ трудомъ , сынъ хладный прину-
 жденъ ,
 Есть полько поздній плодъ упрямаго шерпѣнья.
 Тогда изящнаго онъ щетъ свѣтлый храмъ ,
 И молишь Феба онъ ошдашь воспоргъ струнамъ :
 Въ наукахъ творческихъ ошыскиваетъ геній.

Поѣшу въ жизни нѣтъ превращеніи , гоѣнній :
 Судьбы онъ властелннъ , и твердъ , неколебимъ ,
 Бряцаеть на струнахъ , несчастіемъ гонимъ.
 Поеть ли , что въ очахъ ошрадный день сокрылся ,
 Мильмонъ еще лучей денницы не лишился.
 Во мрачной Скиѣи , въ изгнаніи , забвень
 И бременемъ судьбы жестокой ошягченъ ,
 Овидій смерши ждалъ и Граціи съ слезами
 Готоурили его украситъ гробъ цвѣтами ,
 Какъ самъ Киприды сынъ , ошавя звѣздный кругъ ,
 Воспоргомъ оживилъ забвенной лпы звукъ.
 О сладкая мечта ! о чувствъ очарованье !
 Твоимъ могущешвомъ несчастнаго ошраданье

Преобрашилось вмигъ въ блаженство дней его ,
 И степь населена всѣмъ милымъ для него ;
 Онъ думаешь еще бышь съ другомъ несравненнымъ
 И пѣшь Италіи подъ небомъ вдохновеннымъ.
 Овидій слезы лить , къ брегамъ симъ удалень ;
 Но онъ коснулся струнъ — и къ жизни возвращень .

Искусство дивное ! твоей волшебной силой
 Духъ творческій парить за хладною могилой ,
 И смерть , всѣмъ властвуя . . въ числѣ рабовъ шво-
 ихъ.
 Изъ гроба мрачнаго изпоргнувъ дорогихъ ,
 Юнгъ , въ горестъ углублень , Смерть грозно вопро-
 шаетъ ,
 И Смерть изъ вѣчности спрадальцу отвѣчаетъ .

О сила генія ! ты побѣждаешь насъ .
 Народы въ пишии твоей внемлюшь сильный гласъ ;
 Но древность приведемъ въ свое повѣствованье :
 Софокль , пѣвецъ боговъ , зрѣлъ Неба наказанье ,
 Спрадавши въ шарбѣши отъ непокорныхъ чадъ ;
 Къ наслѣдію отца уже ихъ жадный взглядъ

Всечасно былъ проспертъ съ жестокимъ неперпльн-
емь ,

Что долго дни его хранились Провидѣньемъ.

Они швердили всѣмъ , что нѣтъ уже пѣвца ,

Кошорый лпрою обворожалъ сердца , —

И что разсудка въ немъ свѣшпльникъ угасаетъ

И духъ въ бездѣйствіе младенца повергаетъ.

Неблагодарнымъ Софокль былъ осужденъ ,

И предъ судилище онъ пми приведенъ.

Спокойно шеспвуетъ народа межъ волнами ,

Лишь славы древнимъ сопровожденъ лѣшамъ.

Онъ вопрошенъ . . . Тогда , подъявъ свое чело ,

Гдѣ въ блещущихъ лучахъ бессмертье разцвѣло :

« Межъ сыновей п мной вы судъ произнесите !

« Граждане мудрые ! вопъ мой ошвѣшъ , внемлите ! » —

Изрекъ — и къ судіямъ гласъ обращенъ его !

Творенье дивное , честь вѣка своего

Ихъ поражаетъ слухъ ! Эдипа онъ чипаетъ ,

И юность прежняя духъ древній согрѣваетъ.

Маспштые власы , могущественный гласъ ,

Чело , вѣнчанное народомъ сполько разъ ,

Все , все священнаго виною изумленья !

Судьи и весь народъ , въ воспоргъ умиленья ,

И дѣши , прослезясь , родишеля у ногъ !
Свершился правый судъ ! Великій превозмогъ.

Все гению несетъ воспорги чувствъ священныхъ.
Средь Каледоніи , въ пущыняхъ отдаленныхъ ,
Бардъ съ арфою въ рукахъ , при свисѣ грозныхъ
вьюгъ ,
Морвенскихъ воиновъ воспаменяешъ духъ ;
Онъ храброму чертогъ воздушный ошверзаетъ
И славы гимнами пушь къ гробу украшаетъ.

Великія дѣла доспойны славныхъ лирь.
Могущій Александръ поработилъ весь міръ ;
Гомера жь не имѣлъ ; онъ клялъ свой жребій спрогій,
Что не далъ пѣвца зависливые боги ;
А штыъ Пиндарова зришь свой родимый кровь
Неприкасаемымъ , какъ храмъ самихъ боговъ.

Не чудно , если гласъ безсмертнаго Орфея
Утесы грозные одушевляя Рифея :

Очаровательность Поэзіи свяшой

Тирановъ мстительныхъ смягчала духъ собой.

Примѣръ въ поэмѣ Амурашъ. Въ порывѣ изступ-
 пленія

Съ побѣдой онъ проникъ въ Азіійскія владѣнья.

Несчастливыхъ тысячамъ среди Багдадскихъ стѣнъ

Жестокій приговоръ былъ къ смерти изреченъ ;

Безмолвный ужасъ тамъ повсюду воцарился ,

Какъ незнакомецъ вдругъ къ мучителю явился :

То славный Алмозаръ , по Линусъ Персіанъ ,

Въ жару пророчества пришелъ спасать гражданъ.

Убийство смолкнуло ; все тихо , все внимаешь ,

И милосердію онъ гимнъ свой начинаешь ,

Изъ праха пепелищъ воздвигнувъ сильный гласъ.

Надменный Ошшоманъ , разстроганъ въ первый разъ ,

Мнишь пресупленіемъ упростишь лавры славы ,

И всѣхъ побѣдъ въ укоръ зришь жернивъ потокъ кро-
 вавый ;

Смущенный , пораженъ , внявъ гласу сихъ угрозъ ,

Впервые Амурашъ излль источникъ слёзъ.

« Ты шоржествуешь днесъ , посланникъ Магомета ! »

Спеная , онъ вѣщаль : во всѣхъ предѣлахъ свѣша

Я побѣждалъ въ бояхъ оружіемъ моимъ ;

Но нынѣ побѣжденъ искусствомъ я своимъ. » —

Изрекъ — и общее умолкнуло смяшенье ;
Полмеривнымъ жипелямъ даруешь онъ прощенье ;
Оковы рушились , покоплись сердца ,
И счастливыи Багдадъ уже у ногъ пѣвца ;
И въ радости народъ по шогнамъ восклицаетъ :
« Безмершной лры гласъ опечество спасаетъ ! »

IV.

К Л А Д Б И Щ Е ,

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ: ВООБРАЖЕНІЕ.

Въ дни мрачной осени , знакомою пропой
 Мы ходимъ каждый годъ бесѣдовать съ шоской —
 Туда , гдѣ времена въ обширный гробъ забвенья
 Собрали горами усопшихъ поколѣнья ;
 Гдѣ въ прахъ возрасты — ждущъ возрастовъ другихъ,
 Пылинка каждая была , какъ мы , въ живыхъ.
 Тамъ Вѣра горести сердечныя внимаетъ ,
 И жаркую слезу Природы опираетъ.
 Сія Религія — что строгоспію въ насъ
 Спремилась заглушить нерѣдко крови гласъ ,
 Теперь средь мрачности оградъ сооруженныхъ ,
 Между живыхъ существъ и въ гробъ сокровенныхъ ,

Съ печалью набожной , съ любовію святой
 Заимствуешь сама у смерти образъ свой.
 Не въ ризы свѣшлыя веселья и надежды ,
 Но въ погребальныя облечена одежды.
 Когда сонмъ избранныхъ , прейдя жсланій прагъ ,
 Пьешь съ прохладженіемъ фіалъ небесныхъ благъ ,
 Обращаяхъ скорбныхъ ихъ , какъ машерь , сострадаешь ,
 И гласъ свой вознося на Небо , въздыхаешь... .
 Богъ жершву ошь нея въ единомъ Богѣ зришь.
 Изъ храма вышедши , народъ къ гробамъ спѣшишь :
 Никто не позабылъ , гдѣ все , что сердцу мило ,
 Подъ хладною землей сномъ вѣчности почило.
 Вошь холмъ смиренный шошь , гдѣ другъ былъ поло-
 жень ,
 Вошь и надгробный крешъ , надъ конмъ шись скло-
 вень ,
 И мершвыхъ зацшипя гусшою лисшьевъ сѣнью ,
 Мѣшаешь шѣнь свою гробницъ съ унылой шѣнью.
 О сколь различныя пріемлютъ здѣсь чершы
 Любви и горести смященныя мечшы !
 Здѣсь съ распущенными печалію власами ,
 Тѣнь брата мцлаго сеспра зоцешъ слезами ,
 А шамъ ошь машери ошпоргнушая дочь
 Прешла безвремежно въ шайншвенную ночь .

Ея не пробудить съ зарей пѣшухъ къ работѣ ,
 Иль ввечеръ возвращаясь къ семейственной заботѣ,
 Не будешь вретена кружишь въ рукѣ своей
 И слушаешь повѣсти и были давнихъ дней.
 А вошь младенецъ сей объ матери рыдаешь ;
 Не зная , что есть смерть , о жизни умоляешь .
 Вошь старецъ , временемъ согбенный надъ клюкой ,
 Между могилъ отца и сына сѣлъ съ шоской ;
 Давно предупрежденъ о смерти сѣдинами ,
 Онъ мѣсто для себя избралъ межъ ихъ гробами .
 Приблѣжьшесь : здѣсь лежишь Герой , отчизны другъ ,
 Кошорый для Царя оставилъ въ полѣ плугъ ;
 Смерть , пощадившая его среди сраженій ,
 Скосила дни его подъ кровомъ наслажденій .
 Оплаканъ всѣми онъ : кто повѣстью простой
 Расскажешь подвиги и храбрыхъ люшый бой .
 Но чей на високахъ сей гробъ уединенный ,
 Къ кошорому спѣшишь селянь сонмъ огорченный ?
 Тушь пасшыря ихъ душъ почіесть мирный прахъ ,
 Надеждой здѣсь ихъ былъ — надеждой въ небесахъ .
 Вошь счастье въ зависти къ примѣрному супругу ,
 Похишивъ отъ него безцѣнную подругу ,
 Въ началѣ рушила союзъ любви свѣшой .
 Она кончается — часъ грозный , роковой !

Сей сынъ родителя улыбки ошчужденный ,
 Во чревѣ матери угаснулъ , нерожденный ,
 Нераспусившійся такъ блеснешь въ полѣ цвѣтъ .
 Повсюду слезы , спонь , — гласъ крови вопіеть ,
 Въ чертогахъ , хижинахъ , селеньяхъ съ городами ,
 Повсюду смерть видна съ печалію , съ слезамъ .
 Ошь упра до упра сиротъ скорбящихъ спонь
 Несется по гробамъ и эхомъ повпоренъ ;
 Прахъ самый , кажешся , разсѣкши сводъ могильный ,
 Къ прохожимъ подаешъ гласъ жалобы умильный ,
 Внезапно . . . о воспоргъ ! все премѣняешъ видъ ,
 Я зрю : жизнь свѣшляя надъ смертію паришь ,
 Кошорой власть прешла . Къ усопшимъ въ започеня
 Проникнуъ , возгремѣлъ гласъ шрубный воскресеня !
 Надежда съ пренешомъ въ словахъ сихъ понеслись :
 « Возшанъ , перспъ древняя , возшанъ , одушевись ! »
 И се Предвѣчный самъ , на облакъ грядущій ,
 Низшелъ , въ десницѣ судъ Свой праведный несущій . . .

С М Ъ С Ъ.

15*

Р Ю С Т А Н Ъ ,

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

Никшо судьбою не доволенъ :
 Ошь праошца до нашихъ дней
 Недугомъ эшимъ каждый боленъ ,
 И шолько смершь косою своею
 Спасаетъ ошь него людей .

Жиль—быль въ предмѣстьяхъ Вавилона
 Орашай — именемъ Рюшанъ ,
 Быль щаспливъ болѣ , чѣмъ Султанъ ,
 И не желалъ величья прона .
 Онъ былъ чувствившелень , умень ,
 Госшепримень съ доброшою
 И кровь его былъ ошворень

Гонимымъ гнѣвною судьбою.
 Но долголь онъ вкушалъ покой ,
 Щасливъ и сердцемъ и душой ?
 Изъ оконъ хижины смиренной
 Его встрѣчалъ бродящій взоръ
 Среди величественныхъ горъ
 Чершогоъ , вѣками освященной.
 Въ сію обитель шишины
 (Такъ въ старыя бывало годы) ,
 Съ приходомъ каждая весны
 Дѣвицъ собирались хороводы.
 Очарованье красоты
 И старцевъ , юношей собранье ,
 Кликъ всадниковъ , коней ихъ ржанье ,
 Все , все въ глубокія мечшы
 Рюшана часто погружало.
 Онъ зрѣлъ : веселье суешы
 На лицахъ юношей сіяло.
 « Они довольны ! онъ мечшалъ —
 Но какъ же съ радостью сдружились ?
 Никакъ ! а проспо въ свѣшъ родились !
 Прекрасно ! я бы шущъ сказалъ ;
 Но я , подобно имъ , родился ,
 Возросъ и въ силахъ укрѣпился . . .

Ахъ! . . . что ни говори нашъ жрецъ —
 Въ различномъ жребіи сердець
 Не все же къ лучшему намъ служишь ! » —
 И вотъ Рюспанъ впервые шужишь !
 Разъ вечеромъ , какъ онъ въ углѣ
 Сидѣлъ и въ думу погрузился ,
 Вдругъ юноша къ нему явился
 Съ весельемъ крошкимъ на челѣ ;
 Небесный взоръ приосѣняли
 Густые локоны волосъ ;
 Ланишы цвѣшомъ помрачили
 И лилій блескъ и свѣжестъ розъ.
 Предспаль — и лиръ соглашенной
 Подобный голосъ слышенъ спаль !
 « Узнай , Рюспанъ , кто я , вѣщаль ,
 Зюлимъ — швой Геній неизмѣнный !
 Ты ввѣренъ былъ мнѣ ошъ пеленъ ;
 И я скорбѣлъ о томъ не мало ,
 Что въ юноши ты благъ лишенъ ;
 Но щастіе швое настало !
 Теперь , для пользы сердца ранъ ,
 Мнѣ объяви лишъ пять желаній ! » —
 Какъ ? пять ? ошвѣштвуешь Рюспанъ ,
 Какъ ! столько вдругъ очарованій ?

Чешыре. . . « — Нѣшь , покорствуй мнѣ ,
 Съ надеждою и въ пишинѣ :
 Угоднѣ шо верховной воли ! » —
 Бышь шакъ ! во первыхъ , я желалъ
 Богашства бы. . . — « Пошомъ ? » — Въ сей долѣ
 Покудабъ щастье начиналъ ;
 А прочаго желашъ дай срока , —
 « Согласенъ ! злашо вошь шебѣ ,
 Торгуи , и въ щастливой судьбѣ
 Сбирай сокровища Востока !
 Въ успѣхѣ же ручаюсь я .
 Простясь , не брошу я шебя . » —
 Съ симъ словомъ благошворный Геній
 Изчезнулъ съ быспрошой мгновений .

Назавтра , чуть зари молодой
 Разлился лучъ по небосклону ,
 Рюстанъ спремишся къ Вавилону
 Съ своею ношею златой ,
 Волнуемъ слѣдкою надеждой .
 Покрытый пышною одеждой ,
 Идетъ въ шолпу , на шумный торгъ ;

Скупаешь все. . . заводишь лавки ,
 Все продаешь цѣной безъ сбавки ,
 День каждый прибыль и воспоргъ !
 Въ алмазахъ , амброй окуренный ,
 Лешись онъ съ пиршества на пиръ ;
 И памъ ошъ прочихъ опличенный
 Прославленъ звукомъ громкихъ лиръ.
 Красавиць сладосшные взоры
 Его надеждой льстяшь ушѣхъ ,
 И шушокъ непришворный смѣхъ
 Одушевляешь разговоры.
 И шакъ бы все пошло чредой ,
 Но щастіе живешь съ бѣдой.
 Хотя Рюсману мамъ — Природа
 Бышь остроумнымъ не дала ;
 Но и ума не ошняла ,
 Онъ зрѣлъ , что подлаго народа
 Неугасимый еиміамъ
 Курился не его дѣламъ ,
 А идолу другому — злапу.
 — О ! щастья нѣшу бышь богашу ,
 Сказаль , задумавшись Рюсманъ ,
 Я лучше бышь хочу вѣнчанъ
 За собственное дарованье :

Другое льстишь меня желанье ! —
 Зюлимъ явился ! — « Какъ пныхъ
 Еще ты благу себѣ желасшь ,
 Не ты ль друзей и дѣвъ младыхъ ,
 Сердца и взоры привласкаешь ? » —
 Все правда ! но самимъ собой
 Желая дань сбирать почшенья.
 Дышу я славою пной :
 Не достаешь мнѣ — вдохновенья ! —
 « Тебѣ ль искашь шрудовъ уму ,
 Вели — и пѣснопѣннѣ пьму
 За золопо шебѣ дославяпъ ,
 Какъ ихъ шворца , шебя прославяпъ. » —
 Хотя въ спихахъ не мудрено
 Гремѣшь чужими именами ,
 Но все пріятнѣе , коль нами
 Безсмертіе обрѣшено.
 « И шакъ , коль хочешь , будь Поэтомъ ! » —
 Дохнулъ — и будшо новымъ свѣшомъ
 Рюспанъ внезапно озарень.
 Пылаешь духъ , шворишь желая ,
 Вселенны съ края и до края
 Онъ съ быспрошою пренесень.
 Берешь перо — и сильный пламень

Излил въ плѣнишельныхъ стихахъ.
 Поэма — стихошворцамъ страхъ —
 Должна разшрогашъ самый камень.
 Впервые вкусъ соединилъ
 Искусство , даръ и вдохновенье ,
 И самый записной Зоилъ
 Нашелъ бы въ ней — лишъ преткновенье !
 Рюсманъ даешъ роскошный пиръ ,
 Рюсавъ шворецъ поэмы славной ,
 И всѣхъ пѣвцовъ извѣстныхъ лиръ
 Сзываетъ онъ на пиръ забавной.
 Когда же развернулъ шворецъ
 Огромное рукописанье ,
 То страхъ проникнулъ въ глубь сердце
 И самъ пришелъ онъ въ содроганье !
 « Внимай , почтенный сонмъ пѣвцовъ !
 Опъ рекъ — прошу о снисхожденъ :
 Прочту шебѣ я въ угожденье
 Двѣнадцать шысячъ лишъ стиховъ.
 Съ спмъ словомъ госпи поблѣднели ,
 Бѣжашъ заранѣе хошѣли ,
 Въ углахъ ропшанье поднялось ,
 Но поздно ! чпенье началось.
 Свободенъ слогъ , согласны звуки !

Нигдѣ услаіи нѣтъ науки ,
 Нигдѣ зашѣйливыхъ проказъ !
 Все сладко ! какъ Природы гласъ !
 Изобразю ль Ареопага
 Я прежде шушки , наглый смѣхъ ,
 Пошомъ , какъ швердая ошвага
 Поэша побѣдила всѣхъ ;
 Восторговъ кликъ , рукоплесканье
 И общее очарованье.
 Разсѣлись. Всѣ о чудѣ шомъ
 Бѣгущъ рассказывать другъ другу ,
 И сшихотворцы всѣ при шомъ
 Рюстана сознающъ заслугу.
 На сходыбищахъ , въ градскомъ саду
 И въ поршикахъ народной бани ,
 Вездѣ , опъ всѣхъ въ свою чреду
 Восторговъ непрерывныхъ дани.
 Но Кришика, эхидны дочь
 Готовишся и день и ночь
 Направишъ гибельныя сшрѣлы
 Въ Рюстановъ даръ шгоренья зрѣлый ,
 И вскорѣ всѣхъ Зоиловъ хоръ
 Къ поэмѣ шценіе направиль ,
 Ихъ дружеской стиховъ разборъ

Безъ брани слова не оставилъ.
 Рюславъ несчастный, въ мукѣ злой,
 Опять рассорился съ судьбой.
 «Почто, вѣщаетъ онъ, я браню
 За шрудъ полезный награждень
 И слабый даръ мой обречень
 Забвенію и поруганью?
 Зюлимъ! о добрый Геній мой!
 Подай несчастному отпращу!» —

Зюлимъ явился! — «Ты душой
 Подобишься въ мученьяхъ аду, —
 Изрекъ онъ — но почто къ стихамъ
 Прибѣгнулъ, голова пустая!
 Когда зѣваюшь, ихъ чипая,
 Тебѣ ли врагиться сердцамъ?
 Пролилъ ли въ нихъ ты кровь рѣками,
 И много ль въ нихъ смершей, гробовъ,
 И привидѣній съ колдунами
 И непонятныхъ, шемныхъ словъ?
 Не самъ ли заслужилъ несчастье?
 Но я беру въ тебѣ участие:

Еще тебѣ желанья ешь. » —
 Теперь , мнѣ слѣдуетъ донести
 Тебѣ , чашатель мой любезный ,
 Куда нашъ бросился Рюшанъ.
 Къ нему доходитъ слухъ всемѣстный ,
 Чшо взоръ Аземы , спройный станъ
 И кудри локоновъ злашья ,
 На перси падая младья ,
 Обворожаютъ всѣхъ сердца ,
 Чшо съ нею лишь одно свиданье —
 И незабвеннаго лица
 На вѣкъ въ душѣ воспоминае !
 А , къ возвышенью всѣхъ даровъ
 Эвфраша ошь полубоговъ
 Она вела происхожденье.
 Рюшанъ съ ней встрѣтился — и онъ
 Уже въ красавицу влюблѣнъ ,
 Съ ней хочешь бышь въ соединенѣ.
 И пошчасъ призванный имъ другъ
 Успѣха трудность облегчаеъ ,
 Рюшанъ желанья достигаетъ ,
 Рюшанъ любовникъ и супругъ !
 Но знашь Рюшану не дается ,
 Щасливцу въ сладостныхъ мечтахъ ,

Чшо съ розой сорванной въ поляхъ ,
 Не рѣдко плакашь досаеешь ;
 И въ Вавилонѣ , какъ у вѣхъ ,
 Подъ часъ шо узнаюшь на дѣлѣ ,
 Всю ночь Азема средь ушѣхъ ,
 Весь день прелестная въ постелѣ.
 Лишь изрѣдка она его
 Берешь на пирь изъ сожалѣнья ,
 Не шакъ , какъ друга своего ,
 Но какъ раба , для повелѣнья ;
 И вѣрный госпожѣ слуга ,
 Доколь она шамъ веселится ,
 Не смѣешь сдѣлашь ни шага !
 Межь шѣмъ , вѣхъ алчный взоръ спремился
 Аземы къ гордымъ красошамъ ,
 Къ ея плѣнительнымъ чершамъ . . .
 И страшный ею обожашель
 Бываль подъ часъ и обладашель.
 Въ печенье сихъ пріятныхъ дней
 Рюшанъ давалъ и самъ обѣды,
 Плашилъ долгами за побѣды
 Измѣнницы — жены своей.
 И шакъ , когда онъ разплашился ,
 То будшо снова въ свѣшъ родился !

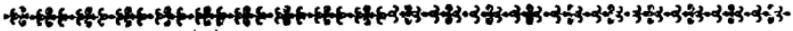
Чшо дѣлашь ! а съ женой разводъ ;
 Опяшь нещасливъ сумазбродъ.
 Сокровищъ Индіи сшжанье ,
 Даръ Музъ , блисташельный Гпмень ,
 Оставили въ удѣль — спраданье !
 Рюспанъ — игралице измѣнь !
 Теперь чего желашъ осшалось ?
 Тщеславьемъ сердце обольщалося ,
 И — снова съ прозьбою Рюспанъ.
 « Вступишь коль хочешь въ знатный санъ —
 Зюлимъ изрекъ : пусть просвѣшпшель
 Халдейцевъ мудрыхъ будешь ты ;
 Нещасія и нищесы
 Предъ прономъ вѣрный покровишель. »
 Изрекъ — и въ день сей ввечеру
 Улыбкой щасіе польстило ,
 Онъ , бывъ назначенъ ко Двору ,
 Пріяль правленія кормило.
 Корысполубія онъ чуждъ ,
 Коварнымъ замысламъ не внемлеть ;
 Просишелей онъ самъ приемлеть
 И входишь въ жалобы ихъ нуждъ.
 Народа древнихъ заблужденій
 Касашся не велишь Рюспанъ ,

И Оромазь и Ариманъ
 Имѣюшь жершвы приношеній.
 Еще съ Задиговыхъ временъ
 Такого не было вельможи ,
 И всѣхъ опзывы были схожи :
 Чшо Небомъ онъ благословенъ.
 Но , какъ Задига , и Рюшана
 Зависпныхъ съши увлекли ;
 Ни доблести , ни значность сана
 Невинной жершвы не спасли.
 Въ чертоги пышности, забавы
 Послы Сашраповы идутъ ,
 И въ заключеніе ведутъ
 Любимца щасія и славы.
 Тушъ гнѣвныя судьбы ударъ
 Еще гошовишь наказанье :
 Вошь Маговъ злобное собранье
 Всю силу призываешь чаръ ,
 И уличенъ Рюстанъ несчастный ,
 Чшо Зороаспра порицалъ ,
 Чшо Мишры лучъ на небъ ясный
 Простымъ свѣшилкомъ называлъ.
 Твердилъ , чшо знашный и убогой
 Равны передъ Царемъ Царей ,

Кошорый въ милосши премногой
 Лишь ждешъ сердечныхъ алпарей ;
 И внемлешъ всѣхъ равно молишвы
 Лежащихъ въ скорби на одрѣ ;
 Иль въ храмѣ ихъ несуть — горѣ ,
 Въ часъ мира , или грозной бишвы !
 Тушь съдобрадый Магъ и жрецъ
 Изчислилъ громко пресупленья ,
 И для смиренія сердцеъ
 Рюшана требоваль — созженья.
 Спрадалецъ , чувствъ почпи лишень ,
 Зовешъ опяшь къ себѣ Зюлима ,
 « Почто со мной ты разлучень ,
 И сила здѣсь швоя незрима ! »
 Зюлимъ предсхаль. — « О Геній мой !
 Спаси меня въ сей часъ ужасный ,
 Я вижу огонь коспра . . . Нещастный !
 Погибну ! . . . » — Но еще тобой
 Не всѣ испрошены желанья ! —
 « Я одного теперь хочу ,
 Пройдя пущь скользкій испышанья :
 Да въ мирный кровь свой полечу
 Въ обихель благъ и наслажденья.
 Обманчивый и шумный свѣтъ

Есть только поприще суетъ ,
Гдѣ всѣ мы жершвой заблужденья ;
Но памъ — съ любовію прямой
Веселье , щасье и покой.

С О Н Ъ.

Друзья, внимайте чудный сонъ !
Готовьте долгое перцѣнье !

Зарю вспыхнулъ небосклонъ ;
Проснулось къ радости шворенье ;
Ошь въперка струпится злакъ ;
Цвѣты увлажены росюю ;
Свиваясь дымной пеленою ,
Рѣдѣеть на полянахъ мракъ —
И восходящее свѣсило
Все пышнымъ блескомъ озарило.

Ручья по стучнымъ берегамъ
Шель юноша , веселья полный ,
Прозрачныя въ пошокъ волны
Подобились его мечтамъ.

Ничто души не возмуцало ,
 Еще не знающей спрасшей :
 Онъ другомъ былъ Природѣ всей ;
 Но сердце пылкое искало
 Какой-то пищи для себя ;
 Оно любило — не любя ;
 И въ наслажденіи — желало

На сопрошивныхъ берегахъ
 Я видѣлъ юную дѣвицу ;
 Она — привѣшшвовашъ денницу
 Шла шакже въ радосныхъ мечшахъ ;
 Вънокъ изъ свѣжихъ розъ свивала ,
 И улыбалась — и вздыхала !
 Ея невинный , свѣпмый взоръ
 Какимъ-то полонъ былъ желаньемъ ,
 И шайный съ сердцемъ разговоръ
 Польсшилъ какимъ-то ожданьемъ .

Безпечный юноша поешъ
 Свободы пѣсню золотую ;
 Но видишь прелесшь молодую , —
 И вмигъ цѣвница издаешъ

Любви невинной пѣснь простую.
 Вдыхающѣ оба — чувсшва ихъ
 Слились въ одно , казалось , чувсшво.
 Пришворства чуждо имъ искусство.
 Какъ утра лучь , ихъ пламень шихъ.
 Надежда — какъ струи зеркало ,
 Ни страхъ , ни подозрѣнїй жало
 Любви не осправляютъ ихъ. . . .
 Одинъ поешъ — другая внемлешъ ;
 Пѣвца невинность наградишь ,
 Вънокъ изъ рукъ ея лепишь,
 Но лоно водъ его приѣмлешъ .

Переѣзнился чудный сонъ.

Средь мшистыхъ скалъ , лѣсистый склонъ
 Очамъ представилъ замокъ древнїй.
 Лучь умирающїй , вечернїй
 На шпицахъ башенъ угасалъ ,
 И врашарь спражу окликалъ.
 Въ семь замкъ сумрачномъ явлался

Унынья грознаго престоля ;
И сонный лѣсъ , и дикій доль
Лпшь крикомъ врановъ оглашался,
И замка сводъ имъ ошвѣчалъ.
Мнѣ шопъ же юноша предсталъ ;
Но злополучія слѣдъ бурный
Страдальца искажаешь видъ ;
И омрачился взоръ лазурный ,
И розы опцвѣли ланпшь ;
И слезы льются сожалѣнья :
Онъ встрѣчу съ милой вспоминалъ.
Промчались годы — онъ увялъ !
И обманули наслажденья !
Но пробудился сердца гласъ ,
Поеть онъ пѣснь воспоминаью ,
И вдохновеніе подъ часъ
Велишь зашпхнутъ въ немъ спраданью.

Плыветь изъ облака луна ;
И замка смотритъ изъ окна
Тажъ юная его подруга ,
Но не его она супруга !

Корысполюбьемъ вручена
 За золото любви притворной ,
 И день и ночь осуждена
 Оплакивашъ свой пѣвнѣ позорной.
 Она внимаешь гласъ пѣвца ;
 Но строгій долгъ ей воспрещаетъ
 Уже невинный даръ вѣнца ,
 Пѣвецъ , какъ призракъ , убѣгаешь

Перемѣнился чудный сонъ.

Опять являешься мнѣ *омъ* !
 Не юношей, но возмужалымъ ;
 Издавна спранникомъ успалымъ
 Скипаешься въ спранѣ чужой
 Ушрапъ съ жестокою мечтой.
 Во всѣхъ семействахъ гость мипушный
 Задумчивый средь нпхъ пришлецъ ,
 Зришь состраданіе сердцеъ,
 Но не покровъ отъ бѣдъ приюшный ;

И бродить изъ страны въ страну ,
 Или ввѣряется пучинамъ ;
 Несется влажныхъ горъ къ вершинамъ
 Иль бездны алчной въ глубину ;
 Чуть теплится въ немъ пламень спроси :
 Онъ къ нѣжнымъ чувствамъ охладѣлъ ;
 Внимали всѣ , какъ прежде пѣлъ ,
 Но кто полюбилъ пѣснь напасти ?
 Сражаешь слухъ несстройный звукъ ,
 Ошзываетъ души осирошѣлой ,
 И повѣстью сердечныхъ мукъ
 Скучаешь свѣта кругъ веселой . . .

Перемѣнился чудный сонъ.

Въ чертогъ роскошный пренесень ,
 Я зрѣлъ саянье вкуса съ зашомъ
 И вновь явилась мнѣ она !
 Малышками окружена !
 Разсыпаясь на ковръ богашомъ

Шуми́ли ро́емъ передъ не́й ,
 Они съ безпечностью играли ;
 Но́ взора тусклаго очей
 Своей игрой не оживляли ;
 Во́ще супругъ , холодный къ не́й ,
 Сталь попечительный , нѣжный ,
 Въ немъ будшо стѣнь любви родилась ,
 Она съ нимъ сердцемъ не дѣлалась .
 Во́ще спѣшишь веселья въ храмъ ,
 Печаль по вѣмъ ея чертамъ
 Запечатлѣла слѣдъ глубокий ;
 И часто , съ поприща ушѣхъ ,
 Гдѣ царствовалъ нескромный смѣхъ ,
 Укроясь — слезъ лила потоки !
 О чемъ ? не вѣдала ; но сны
 Пропекшаго являлись смутно :
 Какъ средь коварной глубины
 Изчезъ вѣнокъ , польстивъ мнунтно ,
 Тому , кто былъ впервые мнѣ ,
 И вошь ихъ жребій разлучилъ !
 Вѣнка свершилось прориданье ,
 Красавицы удѣлъ — страданье !

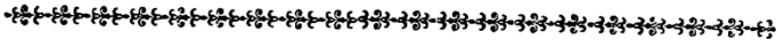
Переменялся чудный сонъ .

Явилась дебрь — со всѣхъ споронъ
 Пустыни знойная равнина ;
 Спрадалецъ шопже мнѣ предсталъ
 И шаже на челѣ кручина.
 Но онъ спокойнѣй сердцемъ спалъ.
 Не жжешь его ни солнца пламень,
 Не усрашаешь хладъ ночной ;
 Безчувственъ , какъ гранишный камень
 Среди окрешности нѣмой.
 Онъ весь въ желаньяхъ ишощился ,
 Обнявшись съ призракoмъ любви —
 И хладъ убійственнѣй спруился
 Въ медлительной его крови ,
 И сердце пламенемъ напраснымъ
 Въ поскѣ губило жизнь свою ,
 Съ улыбкою и взоромъ яснымъ
 Стоялъ онъ бездны на краю
 Въ воображеньи одичаломъ
 Повсюду видѣлъ онъ хаосъ ,
 Но въ сердце къ радостямъ увяломъ
 Спихійныхъ не спрашлся грозъ.
 Узрѣвъ міръ новѣй , чрезвычайнѣй
 Незримыхъ жишелей небесъ ,
 Онъ умолялъ пошокомъ слезъ ,

Чтобъ бѣдъ источникъ обычный
Изсякъ, прервавъ несчастныхъ стонъ, —
И ждалъ со умиленьемъ онъ
Судебъ непостижимыхъ шайны. . . .

Здѣсь кончился мой чудный сонъ.

КЪ ЩАСТЛИВЦУ - МУДРЕЦУ.

Que j'aime le mortel , noble dans ses penchans ,
Qui cultive à la fois son esprit et ses champs.

DELILLE.

На щасшливыхъ брегахъ , гдѣ въ лонѣ золошомъ
Сребро кашится струй лѣнивыхъ ,
Ты любомудрія приосѣнясь щипомъ
Ошь свѣтской суеши и замысловъ кичливыхъ , —
Въ безпечности проводишь дни.

Когда разсвѣшь ихъ былъ прекрасень ,
То сердца въ шишинѣ закашь ихъ будешь ясенъ :
Ты сладостно уснешь спокойствіа въ сѣни.

Все шо , что мы зовемъ дней нашихъ наслажденьемъ,
Подобно молніи въ ночь грозную, блестяшь ;
И жизнь — измѣнница когда ошь насъ лешимъ ,
Мудрецъ даритъ лишь сожалѣньемъ

Любовь , одну любовь . . .

Но что вѣщаю я ? и въ вечеръ дней унылый
 Сей огонь божественный , сей огонь душевной свды ,
 Застихнувъ — все живишь онъ сладосшной мечной
 И гасяшь съ жизнію одной .

Распространяешь ума познания ,
 И бурныя стѣсняешь желанья ,
 Вошь тайна , чуждая для суешной толпы ,
 Тебѣ жь открывая , щасливый !
 Въ мечтаныи не спремишь ты дерзкія стопы
 За щасливый рубежь ошечешвенной нивы ;
 Но умъ въ безбрежности обзоръ разширилъ сгой —
 И факель мудрости пылаешь предъ шобой .

На Тибрскихъ берегахъ , иль Гангеса , иль Нила
 Въ разнообразности личинъ ,
 Природа смершнаго судьбы не премѣнила :
 Все пошь же видимъ ходъ и дѣйствій и причинъ .
 Народы , вѣки и державы
 Поглочены пучиною времянь ,
 И блескъ ихъ щастія и славы ,
 И шрахъ побѣдныхъ ихъ знамень ,

И храмы гордые кушровъ заблужденья. . . .

Пожрала все рѣка забвенья.

Уничпоженія при видѣ грозныхъ пучь ,

Скажи мнѣ , что мудрецъ предпримешь ,

Уже ли страхъ его сомнѣнїемъ обнимешь ,

И взоръ ушрашишь щастья лучь ?

Нѣшь! добродѣтельный ошь бурь въ стѣни спокойной

Укростъ мало дней — но къ благу ихъ довольно.

Я мужа зрѣлъ сего — и , радостный , вкусилъ

Привѣтъ его гостепримный ;

Подъ тѣнью тополей , которые возрастилъ ,

Ошь щастью пѣлъ просные гимны.

Благія Небеса! склонясь къ его мольбамъ ,

Продлите дни его — тѣ дни очарованья :

Его смиренныя желанья

Доступны будутъ къ вамъ.

Супруга нѣжная , почтительная чада ,

Собравшись съ нимъ вокругъ домашняго огня ,

Пусть будутъ спаросити въ младенчествѣ усладой.

Пусть пуча грѣзная , его удѣлъ храня ,

Пройдетъ съ шумящимъ градомъ мимо ;

Но пышные луга ручей его любимой

Жемчужной влагою всегда живошворить.
Пусть небо ясное всегда ему блестяще,
Льет солнце тихий лучь — и виноградъ румяны й
Усталымъ странникамъ цѣдишь напитокъ рьяный....
А я, отъ приспани далеко увлеченъ,
Надеждой льшь молодыхъ — играюще-язвѣнь —
Еще опасность бурь сменяющихъ презираю,
И дни свои — мечшамъ вручаю!
Но упомясь борьбою съ гнѣвомъ волнь,
Когда приближусь самъ къ ночлегу,
Причаю я свой ушлый чолнь
Жилища швоего къ спасительному берегу.

КЪ ЛИЦНИЮ.

Далеко не дерзай , по яроспнымъ волнамъ ,
 Но чолнь спасая бояливо ,
 Не довѣрайся ты коварнымъ берегамъ : —
 Вошь вся наука жишь щасшливо .

Кшо мудръ , и сердца въ простомъ
 Умѣренность хранишь , не жершвуя мечшъ ;
 Доволень шѣмъ , что ешь въ душъ , желаній чуждой,
 Тощъ населишь свой кровъ , не пнягоспною нуждой,
 Но и не роскошью , обидной пищешъ .

Верхи спольшпныхъ соснь гнѣвъ бури пошрясаешъ ;
 Чертогъ величя , искусства дивный храмъ
 Со шрескомъ падая , ужаснѣй погибаетъ ,
 И яроспшь молнй издыхаетъ
 На гордыхъ высотахъ , грозящихъ небесамъ .

Превращенности судьбы даны въ удѣлъ для смертныхъ:
 Мудрецъ , и щастія вкусивъ даровъ притѣшныхъ ,
 Не полагается на сладостные сны —
 О другъ! шѣ жь Боги шлюшь съ шапшвенной лазури
 И мрачныя зимы убійственныя бури ,
 И живошворное дыханіе весны.

Сего дни испыталъ напасней всѣхъ гоненье ,
 Но завтра радости увидишь вмѣсто мукъ ,
 И глѣвный Аполлонъ , позабывая мщенье ,
 На лиру иногда мѣняетъ грозный лукъ.
 Пускай возстанеть бурь неукротимыхъ сила :
 Противушавъ ты имъ спокойное чело ;
 Но временемъ спускай послушныя вѣшрпла , —
 Коль быстро чолвъ твой понесло.

КЪ ДЕЛІЮ.

Пускай ты испышалъ судьбы своей гоненье,
 Пребудь, о Делій мой, душой неполебимъ.
 Безъ алчности любви сей жизни наслажденье,
 Чась смерти роковой для насъ неопразимъ.

На жершву ль горести съ рожденья обреченный,
 Безъ пользы въ юности злшые дни влачилъ ?
 Или возсъвъ на злакъ, весною возрожденный,
 Фалернское вино въ сѣни прохладной пилъ ?

Туда, гдѣ гордый дубъ съ трепещущею ивой
 Обнявшись дружески, склоняюся на брегъ,
 Гдѣ влагой сребреной испочникъ говорливой
 Скользитъ по зелени, удвоя быспрый бѣгъ, —

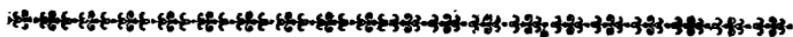
Вели ты принести вино и ароматы ;
 И розы : — бренности краснорѣчивъ ихъ впадъ.
 Доколь бодръ , — лови упѣхъи часъ крылашый ,
 Коль Парка грозная шебъ его дарить.

Наступитъ часъ—шогда, проси! сей садъ прохладный,
 И пышные цвѣты, и лоно шихихъ водъ;
 Съ коварной радостью сорвешъ наслѣдникъ жадный
 Съ трудомъ, съ шерпѣніемъ тобой возвращенный плодъ.

Родился ль въ нищеть , обиженный судьбою ,
 Иль славой праотцевъ швой знашый родъ блещишь?
 Все встрѣшишь нѣкогда Смерть блѣдную съ косою:
 Неумолимыя нашъ спонъ не умягчишь.

Вѣрь, смертныхъ имена рукой предназначенья
 Равно вращающа въ урѣ роксвой ,
 И рано ль , поздно ли ко берегу зашоченья
 Мы будемъ брошены подземною волной.

ПѢСНЬ ШОТЛАНДЦА.

О дѣва горь ! шы видишь ли съ упеса
 Сей рѣющій средь бездны ушлый чолнь ?
 Онъ борешся съ свирѣпосцію волнь ,
 Завидя сѣнь синѣющаго лѣса :
 Сшремится чолнь къ родимымъ берегамъ.

О дѣва горь ! крылашый моря жисель
 Блѣтешся въ семъ сумракѣ ночномъ ;
 Вошце вокругъ не молкнешъ ярый громъ ,
 Лешипъ скалы въ приюшную обисель ,
 На шой скалѣ гнѣздо себѣ онъ свилъ

Пусть ты въ любви упорностью проливной
Подобна симъ буншующимъ волнамъ ;
Холодностью — незыблемымъ скаламъ ,
Къ тебѣ спремлюсь душою непрерывно.
О дѣва горь ! любишь , нль умерешь.

КЪ ФІЯЛКЪ.

О дочь смиренная весны !
 Стыдливая лѣсовъ подруга !
 Тобой всѣ чувства прельщены ,
 Почто ты не цвѣтешь средь луга ?

Подобно скромности свяшой
 Благотворителя прямова ,
 Ты лишь дары на насъ рѣкой
 Безъ благодарности гогова.

Почто , о несравненный цвѣтъ !
 Въ поляхъ тебя не вспрѣтятся взоры ?
 Тебѣ ли спрашенъ солнца свѣтъ ?
 Тебѣ ль запымишься блескомъ Флоры ?

Пусть ты красою не блещишь ,
Какъ гордя собою розы ,
Какъ ты— влюбленныхъ не прельстишь !
За то нѣтъ шернѣй , нѣтъ угрозы.

Явись , явись ты въ нашу сѣнь ,
Оставь свое уединенье ;
Съ весельемъ буду всякой день
Питать тебя въ благодаренье.

Но нѣтъ ! живи въ судьбѣ своей,
Пустынныхъ сихъ лѣсовъ свидѣтель !
Счастливъ , кто любитъ ошь людей
Скрывашъ во мракѣ добродѣтель.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА.

Въ челнокъ влечень волною ,
 Встрѣшилъ Дружбу я въ пуши ;
 И молилъ ее слезою
 Въ чолнъ на помощь мнѣ сойши .

Скоро скрылся край родимый ,
 Быстро плыли мы вдвоемъ ;
 Кормщикъ мой неупомимый
 Правиль день и ночь рулемъ .

Туча ль бурей угрожала ?
 Онъ надеждой утѣшалъ ;
 Бездна ль смерщю зіяла ?
 Спутникъ мой меня спасалъ .

И щаспливъ , въ мечтѣ безпечной
Славилъ друга моего ,
Вдругъ измѣною сердечной
Оскорбилъ на вѣкъ его.

Дружба шихо удалилась
Безъ упрековъ и безъ слезъ :
Въ челнокъ Любовь явилась ,
Вѣтръ попушный насъ понесъ.

Но увидѣлъ я, несчастный ,
Что мой кормчій былъ слѣпецъ ;
Вихрь вздымается ужасный ,
Мчимся въ пропасть ! зримъ конецъ . . .

И погибли бѣ — если бѣ Боги
Насъ отъ смерши не спасли ;
Въ часъ сей грозныя тревоги
Такъ изъ шучь они рекли :

« Безразсудный ! Дружбы вѣжной
Для слѣнца не покидай ,
И у пристани надежной
Ей Любовь во власть отдай.»

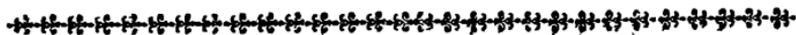

КЪ ЛУНѢ.

Тебя, полуночи свѣшило ,
 Идешь встрѣчать , лишанный сна :
 Твой лучь дрожащій и унылой
 Скользятъ сквозь мракъ — и шней глубина
 Сомнишельно озарена.
 Вошь щастья прошлаго для насъ изображенье :
 Лучь немощный поры былой
 Не оживляетъ насъ , какъ прежде , теплошой ,
 И льешь лишь грусти услажденье.
 Спрадальцу видѣнь онъ — но изъ-за дальнихъ шучь ;
 Знакомъ привѣшный лучь ,
 Но хладно впечатлѣнье.

ДУБЪ.

Видалп ль вы на гордыхъ высогахъ
Пусшынный дубъ , грозою опаленный ?
Вошще заря играешъ на холмахъ
И лугъ цвѣшетъ , росою оживленный , —
Овъ однокъ , безжизненный , споишь ,
Ошь бурь лишень роскошныя одежды
Вошь юноши разшерзаннаго видъ ,
Увядшаго ошь спрасши безъ надежды.

С О В Ъ Т Ъ.

Коль есть преграды къ наслажденью ,
Надеждою , мой другъ , живи ,
Опдавъ печали всѣ забвенью ,
А жребій свой — любви.

ПРЕКРАЩЕННЫЙ СПОРЪ.

А П О Л О Г Ъ.

Толпой художники собравшись у Вельможи ,
 Шумѣли , спорили и — чужь было не въ бой ,
 За преимущество въ искусствѣ межь собой :
 Соперниковъ всегда сужденія не схожи ,
 Иль правду молвишь : издавна
 Взаимной зависью въ нихъ злоба рождена.
 Вошь тѣ художники хопь скромность и хвалили ,
 Но безъ зазрѣнія себя превозносили.
 Одинъ изъ нихъ швердилъ ,
 Чшо въ Академіи бышь долженъ Президеншомъ ;
 Другой — чшо онъ себя съ великими сравнилъ ,
 Достоинъ бышь почшенъ при жизни монументомъ ;
 И , коль судишь по ихъ словамъ ,
 То всѣмъ ужь былъ давно воздвигнушь славы храмъ.

Вдругъ къ нимъ являешся съ блестящей красою,
Съ величьемъ на челѣ небесномъ существо ,

Которое какъ божество ,
Не ризую сіяло. . . но собою !

Предъ концъ смертный бы и съ хладною душой
Почувствовалъ восторгъ святой ,
Когдабъ къ нему оно предстало ,

Подшедь къ художникамъ , съ улыбкою вѣщало :

« Прервите ссору въ сей же часъ ,

И на меня одну смошрите вы прилѣжно. » —

Всѣ обращаясь къ ней взорами поспѣшно.

« Скажите же , кто я ? ужель никто изъ васъ ,

« Нецасшныя ! меня не знаешь ?

Признайшесь » . . . — Симъ рѣчамъ

Толпа художниковъ молчаньемъ отвѣчаешь.

« Безумцы ! мудреноль , что нѣшь успѣха вамъ ,

Во храмъ пзящнаго не ищете вы входа ,

Узнайте же , кто я ? » . . . — « Такъ ктожь ты ? . . .

Я . . . Природа. » —

НА ВОПРОСЪ АЛИНЫ :

ДЛЯ ЧЕГО Я НЕ НОШУ ЧАСОВЪ?

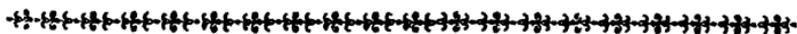
Какая польза мнѣ часы носишь съ собою?

Когда съ тобою я — они всегда бѣгутъ ;

Когда же разлучень съ тобою ,

Они конечно опстаюшъ.

ПО Д Р А Ж А Н И Е.

На что дарить себя цвѣшны ,
Чтобъ въ спраши нѣжной мнѣ открышься ?
Цвѣшовъ невѣрны красоты ;
Не долго блескомъ имъ гордиться !
Вминушу роза разцвѣтешъ ,
Потомъ вминушу и увянешъ ,
Но въ сердцѣ спрасъ моя пройдешь ,
Когда лишь биться перестанешъ.

ЧЕТЫРЕСТИШІЯ.

I.

Довольны бышь мы не умѣемъ,
 Преградь желаніямъ не зримъ,
 О дняхъ прошекшихъ сожалѣемъ,
 А настоящее бранимъ.

II.

Намъ въ юности любовь — *желанье* ;
 Блаженство — въ возрастныхъ лѣтахъ ;
 Отрада — намъ въ преклонныхъ дняхъ ,
 А въ старости — *воспоминанье*.

КЪ ДЕЛІИ.

Кшо , Делія , тебѣ пзмѣнишкомъ бышь смѣешь ?

Амуръ близъ прелестей твоихъ :

Нещасень — крыльевъ не имѣешь ,

А щастливъ — забываешь ихъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Какъ Взяткинъ живъ еще?... о диво !... сорокъ лѣтъ,
Въ семь праведномъ судѣ души и сердца нѣтъ !

2.

Порядокъ нуженъ намъ , швердишь всегда Пахомъ ,
А дома у него , посмотришь — все верхъ дномъ !

3.

« О стыдъ и срамъ ! ошдашь уроду роль Царицы.
Скажи , кто шакова ? » — Увы ! моя жена !
« Но.... пьеса въ шомъ виной — нѣтъ смысла , небы-
лицы. . . .

И Авторъ лишь уродъ. » — Моя , сударь , она !

4.

Фирсъ новымъ славился на сценѣ ,
Даль Таліи кинжалъ — а маску Мельпоменъ !

5.

Къ Шестеркину бѣда попасть ;
 Онъ крадешъ , чшобъ играшь — играешъ , чшобъ
 обкрасть.

6.

« Невѣсша знашная , женись мой другъ. » — Горда. —
 « Пяшнадцашъ лѣшъ. » — Дишя ! — « Красавица. » —
 Бѣда ! —
 « Любезна , весела , добросердечна. » — Вздоры.
 « А какъ умна. » — Какъ пень ! — « Чувствившельна. » —
 До ссоры.
 « Достоинства жъ ея... » — Я ими не плѣнюсь. —
 « И куча золоша ! » — Женюсь , мой другъ , женюсь ! —

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ЭЛЕГІИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

НОЧНОЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ.

Сіе спихопвореніе , по своему содержанію , безъ сомнѣнія принадлежишь къ духовнымъ Элегіямъ : оно заимствовано мною изъ Ламарпина. — Глубокія чувствованія , высшія мысли , сила выраженій сущь неоспоримая принадлежность Автора *Поэтическихъ размышленій*. Жаль только , что въ порывѣ пламеннаго воображенія онъ увлекался ; но сія піеса проникнула небеснымъ упованіемъ истиннаго Хрисціанина. Въ семъ слабомъ подражаніи я старался , сколько могъ , сохранити главное основаніе подлинника.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ.

Вглуши возносятся уединенный крестъ ,
 Въ пѣни задумчивой пирамидальной ели , и проч.

Не далеко отъ Тарупинскихъ полей, въ уединенномъ
 лѣсу, погребеньъ безвѣстный Герой, копорый палъ
 подъ ударами многочисленнѣйшихъ враговъ, его дреслѣдовавшихъ. Крестьяне ближайшей деревни, бывшіе свидѣтелями сего промзшесствія, поспѣшили къ нему на помощь; но онъ вскорѣ умеръ на рукахъ ихъ, не успѣвъ имъ объявить своего имени.

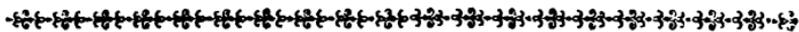

КЪ МУЗАМЪ.

Содержаніе сей Элегіи почерпнуто мною изъ А. Шенье , споль рано похищеннаго у Музъ , оплакивающихъ его безвременную кончину. Онъ погибъ во время бывшихъ смяпеній во Франціи. Напишанвый членіемъ древнихъ , Шенье заимспвовалъ всю силу и красопу ихъ пвореній. Кпо не знаепъ его превосходнаго спихопворенія *Младая Узница*, написаннаго имъ въ пемницѣ? . . . Сія піеса переведена весьма близко Аб. С. Норовымъ и заслужила одобреніе многихъ любителей Позіи.

РАЗРУШЕННЫЙ ЛѢСЪ.

Піеса Гонзара , имѣющая подобное содержаніе , исполнена Пиндическихъ красками и носитъ оппечатокъ истиннаго паланпа , но увлекаемаго иногда ложными правилами.

Убъжища привычнаго не зришь ,
Безмолствуешь , вздыхаешь и проходишь.

Ничего нѣтъ приличнѣе для Элегіи , какъ воспоминаніе невозвратимаго. Размышленіе любитъ бродить среди развалинъ. Сіе чувствиво внушило двѣ прекрасныя Поэмы на Французскомъ языкѣ : *La Journée des Morts et la Chartreuse de Paris.*

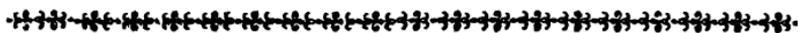

ГРОбНИЦА БЕНАМАРА,
ПЕРСИДСКАГО ПОЭТА.

Мильвуа почерпнулъ сію піэсу изъ Мальпе - Брюна ,
копорый въ свою очередь подражалъ Гжѣ Гельмина-
де-Шези , извѣспной своими спихопвореніями во
вкусѣ воспочныхъ Поэшовъ.

НЕГРЬ ВЪ НЕВОЛѢ.

Сіе стихотвореніе , какъ и предъидущее , помѣщены Авторомъ оныхъ въ числѣ Элегій ; но слѣдую совету многихъ Липператоровъ , въ послѣднемъ изданіи назвалъ ихъ Элегическими Пѣснями. Наружная форма послѣдней пѣсни всего ближе подходитъ къ Романсу ; но по содержанію , совершенно относится къ Элегіи. Впрочемъ названіе не придаетъ внутренняго достоинства стихотворенію. Есть много пѣсъ разнаго названія , въ которыхъ найдется много элегическаго , и на оборотъ много Элегій , только по названію.

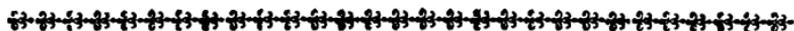
КНИГА ВТОРАЯ.

КЪ ДЕЛІИ.

Сія Элегія и нѣкоторыя другія переведены мною изъ Бергена. Движеніе, теплоша , сила , голось спраспи, Поэзіи , во всей силѣ слова , характеризируютъ его сочиненія. Если можно въ чемъ упрекнушь ему, по въ несоблюденіи иногда приличія въ выраженіяхъ. Подобно Проперцію, въ порывѣ спраспи нерѣдко срываетъ покрывало съ невинности и оскорбляетъ спыдливость ; иногда же увлекается плодовишостию воображенія въ подробностяхъ описаній. Я выбралъ тѣ изъ его Элегій, которыя , какъ мнѣ казалось , не имѣли сихъ недостатковъ. Изъ Парни мною переведены только двѣ Элегіи. Блеспящему паланшу Батюшкова предоспавлено было имѣть соперничество съ палантомъ Пѣвца Элеоноры. Чиспота въ слогѣ , зрѣлосъ въ мысляхъ , почносъ въ выраженіяхъ , сохранены нашимъ Тибуллоу во всей ихъ силѣ и свѣжести.

СТРАНСТВУЮЩИЙ ГОМЕРЬ.

ЭЛЕГИЯ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ВКУСѢ.

Сія піеса, въ коей Мильвуа включилъ многіе опривки изъ гимновъ, приписанныхъ самому Гомеру , служивъ продолженіемъ другой его Элегіи , подъ названіемъ : *Состязаніе Олира и Гезіода*. Спарецъ-слѣпецъ , жертва неправосудія , оставилъ берега Колхиды.

Рожденный въ Самосѣ убогій сирота
 Слѣпца изъ края въ край , какъ сынъ усердный водишь ;
 Онъ съ нимъ приспавища въ Эладѣ не находишь ,
 И гдѣ его найдушь паланшь и нищета ?

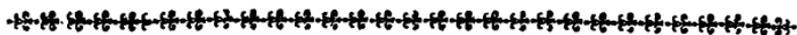
(См. *Опытъ въ стихахъ К. Батюшкова*).

Оракулъ , заключенный въ семъ послѣднемъ стихѣ , исполнился. Гомеръ съ юнымъ спутникомъ своимъ прибылъ въ Эолиду. Съ вѣпвію просипеля щцепно у врагъ богатыхъ чершоговъ испрашиваешъ онъ госпе-пріимства.

Содержаніе сей Элегіи согласно съ неяснымъ преданіемъ о великомъ Поэпѣ, споль долго лишенномъ убѣжища, и коего колыбель и могилу споль много городовъ оспоривали между собою.

Его кончина должна бытъ сполько же паинспвенна, какъ и рожденіе. Всего было приличнѣ Аполлону возвѣспитъ безсмертіе Гомера и гармоническимъ Сиренамъ оживитъ божеспвеннаго сына береговъ Мелеса.

ПОСЛАНІЯ.

КЪ НОРОВУ ВЪ ПАРИЖЪ.

Ты живь . . . благоговѣй душой ,
Тебя опъ смерши роковой
Спасло святое Провидѣнье.

На берегахъ Голландіи онъ прешерпѣлъ ужасную бурю.

Дерзнувъ въ небесныя поля,
Ты ждалъ божешвенныхъ явленій , и проч.

Онъ занимается Дидактическимъ Опыпомъ объ
Астрономіи. Нѣкоторыя опривки онаго помѣщены
были въ повременныхъ изданіяхъ.

На островѣ ли Нордернея ,

Съ острова Нордернея я получилъ опъ него посланіе.

(См. Образц. Сот. въ стихахъ.)

КЪ М. Н. МАКАРОВУ.

Донскаго подвиговъ ревнишель.

М. Н. Макаровъ опредѣленъ начальствомъ въ коммисію сооруженія памятника Дмитрію Донскому, на Куликовомъ полѣ. Археологическія его изысканія извѣсны въ ученомъ свѣтѣ.

КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Природа пажь - но слава измѣнила ,
Элады сынъ подь бременемъ цѣпей.

Это относится къ тому времени , когда Лордъ Байронъ путешествовалъ по Греціи , т. е. до возстанія сыновъ Элады (*См. Child-Harold.*)

Къ злымъ звѣздамъ-Поэзіи Небесъ.

Выраженіе Байрона. Г. Гнѣдичъ , въ піесѣ подь названіемъ : *Пріятелю* , удачно подражалъ Брипанскому Поэпу.

Пустыня не предѣль дѣя мысли окриленной ;
Здѣсь я невидимый все вижу надъ землею ;
Воздушной жизни сей участникъ сокровенной ,
Дѣлюся бышіемъ , живу не самъ собой.

Душой сливаюся съ лазурью безконечной,
Съ злыми звѣздами — Поэзіей небесъ ;
Съ шбой бесѣдую — художникъ міра вѣчной ,
И съ книгой дивною Божественныхъ чудесъ.

П О Э М Ы.

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

И мать внимашельно , свивая , округляетъ
Гнѣздо для шѣхъ пшеницъ , копорыхъ ожидаетъ.

Кпо здѣсь не вспомнишь прекрасныхъ стиховъ
Расина , копорый , описывая нѣжную заботливостъ
мапери — ласпочки ; наполняетъ душу удивленіемъ
къ Благому Промыслу , умудряющему все пвореніе.

(См. *la Religion, Poëme, chant I.*)

Какъ восхищаюсь я каршиною безцѣнной ,
Спя предъ маперью , пшеницами окруженной :
Одинъ ее шайкомъ вдругъ за руку схватилъ ;
Другой ея власы съ усмѣшкой распустилъ ;
А претій — невзначай , какъ будшо бы ошибкой ,
Порхнулъ украдкою за нѣжною улыбкой.

Никпо лучше Грѣза не изобразилъ сей чувствив-
пельной карпины.

Въ мученіи щаслива , смященныхъ чувствъ полна ,
Спрадавъемъ , нѣжностью волнуется она.

Рубенсъ изобразилъ превосходною кистію болѣзненное положеніе родильницы. Живописецъ соединилъ выраженія радости и спраданія.

Канадцевъ древнія люблю обыкновеня :

На брегѣ лихихъ водъ , въ глуши уединенья ,

Пишя скорбный духъ унылою мѣтлой ,

Могилы оросить идушь они слезой.

Реналь въ своей Философической испоріи обѣихъ Индій описываетъ сіи прогапельные обычаи , откуда Лебарбье , одинъ изъ лучшихъ нынѣшнихъ художниковъ , почерпнулъ содержаніе извѣстной его картины.

Вопъ маперъ въ Индіи со спономъ вѣпру внемлеть ,

Который въ воздухѣ гробъ милого колеблеть .

Г. Шапобрианъ изобразилъ сіе обыкновеніе живыми и очаровательными красками :

« Однимъ упромъ , проходя долину , увидѣлъ я женщину , сидящую подъ деревомъ съ мерпвымъ на рукахъ младенцемъ ; пронупый симъ зрѣлищемъ ,

« тихими шагами я приблизился къ юной мапери... —
 « И чувствительная мать , послѣ надгробнаго привѣщ-
 « ствія , въ сей спранѣ употребляемаго , зацѣла дро-
 « жащимъ голосомъ , качала дитя на своихъ колѣ-
 « няхъ , маперинскимъ млеко́мъ мочила успа его и
 « прилагала объ умершемъ , какъ о живомъ , всѣ воз-
 « можныя попеченія.

« Сія женщина , по обычаю Индѣйцевъ , хотѣла
 « высушить на деревѣ шѣло своего дитяши , чтобы
 « потомъ перенести оное къ гробницамъ его предковъ.
 « Тупъ начался прогашельный и священный обрядъ :
 « раздѣвъ своего сына и нѣсколько минушь согрѣвая
 « его своимъ дыханіемъ , вѣщала : духъ моего сына !
 « прелестный духъ ! пы произошелъ на моихъ успахъ
 « опъ поцѣлуя швоего родителя : увы ! мои поцѣлуи
 « не даруютъ тебѣ новой жизни ! — Потомъ обна-
 « живъ грудь свою , въ послѣдній разъ прижала къ ней
 « сіи хладныя оспашки , копорые конечно бѣ оживи-
 « лись близъ сердца мапери , если бы Всевышній не
 « предоставилъ Единому Себѣ изливашъ жизнь шво-
 « ренію.

« Вставъ съ своего мѣста , она , среди пустыни ,
 « озаренной восходящею денницею , искала дерева ,

« чтобы повѣсиль шѣло своего сына. Выбравъ цвѣ-
 « пущій клень , украшенный апіосомъ и разливающій
 « благоуханіе , одною рукою опустила верхнія вѣтви ,
 « а другою прикрѣпила къ сучьямъ шѣло своего дитя-
 « ши. Попомъ , опияла руку — и вѣтка возвратясь
 « въ обыкновенное положеніе , унесла съ собою усп-
 « шую невинность въ душистую сѣнь липшьевь.

« Повѣсивъ дитя на дерево , несчастная мать вы-
 « рвала изъ головы локонъ волосъ и прицѣпила его къ
 « сучьямъ , между шѣмъ какъ дыханіе упра колебало
 « на вѣки уснувшее дитя , которое въ сіи самые часы
 « маперинская рука качала сполько разъ въ мягкой
 « колыбели. Тутъ я прямо подошелъ къ сей женщинѣ,
 « положилъ руки на ея главу , и слѣдуя обыкновенію ,
 « испустилъ при воля горести. Попомъ въ безмолвіи
 « мы оба взяли по вѣткѣ , и удаляли насѣкомыхъ ,
 « жужжащихъ вокругъ шѣла ; но мы осперегались ,
 « чтобы въ ближнемъ гнѣздѣ не испугашъ голубки ,
 « которая хопѣла унести волосокъ у дитяши , въ
 « намѣреніи устроить покойнѣе гнѣздо ппенцовъ сво-
 « ихъ. Она вѣцала : о нѣжная голубка ! если не въ шебѣ
 « душа моего сына , то конечно пы мать , пекущаяся
 « о колыбели ппенцовъ своихъ »).

(См. *Génie du Christianisme*).

Но если къ древности мы обратимъ вниманье ,
 Картины живостью плѣня дарованье ,
 Сколь много къ вымысламъ воспламеняшь пѣвцовъ .

Вымышленная исторія Нюбы довольно доказываетъ
 въ древности порожество маперинской любви .

Опъ вражескихъ мечей скрываетъ сына своего ,
 Гробницѣ Гекшора ввѣряетъ дни его .

Шабобрунъ (копораго Лагарпъ хвалилъ немного
 умѣренно) прекрасно изобразилъ горестъ Андрوماхи ,
 коей сынъ преслѣдуемъ ожесточенными Греками
 и коварнымъ Улиссомъ . Она поручаетъ своего сына
 гробницѣ Гекшора , Улиссъ удаляется , но оставляетъ
 при оной спражу . Андрوماха въ опчаянїи говоритъ
 сей прекрасный стихъ :

Ces farouches soldats les laissez-vous ici ?

III. е.

Свирѣпыхъ спражей сихъ оставишь ли ты здѣсь ?

Но самое прогашельное слово супруги Гекшора
 слово — живо изображающее сердце мапери , нахо-
 димъ въ эпюмъ стихѣ Расина :

Je ne l'ai point encore embrassé d'aujourd'hui.

III. е.

Сего дни я его еще не обнимала !

И днесь Израиля преидемъ бышописанья.

Вепхій Завѣпъ исполненъ черпами маперинской любви и другими прогашельными изображеніями : можно привеспи въ примѣръ Руфь и Ноэминь , Соломоновъ судъ , и проч.

Рахиль шо сѣнуешь . . . вошце въ лоскѣ своей ,
Лепъ шокъ горючихъ слезъ . . . нѣшъ , нѣшъ ея дѣшей!

Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть , плачь , и рыданіе , и вопль много : Рахиль платуцися тѣдѣ своихъ , и не хотяще утѣшитися , яко не суть . (Мапѣ . гл . 2 . стр . 18 .)

Влизь спѣнь Флоренціи изъ древности обычно
Годъ каждый праздновашь забавою приличной .

Этотъ эпизодъ почерпнутъ изъ карпины Гна .
Монсіо .

Пуспь Виндзора пѣвцу не славой , не искусствомъ
Подобенъ буду я , но нѣжнымъ сердцемъ , чувствомъ ,
Онъ скуку мапери слабѣющей дѣлялъ ,
За дни младенческа ея опорой былъ ,
Чишаль въ ея очахъ , угадываль желанье ,
И лиру положи — при ней весь былъ вниманье .

Знаменишый Попе оканчиваепъ свое посланіе къ доктору Арбутному прогашельными спихами , въ

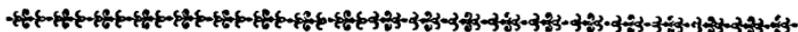
копорыхъ говоришь о своей мащери. Другой Поэтъ ,
не менѣе знаменитый , принесъ доспойную дань его
сыновней нѣжності :

Вошь лѣсъ павяшвенный , вошь шемная аллея ,
Гдѣ Поць швориль сшихи , воспоргомъ пламенѣя ,
Вошь скромный мавзолей : здѣсь онъ грушпиль любиль ,
И , сынъ чувшвишельный , на камень слезы лиль ,
Здѣсь машь его лежишь подъ свѣсомъ дровъ священныхъ ,
Сюда , во мракъ сихъ дровъ , споль гусло осѣненныхъ ,
Парнасса Англии любимѣйшій пѣвецъ ,
Ведѣль себя принесъ , свой чувшвуя конецъ ,
И взоръ его когда почти недвижный шмился ,
Ко гробу мащери еще съ поской шремился .

(См. Сады, поэму Делиля, пер. Воѣкова стр. 409.)

Поце велѣль изваяшь бюспъ своей мащери , не су-
щеспвовавшей уже въ мѣрѣ , и поспавиль его въ уди-
ненное мѣспо. Туда приходиль онъ искашь вдохнове-
нія и возбуждашь чувшвишельность нѣжнаго сердца.

ВОСПОМИНАНІЯ.

О ты, къ кому мой дужь шоскующій лешингъ ,
 Кшо въ горесный залогъ оставилъ прахъ лишь жладный.

Легуве приносипть въ сихъ спихахъ сердечную дань
 сыновней гореспи. Онъ имѣлъ нещаспие оплакать
 смерть родипеля , при самомъ своемъ вспушленіи на
 поприще свѣпта.

И ты , кшо дружеспта примѣромъ драгоцѣннымъ ,
 Кшо съединень со мной былъ чувспвомъ неизмѣннымъ.

Здѣсь пѣвецъ *Воспоминаній* обращается къ упрачен-
 ному другу , погибшему во цвѣпѣ лѣпъ во время
 бывшихъ смяпеній во Франціи.

Расипъ чувспвительный возмогъ ли бы явишь
 Чарующимъ перомъ мученья Гермюны , и проч.

« Кшо прежде Расина , говоритъ Лагарпъ , могъ луч-
 « ше изобразипъ пайну человѣческаго сердца , сей

« приливъ и опливъ страстей , волнующихъ оскор-
 « бленную и гордую душу , сей быспрый переходъ
 « опъ ужасной ненависти въ спраспной любви , опъ
 « мнимаго равнодушія и презрѣнія къ опчаяню , изли-
 « вающемуся въ упрекахъ и угрозахъ » , и проч. V. Cours
 de Littérature , tome 5. pag. 20. — Въ посланіи своемъ
 къ Графу Шувалову , Лагарпъ , говоря о Расинѣ ,
 имѣлъ одну мысль съ Легуве :

Racine de l'amour avoit connu l'ivresse ,
 Il apprit en aimant à peindre la tendresse ,
 Formant de Champmêlé l'organe séducteur
 Il instruisoit l'actrice , elle inspiroit l'auteur.

И коль Везувія подь огненною лавой
 Надѣкъ исчезнулъ блескъ Помпеи величавой.

Помпея , какъ извѣспно , была поглощена изверже-
 ніемъ Везувія на 75 опъ Р. X. Плиній , знаменитый
 испытатель природы , погибъ при созерцаніи сего
 чудеснаго явленія.

Когда мучишелемъ весь колебался міръ ,
 Воще нечестію воздвигнушь былъ кумирь , и проч.

Въ семъ мѣспѣ Легуве обращается къ Французской
 революціи ; — но я невольно былъ увлеченъ сдѣлать

сіе обращеніе къ новѣйшимъ событіямъ , которыя
еще свѣжи въ нашей памяти.

Покинемъ ли когда опечесхва предѣлы ,
Съ воспоминаніемъ нашъ духъ осирошѣлый
Лешпшъ къ оставленнымъ , опеческимъ брегамъ ,

Здѣсь Поэтъ изображаешъ соопечесхвенника , ме-
чтающаго о своей родинѣ — я примѣнилъ сіе положе-
ніе къ обипашелю Сѣвера ; чпѡ нимало не перемѣ-
няешъ главнаго смысла.

Руссо , разперваный , искалъ среди полей
Забышь жестокою безчувстввенность людей.

Кпо не знаешъ постоянной склонности Руссо къ
уединенію , которая усилилась его нещаспіями. Всѣмъ
извѣстно добровольное его опреченіе опъ Женевскаго
гражданства и гоненія , преперпѣнныя имъ за *Эмиля*
и *Общественный договоръ* , — гоненія , за которыя онъ
опомстпиль въ послѣдствіи *Письмами съ горы*. Впро-
чемъ сіе мщеніе обратилось для Республики въ бла-
годѣяніе , если споспѣшесхвовало къ полезнымъ пере-
мѣнамъ въ правленіи. « Проспи , Парижъ , — заспа-
« вяешъ онъ говорпшь Эмиля въ концѣ его пи-
« сень , — проспи , шумный , знаменипый , дымный
« и грязный городъ , гдѣ женщины не вѣряпшъ болѣе

«честны, ни мужчины добродѣтели. Прости, Парижъ, «мы ищемъ любви, счастья и невинности; мы не «можемъ довольно отъ тебя удалиться!» — Но излишняя чувствительность довела Женевского Философа до ненависти къ людямъ — ненависти, превращающей для несчастнаго весь мiръ въ ужасную пустыню.

Какой другъ Философiи не пожалѣетъ, что сей знаменитый писатель помрачилъ блескъ своей славы — жалкими заблужденiями. Какимъ бы новымъ сокровищемъ обогатилъ словесность, если бы посвятилъ себя наукамъ исключительно! Но своенравный духъ его желалъ однѣхъ спранныхей и онъ возсталъ — противъ самихъ наукъ.

«Я чпу свои великiя дарованiя, говоритъ Г. Карамзинъ, обращаясь къ Руссо. Уважаю истины, опкрытыя побую современникамъ и попомспву, «истины, опыннѣ неизгладимыя на дскахъ нашего познанiя — люблю тебя за доброе швое сердце, «за любовь швою къ чловѣчеспву, но признаю мечпы швой — мечшами, парадоксы — парадоксами.»

(Смотр. Сог. Карамзина, Толб VII.)

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Э Л Е Г І И .

К Н И Г А П Е Р В А Я .

	Стран.
I. Ночное размышленіе.....	7
II. Часовня.....	12
III. Монастырь.....	17
IV. Возвращеніе на родину.....	21
V. Осень.....	24
VI. Къ Музамъ.....	27
VII. Разрушенный лѣсъ.....	30
VIII. На возвратъ друга.....	32
IX. Гробница Бенамара.....	35
X. Негръ въ неволѣ.....	39

К Н И Г А В Т О Р А Я .

I. Къ Деліи.....	45
II. Призываніе въ деревню.....	48
III. Зимній вечеръ.....	51
IV. Побѣгъ.....	54
V. Сельская жизнь.....	56

	Стран.
VI. Отчужденный.....	60
VII. Къ дружбѣ.....	64
VIII. Мечпа.....	66
IX. Память любви.....	68
X. Отъѣздъ.....	69
XI. Спранспвующій Гомеръ, Элегія въ древнемъ вкусѣ.....	73

Б А Л Л А Д Ы.

I. Оскаръ Альвскій.....	83
II. Дубовый листъ.....	97
III. Луиза и Линдоръ.....	104
IV. Клятва.....	109

П О С Л А Н І Я.

I. Къ Норову въ Парижъ.....	117
II. Къ воину-другу.....	123
III. Къ Норову младшему.....	128
IV. Къ М. Н. Макарову, въ отвѣтъ на его по- сланіе.....	133
V. Къ Князю Кугушеву, при посылкѣ ему моихъ Элегій.....	136
VI. Къ В. Л. Пушкину, получивъ отъ него Бай- роновы сочиненія.....	138

РОМАНСЫ И ПѢСНИ.

	Стран.
I. Пожаръ Москвы.....	145
II. Дуня.....	149
III. Новобрачная.....	151
IV. Спранникъ.....	154
V. Часовой.....	156
VI. Пѣвецъ.....	158
VII. Мальвина.....	160

ПѢСНИ.

I.	162
II.	164
III.	167
IV.	169

РУССКІЯ ПѢСНИ.

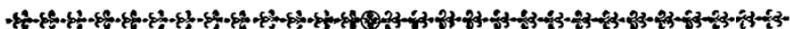
I.	171
II.	173

П О Э М Ы.

I. Машеринская любовь.....	177
II. Воспоминанія.....	192
III. Удовольствія поэта, или могущество поэзіи.	211
IV. Кладбище, опривокъ изъ поэмы: Воображеніе.....	220

С М Ъ С Ъ.

	Стран.
Гюспацъ, воспочная повѣсть.....	227
Сонъ.....	242
Къ щаспливцу-мудрецу.....	251
Къ Лицинію.....	255
Къ Делію.....	257
Пѣснь Шопландца.....	259
Къ фіалкѣ.....	261
Любовь и дружба.....	263
Къ лунѣ.....	266
Дубъ.....	267
Совѣтъ.....	268
Прекращенный споръ.....	269
На вопросъ Алины, и др.....	271
Подражаніе.....	272
Четырестпишія.....	273
Къ Делію.....	274
Эпиграммы.....	275
Примѣчанія.....	279

О Ш И Б К И :

Напечатано :

должно :

Стран. строк.

№8.	43.	ее	ея
159.	7.	впоришь	впоряшь
167.	5.	виной	виною
240.	40.	Рюшана	Рюшану
286.	12.	<i>Опытъ</i>	<i>Опытъ</i>

